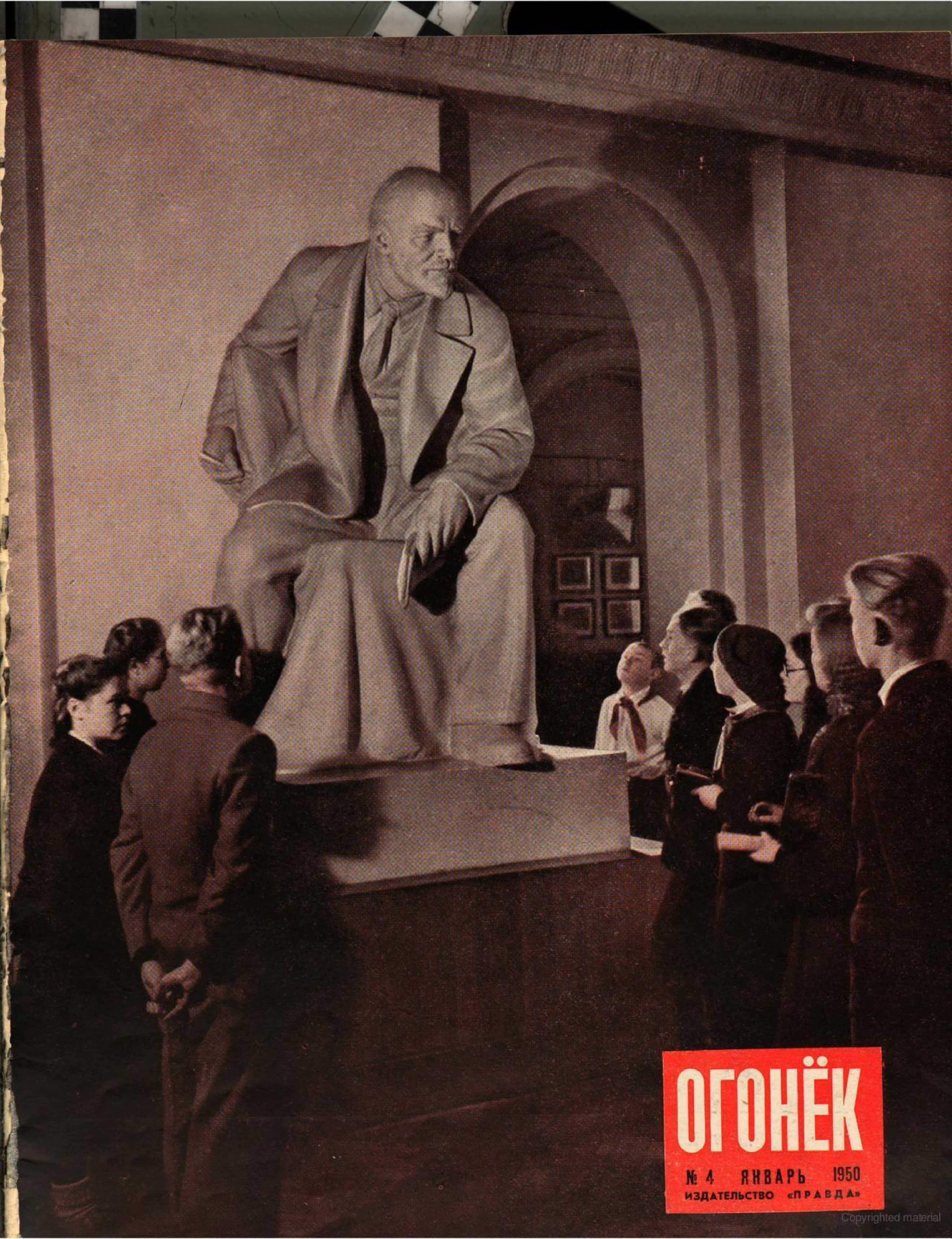

ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Комсомольцы Владимир Каплин и Мавра Миронова из Эвенкийского национального округа — студенты Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена (отделение народов Севера).
Фото Д. Трахтенберга

На первой странице обложки: В Центральном музее В. И. ЛЕНИНА. Фото Дм. Бальтерманца

На третьей странице обложки:
Январское утро. Фото А. Гостева

На последней странице обложки: В мартеновском цехе завода Азовсталь. Фото Н. Козловского

ОГОНЁК № 4 (1181) 22 ЯНВАРЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Бессмертный Ленин

26 лет назад, 21 января 1924 года, остановилось пламенное сердце Владимира Ильича Ленина — великого основоположника коммунистической партии и создателя советского государства.

Это была великая утрата для коммунистической партии, для рабочего класса и всех трудящихся нашей страны, для всего передового человечества.

Ленинское знамя принял из рук Ильича, высоко поднял и твердо понес вперед верный соратник и друг Ленина, великий продолжатель его дела Иосиф Виссарионович Сталин.

Под руководством товарища Сталина партия разгромила всех и всяческих врагов ленинизма и вывела советский народ на широкую дорогу победоносного социалистического строительства. В короткий исторический срок были осуществлены социалистическая индустриализация нашей страны и коллективизация сельского хозяйства. Социализм безраздельно победил во всех сферах народного хозяйства СССР. Вся гигантская деятельность большевистской партии и советского государства, направляемая товарищем Сталиным, вдохновляемая его идеями, его мудрыми указаниями, есть осуществление той исторической клятвы, которую дал товарищ Сталин от имени партии над гробом своего великого учителя и друга — Ленина.

Ленин и Сталин в своих классических трудах двинули вперед революционное учение марксизма, обогатили его новым опытом в соответствии с новыми условиями классовой борьбы пролетариата. Ленинизм является дальнейшим развитием марксизма, марксизмом в новых условиях, марксизмом эпохи империализма и пролетарских революций, марксизмом эпохи победы социализма в нашей стране. Ленинизм есть обобщение революционного опыта всех стран. Основы его теории и тактики обязательны для коммунистических и рабочих партий всех стран.

Заканчивая свой доклад на XVI съезде партии, товарищ Сталин говорил:

«Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию.

Со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства.

С этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире.

Да здравствует ленинизм!»

Непобедимое знамя Ленина осеняло советский народ в годы мирного социалистического строительства и в грозные годы Великой Отечественной войны, в борьбе за свободу и независимость нашей Родины, за спасение человечества от угрозы фашистского рабства. Великое ленинское знамя осеняет наш народ сейчас, когда под мудрым водительством товарища Сталина он одерживает успех за успехом на пути строительства коммунизма.

Ежегодно в день смерти Владимира Ильича Ленина большевистская партия, весь советский народ подводят итоги осуществления ленинских заветов, итоги пути, пройденного под знаменем ленинизма, под водительством товарища Сталина.

Эти итоги говорят нашему народу и трудящимся всех стран: Ленин бессмертен, ибо бессмертно и всепобеждающе его великое дело!

Идеи Ленина живут и побеждают в славных делах нашего народа, завершающего построение социалистического общества и осуществляющего постепенный переход от социализма к коммунизму. В своей гигантской созидательной работе по коммунистическому строительству советские люди вдохновляются и руководствуются программой великих работ, начертанной товарищем Сталиным в его исторической речи на собрании избирателей 9 февраля 1946 года.

Все более весомыми и зримыми становятся ростки коммунизма в нашей повседневной советской жизни. Четыре года назад наш народ приступил к осуществлению послевоенной сталинской пятилетки. Ныне пятилетний план близок к своему успешному, досрочному завершению. Наряду с социалистической промышленностью уверенно идет по пути мощного подъема наше сельское хозяйство.

Бурное развитие производительных сил Советского Союза происходит одновременно с подъемом материального и культурного уровня жизни трудящихся. Таков закон развития нашего советского общества. Быстрыми темпами идет технический прогресс во всех отраслях социалистической экономики. На всех фронтах социалистического строительства, во всех отраслях народного хозяйства, техники, науки, культуры ведущим и определяющим началом является новое, передовое, прогрессивное.

Более 30 лет назад Владимир Ильич Ленин назвал «великим почином» заботу передовых рабочих, выходивших на первые коммунистические субботники, о повышении производительности труда. Ныне эта забота стала всенародной, стала конкретным выражением могучего и животворного советского патриотизма, показателем неуклонно растущей социалистической сознательности масс. Ленинско-сталинская идея социалистического соревнования превратилась в величайшую материальную силу, разбудила великую энергию в сердцах миллионов советских людей, вошла в повседневный быт советского народа, стала одним из самых действенных факторов нашего победоносного движения к коммунизму.

В том, что более 90 процентов всех рабочих и служащих нашей промышленности и подавляющая часть колхозного крестьянства активно и плодотворно участвуют в борьбе за повышение производительности труда, за укрепление могущества и славы советского государства, нашло яркое свое подтверждение важнейшее преимущество советского общественного строя, о котором Владимир Ильич писал еще в первые месяцы советской власти:

«Социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно **широко**, действительно **в массовом** размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами».

26-й год жизни нашей страны без Ленина, четвертый год послевоенной сталинской пятилетки явился годом новых замечательных успехов социалистического труда, невиданного роста и расцвета народных талантов.

Дело Ленина живет в успехах могучего и непобедимого лагеря социализма и демократии. Вступившие на путь строительства социализма народы Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Албании уверенно идут по этому славному пути, успешно развивают свое хозяйство и культуру. На основе государственных планов быстрыми темпами осуществляется социалистическая индустриализация этих стран. Сделаны первые шаги в направлении социалистического переустройства сельского хозяйства. Непрерывно растет благосостояние народных масс. Трудящиеся народно-демократических республик чувствуют себя подлинными хозяевами своих стран. Свободные и независимые, они сами вершат свои судьбы.

Первостепенное значение для укрепления позиций мирового демократического лагеря имеют историческая победа великого китайского народа и образование Германской демократической республики.

Теперь лагерь социализма и демократии, возглавляемый Советским Союзом — нашей могучей социалистической Родиной, — насчитывает около 800 миллионов человек — более трети населения земного шара. Кроме того на стороне этого великого и непобедимого лагеря миллионы людей, борющихся за мир и демократию в самих капиталистических странах и в угнетаемых империалистами колониях.

В 1921 году, когда Советская страна была окружена бесчисленными врагами, когда голод и разруха терзали молодое советское государство, великий Ленин говорил:

«...Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье **начать** постройку советского государства, **начать** этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства **нового** класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн».

В результате первой мировой войны, развязанной империалистами, в результате Октябрьской революции от капиталистической системы отпала одна шестая часть земного шара и социализм победил в нашей стране. В результате второй мировой войны, которая также была развязана империалистами, от капиталистической системы отпал еще ряд стран, где восторжествовал строй народной демократии. Народы этих стран успешно строят ныне ту новую, социалистическую жизнь, о которой с такой твердой и непоколебимой уверенностью говорил Владимир Ильич почти 30 лет назад.

Век капитализма подходит к концу. Мы живем в век великого триумфа ленинизма, в век, когда все пути исторического развития ведут к коммунизму. Этот славный и верный путь указывает человечеству великая социалистическая страна — родина ленинизма.

☆ ☆ ☆

Двадцать шесть лет прошло со дня смерти Ленина. Но Ленин с нами! Все советские люди, все передовое человечество с великой любовью и признательностью говорят:

— Сталин — это Ленин сегодня!

С глубокой гордостью называют советские люди наше замечательное время великой сталинской эпохой. С именем Сталина связаны все всемирно-исторические победы нашей Родины. С именем Сталина связаны все успехи, которые одерживали и одерживают народы в борьбе за мир, за торжество демократии и социализма. С именем Сталина связан светлый завтрашний день нашей Родины, великое и счастливое коммунистическое будущее человечества.

26-я годовщина со дня смерти Ленина отмечается в нашей стране в дни подготовки к предстоящим 12 марта выборам в Верховный Совет СССР. Выборы явятся новой могучей демонстрацией великих побед советского народа, одержанных им под знаменем Ленина, под водительством Сталина. Эти победы укрепляют чувство патриотической гордости советских людей, вдохновляют трудящихся стран народной демократии, которые учатся на гигантском опыте Советского Союза, вселяют надежды в сердца миллионов людей в капиталистических странах и говорят им: то, что осуществлено в СССР, может быть и будет осуществлено во всем мире!

Тесно сплоченные вокруг большевистской партии, вокруг великого Сталина, народы нашей страны уверенно идут по пути коммунистического строительства. Свято чтя память великого Ленина, миллионы советских людей своим трудом — трудом героическим, творческим, решающим судьбы мировой истории, — претворяют в жизнь его бессмертное учение, вдохновляются единой целью, единым боевым девизом:

— Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед, к победе коммунизма!

СВЕТ, ЗАЖЖЕННЫЙ ЛЕНИНЫМ

Волховская ГЭС имени В. И. Ленина. Вид ночью. Фото Д. Трахтенберга

А. СТАРКОВ, М. ФРОЛОВ

В январе 1919 года рядовой самокатного полка Георгий Тайменев возвратился с гражданской войны в родные края, на Ладогу. По его могучим квадратным плечам, по красному, словно обожженному ветрами лицу, по большим жилистым рукам угадывался в нем охотник, рыболов. И в самом деле, никто на много верст в округе не умел лучше его промышлять зверя и ходить на сига.

Он пришел домой с фронта, когда Волхов уже стал. За сигами — поздно. Ну, что ж, в самый раз на боровую дичь. Только собрался, почистил и смазал ружьишко, нацепил патронташ,— приходит приятель:

— Савельич, ты никак в лес?

— В лес. А что?

— Не видал разве на столбах объявление?

— Не видал. Чего пишут?

— Станцию собираются строить.

— Какую станцию?

— Электрическую... На Волхове. Людей набирают. Пойдем!

Контора строительства была в поселке Званка, неподалеку от берега, напротив того самого места, где ловились сиги. Около приземистого, наспех сколоченного барака толпился народ из окрестных деревень. Большинство было знакомо Тайменеву, старожилу этих мест. Рабочих принимал низкорослый, сухощавый человек лет пятидесяти с неулыбчивым, суровым лицом, с жесткими ежиком темных, чуть тронутых сединой волос. Это был начальник стройки Графтио. Узнав, что Тайменев работал прежде слесарем на лесопилке, он окинул его оценивающим взглядом, сделал какую-то пометку в блокноте и сказал отрывисто:

— Машинистом на компрессор. Давать воздух в кессоны. Согласен?

Что такое кессон, Георгий Савельевич не знал. Но кессоны, так кессоны. Наверно, что-нибудь важное. Уж больно серьезно посмотрел на него инженер.

Так он был зачислен на строительство Волховской гидростанции.

...Примерно за год до этого на петроградскую квартиру Графтио явился посланец Совнаркома. Он сообщил, что прибыл по поручению Владимира Ильича Ленина. Правительство интересуется проектом силовой установки на реке Волхов, разработанным Графтио. В какой срок можно выполнить этот проект? Что для этого требуется: какие средства, сколько людей? Какова предполагаемая мощность станции? Согласится ли Графтио возглавить работы?

Все это было столь неожиданно, что Генрих Осипович растерялся и попросил дать ему срок подумать. А когда гость уехал, вслух обругал себя за то, что забыл даже пригласить человека сесть. Выслушал, а сказать ничего не смог. Сразу, сразу же надо было ответить на вопросы. Ведь ответы давно подготовлены. Вот они... Графтио подошел к чертежному столу, протянувшемуся через весь огромный нетопленый кабинет. На столе лежали папки с неосуществленными чертежами, таблицами, расчетами. Вот «Волхов». Сколько лет, потрясая этой папкой, он тщетно пробивал глухую стену равнодушия и саботажа!..

И вот теперь, кажется, близки к воплощению его заветные чаяния. Кажется, недалеко то время, когда зря пропадающие силы Волхова превратятся в гигантскую трудовую армию, состоящую из миллиона двухсот тысяч бессменных рабочих... За это взялись большевики. Они сделают!

Генрих Осипович, стоя у чертежного стола, пишет докладную записку на имя Владимира Ильича. Ноги затекли, но он ничего не чувствует...

Ленин немедля дал ход предложениям старого инженера. В газетах рядом с военными сводками появилось слово «Волховстрой», которое вошло скоро в широкий и постоянный обиход. Сквозь грозы и бури восемнадцатого года мудрый вождь видел огни Волхова. Он мечтал о том времени, когда Россия будет в состоянии «пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну,— на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя...».

И пока здоровяк Тайменев готовил компрессор, чтобы снабдить воздухом первый кессон, опущенный на дно реки там, где должна была вырасти будущая плотина, пока рылись котлованы, пока доставлялось оборудование из Москвы, Петрограда, Саратова и других городов, группа видных ученых, отдавших знания на службу молодой советской власти, работала над проектом чудесного плана, который должен сделать Россию «электрической». Это было ленинское задание. Рождался план ГОЭЛРО, программа электрификации страны, которую Ильич вскоре назовет «второй программой партии».

Он назвал ее так на VIII съезде Советов. Съезд собрался в холодном, полутемном зале Большого театра. Люди в солдатских шинелях, в бушлатах, в кожаных тужурках не отводили глаз от огромной географической карты, покрытой разноцветными лампочками. У карты стоял докладчик, председатель комиссии ГОЭЛРО Г. М. Кржижановский, невысокий человек в пальто, без шапки, и как только его длинная указка обращалась в сторону карты, лампочки вспыхивали ярким светом, рисуя величественную панораму плана ГОЭЛРО в действии. Графтио, сидевшему в партере, казалось, что ярче всего горит вон та крошечная лампочка в левом верхнем углу, лампочка на Волхове...

Кстати сказать, для того, чтобы карта могла освещаться на короткие мгновения, потребовалось, как пишет об этом на последних страницах «Хождений по мукам» Алексей Толстой, «сосредоточить всю энергию московской электростанции, — даже в Кремле, в кабинетах народных комиссаров, были вывинчены все лампочки, кроме одной — в шестнадцать свечей».

Говорил Ленин. Высоко над головой он держал томик в темной обложке — «План электрификации РСФСР». Такие же томики были розданы делегатам. Между обложкой и титульным листом вклеена узенькая полоска: «Ввиду крайней незначительности числа экземпляров этой книги убедительно просят товарищей, получивших ее, передать книгу по прочтении в местную библиотеку, чтобы по этой книге могли учиться рабочие и крестьяне».

...Графтио дома, на Волхове. Он стоит, окруженный строителями. Здесь могучий Тайменев, смуглый, тонколицый кессонщик Саша Голубев, щупленький, подвижной Николай Лешкет — коренной питерец, только что демобилизованный из Красной Армии, и степенный, немногоречивый Тимофей Громов. Передают из рук в руки томик, привезенный Генрихом Осиповичем. Разглядывают карту, точно такую же, какая висела в Большом театре, но только сделанную в малых масштабах.

— Вот она, Званка-то, — говорит Тайменев, — кружком обведена.
— На съезде нашу стройку назвали первенцем советской электрификации, — замечает Графтио.
— Первенец... — тихо, чуть нараспев повторяет Голубев, и все как бы прислушиваются к звучанию этого слова «первенец».
Молчат. Задумались. И, словно в туманной дымке, видятся им сквозь время плотина, смирившая реку, здание станции, свет над Волховом...
Ленин держал Волховстрой под неослабным личным наблюдением. Позже Графтио, вспоминая о своем письме к Владимиру Ильичу с жалобой на бюрократов и саботажников, мешающих работам, так рассказывал об этом:
«Несмотря на необъятное количество бесконечно более важных вопросов, которыми был в те времена загружен В. И. Ленин, ответ его не заставил себя ждать. Были даны точные, ясные и непререкаемые указания надлежащим учреждениям по отношению к Волховскому строительству, и работы были спасены. Тогда же В. И. Ленин распорядился, чтобы его впредь держали в курсе работ и всех вопросов, связанных с успехом последних. Горячий интерес к Волховстрою В. И. Ленин неизменно сохранял до конца, пока болезнь не оторвала его от гигантской и кипучей деятельности».
И еще рассказывал Графтио о том памятном летнем дне 1928 года, когда Волховскую гидростанцию посетил и осмотрел Иосиф Виссарионович Сталин.
...Год 1941. Вторая его половина мало прибавила энергии к тем пяти миллиардам киловаттчасов, которые выработала Волховская ГЭС за время существования. Немцы подошли почти вплотную к Званке, и Государственный Комитет Обороны приказал вывезти оборудование станции. В эшелон грузились генераторы, части турбин, трансформаторы, кабель, масляные выключатели и даже мраморные облицовочные плиты.
Жизнь замирала на станции, но полностью не замерла. В машинном зале стояли укрытые в тепляки два маленьких аварийных генератора. Они не останавливались. Они давали свет Волховскому фронту. В землянках горело электричество — лампочки Ильича. Вернется боец из разведки усталый, замерзший, вползет в землянку — светло. И сразу теплеет душа. Живет, значит, «Волхов», не гасит огней. Это он лишь с виду слепой, мертвый, а внутри его бьется сердце. Не покидают вахты, не сдаются люди. Двадцать их осталось. Тут и давнишние наши знакомые: дежурит у машины постаревший, но все такой же подвижной Лешкет, помогает ему Голубев, бывший кессонщик, бессменен у пульта управления Тимофей Громов... Только Тайменева нет: Тайменев едет с эшелоном на восток.
Эшелон прибыл в Ташкент в середине декабря. В пути догнали счастливые вести: разгром врага под Москвой, победа на Волховском фронте — под Тихвином...
Начальника эшелона инженера Сидорова вызвал на доклад уполномоченный Наркомата электростанций по Средней Азии академик Б. Е. Веденеев, когда-то работавший на Волховстрое главным инженером. Отправился с начальником и Тайменев, на правах ветерана. Когда волховчане появились в кабинете, Веденеев вышел из-за стола и обнял их. В глубине кабинета, у окна, стоял кто-то невысокий, сутуловатый. Тайменев вгляделся: Графтио.
— Генрих Осипович!
— Савельич!
Расцеловались. Пока Сидоров докладывал, старики стояли в уголке, в тени, и тихонечко, шепотком переговаривались.
Веденеев выслушал рапорт.
— Значит, оборудование в полном порядке?

Машинный зал Волховской гидростанции.

— Так точно, Борис Евгеньич. Берегли. Где будем устанавливать?
Веденеев шагнул к карте, закрытой шторками, раздернул их:
— Здесь. На Волхове.
Сидоров не сразу осознал услышанное:
— Как это понять?
— Так и понимайте.
Сидорову все еще не верилось:
— Обратно? Кто распорядился?
Веденеев улыбнулся, помолчал, потом тихо произнес:
— Сталин.
Снова, как в восемнадцатом году, судьба этой гидростанции была решена в Кремле. Великий вождь, подобно своему мудрому учителю, через грозы и бури войны разглядел огни Волхова...
— Как я завидую вам! — воскликнул Графтио, прощаясь с Георгием Савельевичем.
В этот же час за тысячи верст от Ташкента, на берегах Невы, в кабинете Усова — главного инженера Ленэнерго — раздался телефонный звонок. Говорил уполномоченный Государственного Комитета Обороны:
— Сергей Васильевич, есть решение восстановить Волховскую. Оборудование идет обратно. Прошу вас продумать, как будем принимать энергию. Представьте несколько вариантов...
...Новый год Сидоров и Тайменев встретили в дороге.
Состав был столь велик, что на промежуточных станциях не размещался между стрелками. Не так-то просто протолкнуть этакую махину в потоке поездов. И все же эшелону оказывалось особое внимание. Это был период, когда заводское оборудование — машины, станки — двигались только на восток. А тут турбины, генераторы — на запад! Волховстрой возвращается... Весть об этом радовала людей. Чудесный признак: вот что означает победа под Москвой!
Однажды у волховчан произошла символическая встреча: мимо проходил на Урал состав, нагруженный вражеской боевой техникой, разбитой на подмосковных полях, — лом металлургическим заводам... Начальников станций и диспетчеров не нужно было уговаривать: они сами старались быстрее пропустить волховский эшелон. Лишь под Куйбышевом, на узловой станции Кинель, предпочтение было отдано составу, который вез из Красноводска мандарины для госпиталей. Стоянку использовали для того, чтобы заменить несколько неисправных вагонов. Одним волховчанам не под силу было переставить гигантские ящики. Собрались люди, желавшие помочь. Стоял сильный мороз, но народ работал: пусть быстрей, быстрей идут машины на запад!
В последнюю ночь перед Званкой никто не спал. Эшелон остановился на рассвете. С шумом раздвинулись тяжелые двери вагонов, повалил пар. Полумгла. Туман над рекой. Ни огонька. Едва-едва проступает бледный, расплывчатый силуэт здания гидростанции.
— Вон она, родная, — сказал Тайменев, — стоит...
— А куда ж ей деваться? Понятное дело, стоит.
Это кто-то со стороны откликнулся, не из вагона. Голос явно Лешкета. А вот и он сам. В тулупе, который полностью укрыл его, щуплого, от пяток до макушки. Только по голосу и можно определить, что это Лешкет. С ним остальные девятнадцать — те, кто не давал погаснуть волховскому свету. Теперь их полку прибыло. Теперь огням Волхова разгораться и разгораться.
Машины встают на прежние фундаменты. Скоро их пустят. Но куда пойдет энергия? Она нужна Ленинграду. А как он получит ее, если высоковольтная линия передачи обрывается линией фронта? Выход должен быть найден. Таково сталинское задание. Это о нем говорил Усову по телефону уполномоченный Государственного Комитета Обороны: «Предложите варианты...» Усов и его товарищи ищут эти варианты.
Ладожское озеро! Пусть враг кидает бомбы, сбрасывает мины. Тральщик все равно отойдет ночью от причала и потащит за собой баржу с кабелем, который опустят в воду. Мало одной нитки? Лягут пять ниток. Трудно? Опасно? Нужна исключительная быстрота? За это взялись железные люди. Им приказал Сталин. Они не отступят.
Вот запись из вахтенного журнала Волховской ГЭС: «23 сентября 1942 года. Станция генераторами № 2 и № 4 работает на Ленинград с 9 часов 38 минут».
Все ярче разгораются огни Волхова. И вот уже горят они на полную мощность. Это победа труда, славного, геройского. Есть ему награда — телеграмма из Кремля:
«Поздравляю строителей и монтажников с полным восстановлением и вводом в эксплоатацию Волховской гидроэлектростанции имени Ленина мощностью 64 тысячи киловатт.
Желаю дальнейших успехов в деле восстановления энергетики Ленинграда.

И. Сталин».

...В погожий январский день приехали мы на Волхов. Что за голубизна, что за ясность разлиты в воздухе! Идем и гадаем: застанем Тайменева или нет? Говорят, он в отпуске сейчас. Наверно, в лесу. Ан нет, повезло: перехватили Савельича на пороге его дома. Все такой же он в шестьдесят лет могучий и ладный, каким был в те годы, когда «брал сига». Ружье за плечами. Но гостей надо же встретить! Придется повременить с охотой. Просим провести нас на станцию.
— С удовольствием.
Идем той же дорогой, которой Георгий Савельевич ходит вот уже тридцать второй год. О станции он говорит с лаской, как о родном человеке:
— Молодеет, старушка. Сколько новой техники! Прибавляется силенок...
Поднимаемся на пульт управления. Тужурка у Георгия Савельевича распахнута. На лацкане пиджака поблескивает орден с барельефом великого Ленина, именем которого названа эта первая советская гидростанция.

Палата Ленина

Дмитрий ОСИН

Есть старый корпус в Боткинской больнице,
кирпичный, потемневший, неприметный,
а в нем, почти у двери, угловая —
с одним окном — палата наверху.

Апрельским утром пасмурным, туманным
туда приехал Ленин и, устало
шагнув к крыльцу, вдохнул всей грудью терпкий,
зовущий запах листьев молодых.

«Весна... весна!» — подумал он, зажмурясь,
взглянул вокруг и вспомнил почему-то
Симбирск и Волгу и как пахли в парке
весенние над кручей тополя...

В тот год с войны домой на передышку
пришли солдаты и — как пелось в песнях, —
весной перековав мечи на плуги,
взялись за сев, за мирные дела.

И Ленин по пути в больницу думал
о них, о севе, о весне — и тоже,
как вся страна, той передышке мирной
душой и сердцем был в то утро рад.

Из боя в бой в одном строю со всеми
бессменно шел и тяжко был он ранен
в жестокой схватке и три года пулю,
перемогаясь, как солдат, носил.

Чуть отклонившись, не затронув сердца,
она с тех пор в плече, застряв, сидела
и шевелилась трудно и колюче,
едва лишь вверх он руку поднимал.

Всей силой воли боль перемогал он,
терпел, крепился, сам еще не веря,
что вот теперь, когда минули беды,
для мирной стройки не достанет сил.

И вдруг сказалось все: война, раненье,
бессонница, безмерная работа;
и все дела оставив — здесь, в больнице,
он очутился, уступив врачам.

А день апрельский тепел был и светел,
и крепко пахла смолкою весенней
раскрывшаяся за ночь, молодая
и клейкая на тополях листва.

И в операционной тоже пахло
той смолкой; там хирург и ассистенты,
надев халаты, мыли спиртом руки
и в тишине шептались меж собой.

А Ленин, распахнув халат больничный,
спешил по коридору, глядя в окна
на весь зеленый, весь в прозрачной дымке
старинный распускающийся сад.

О чем он думал! О весне! О жизни!
О будущем! О мирной передышке!
Или о чем-то, что порой, бывает,
еще и словом сам не назовешь!

Казалось, даже и сейчас он видел
прищуренным, устало зорким глазом
отсюда — всю от края и до края —
войною разоренную страну,

все города — без света и без хлеба,
разрушенные шахты и заводы,
железные дороги, села, избы,
пустые, одичавшие поля.

О них он помнил и в Кремле сегодня,
и по дороге, выбравшись в больницу,
решив все силы после съезда бросить
на этот новый и открытый фронт...

Порою глаз его приоткрывался,
нетерпеливо спрашивая: «Скоро!»
И каждый раз Семашко, обернувшись,
вполголоса шептал: — Сейчас... сейчас!

Сновали сестры, душно пахло иодом,
неторопливо о подставку звякал
то брошенный зажим, то расширитель,
то солнечным лучом сверкавший зонд.

Потом хирург промолвил ассистентам:
— Ну вот она!.. — и вдруг пинцетом, что ли,
до самой кости углубившись в рану,
там что-то очень бережно достал.

Чуть сплющенная, черная, большая,
на злобную змеиную головку
она была похожа и, сдавалось,
еще могла ужалить невзначай.

И сразу все вздохнули облегченно:
и ассистенты, и хирург, и сестры, —
и солнце жарко брызнуло по стеклам,
как сквозь разорванные облака...

Есть старый корпус в Боткинской больнице,
кирпичный, потемневший, неприметный,
а в нем, почти у двери, угловая —
с одним окном — палата наверху.

В ней Ленин, с операции вернувшись,
лежал в тот день, весенний, тихий, светлый,
в ней отдыхал он, силы набирался,
неплотно веки и во сне прикрыв.

А у дверей, в большом саду больничном
стояла тишина, оберегая
его покой, и только лапка клена
по-детски барабанила в окно.

Забывшись, он лежал, дыша глубоко,
повыше приподняв плечо в повязке,
и солнечные зайчики играли
на одеяле под его рукой.

О чем он думал снова, как проснулся,
на потолок, на эти стены глядя,
забыв о пуле, что принадлежала
теперь уже истории одной!

О плане ГОЭЛРО! О коммунизме!
О днях, что нашим дням придут на смену,
когда, соединясь, одной семьею
народы жить по-новому начнут!

Березка

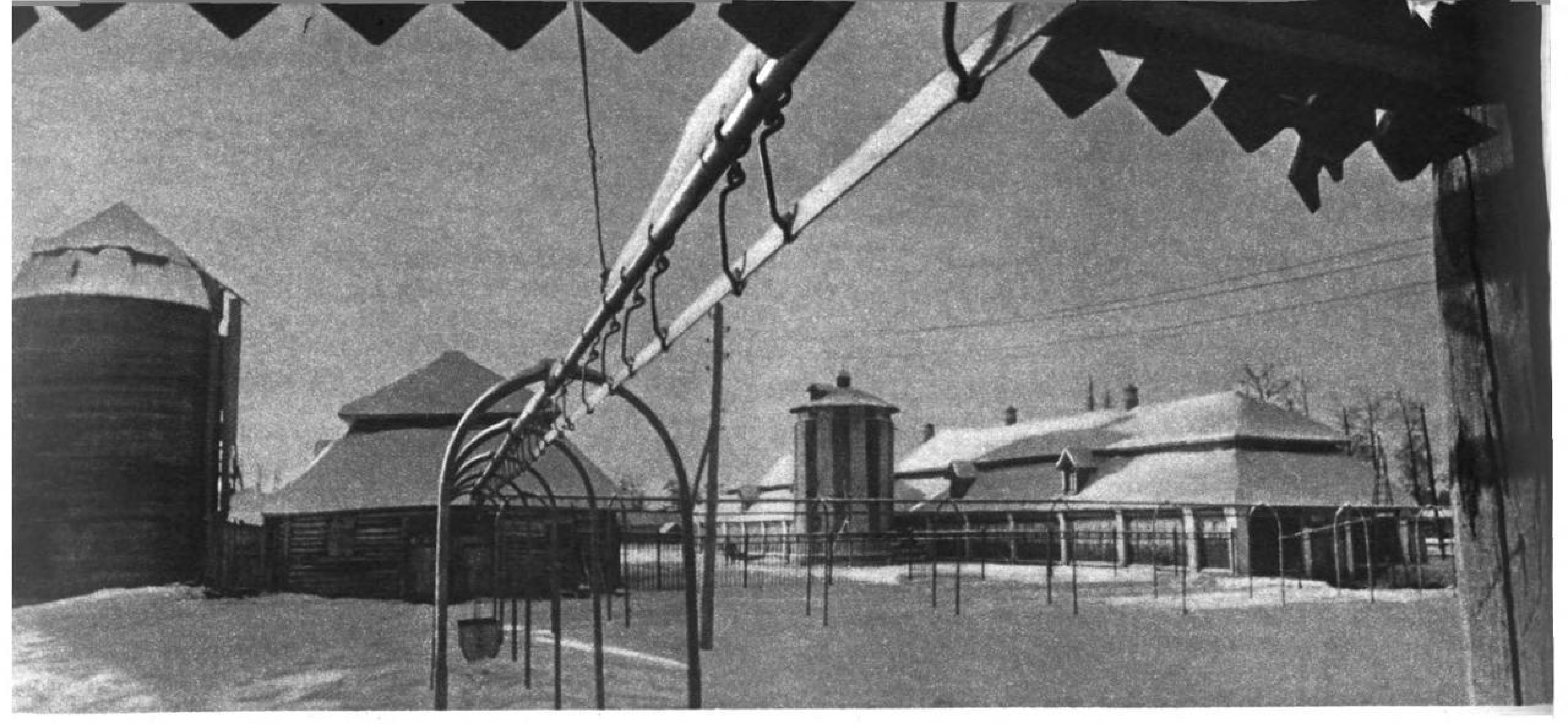
Антон ПРИШЕЛЕЦ

На пути в «Заветы Ильича»,
В поле, у ржаного
перекрестка,
Чистая, прямая, как свеча,
Голубым огнем
Горит березка.

Люди, той дорогой проходя,
Не случайно называют имя
Близкого, любимого вождя:
Здесь Ильич!
Идет он вместе с ними.

Пашут поле,
Косят ли траву,
Урожай снимают
непочатый,—
С ними он!
И в шутку их зовут,
Словно пионеров:
— Ильичата.

И березка
Та еще жива,
Русская, зеленая поныне,
О которой Ленин тосковал
В дни своих скитаний
На чужбине.

Совхоз „Лесные поляны"

С. КАНЕВСКИЙ

Фото Г. Зельма

Старожилы рассказывают: за Болшевым, в стороне от шоссе, среди густого, нетронутого леса, стоял на поляне дом — обычная подмосковная дача. Летом по воскресеньям иногда приезжали сюда на отдых Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская. Место тихое, спокойное; много ягод и грибов, Клязьма близко.

Крестьяне соседних сел приходили на поляну, и Ленин подолгу беседовал с ними о разных делах. Беседы с Владимиром Ильичем живы в народе, они передаются из уст в уста.

То было время, когда деникинские орды двигались на Москву, и положение молодой Советской республики было крайне тяжелое. А Ленин говорил о неизбежной победе над врагом, о прекрасном будущем нашей страны, о союзе рабочих и крестьян, о помощи города деревне, о машинах и электричестве, которые преобразят сельское хозяйство. Ильич говорил о необходимости создавать советские хозяйства, которые могут и должны стать ведущей силой социалистического земледелия.

И Ленин решил тут же, в этом районе, создать такое хозяйство. Так возник один из первых в стране совхозов. Владимир Ильич назвал его «Лесные Поляны».

Прошло 30 лет. На месте, где не было ничего, кроме леса и двух — трех домиков, теперь процветает передовое сельскохозяйственное предприятие.

Мы приехали в «Лесные Поляны» на электрическом поезде ранним зимним утром. Самое название «Лесные Поляны» сохранило лишь поэтический смысл и историческое значение: совхоз окружен со всех сторон фабриками и заводами.

Ленин хотел, чтобы «Лесные Поляны» были образцовым хозяйством. Совхоз и стал таким. Его теперь знают у нас и далеко за рубежами нашей Родины. Колхозники, студенты, руководители совхозов, научные работники из институтов, албанские крестьяне, чехи, болгары, поляки — тысячи людей побывали здесь в прошлом году.

— Не скрою, приятно работать в знаменитом хозяйстве, — признался нам директор совхоза Герой Социалистического Труда Юрий Федорович Голубаш, — но и ответственно. Минувшим летом мы обучили электромашинной дойке 288 совхозных бригадиров и зоотехников, провели семинар для 72 старших зоотехников совхозов. Верите ли, буквально нет дня, чтобы кто-нибудь к нам не приезжал...

Юрий Федорович всегда идет на разумные эксперименты. И в духе неутомимых поисков нового он воспитал коллектив совхоза: трактористов, агрономов, доярок, зоотехников.

Каждый колхозник теперь понимает практическую выгоду машинного доения коров. Многие колхозники слышали о тов. В. Ф. Королеве — советском изобретателе электродоильного аппарата, лауреате Сталинской премии. Но мало кому известно, что еще задолго до Отечественной войны здесь, в «Лесных Полянах», велись обширные научные исследования по машинному доению. Здесь испытывались всевозможные заграничные доильные машины, и все они были отвергнуты. Тогда за дело взялся инженер Королев. Настойчивого изобретателя поддержал коллектив совхоза. Зоотехники и доярки «Лесных Полян» вместе с Королевым продолжали поиски, и самая лучшая в мире советская доильная машина была создана.

Применение электричества и механизмов резко повышает производительность труда. На одном из скотных дворов совхоза мы видели, как всего четыре доярки обслуживают стадо в 100 голов. За смену они успевают почистить, накормить и подоить всех коров. Разумеется, управиться с таким стадом без полной механизации труда было бы немыслимо. Попробуйте, скажем, напоить из ведра 25 рослых племенных коров, если каждой из них требуется в сутки 50—60 литров воды, или накормить их вручную, если корова поедает до 100 килограммов различных кормов в сутки.

Особенно совершенна в «Лесных Полянах» техника приготовления кормов. Процесс от начала до конца выполняют машины и аппараты: они режут и смешивают сено, моют, запаривают и рубят корнеплоды, проращивают зерно злаковых и бобовых культур. Весь кормовой цех электрифицирован. Машины, перерабатывающие корнеплоды, действуют в едином непрерывном потоке.

Кормовой цех представляет собой завод, производящий по семи различным рецептам

Доярки «Лесных Полян» на уроке технического минимума. Занятия ведет старший зоотехник совхоза, кандидат сельскохозяйственных наук, Герой Социалистического Труда Ф. И. Тризно.

Скотный двор в «Лесных Полянах». Построен в годы войны. На снимке: коровы холмогорской породы. В 1943 году совхоз получил из Холмогор 20 коров и 120 телочек. Тогда лучшая из этих коров давала 2750 килограммов молока. Теперь даже средний удой превышает почти вдвое прежние рекорды.

16—17 тонн продукции в сутки. Между тем заняты здесь всего две работницы.

В «Лесных Полянах» ленинские мечты о механизации и электрификации сельскохозяйственного производства осуществлены почти в полной степени. Ни в США, ни в Европе нельзя найти хозяйства, которое сравнилось бы с «Лесными Полянами» по насыщенности энергетикой.

В совхозе, имеющем 600 гектаров земли, разводят чистопородных холмогорок, племенных рысаков, тяжеловозов, породистых свиней. В парниках выращивают овощи, в теплицах — цветы. Есть здесь большой фруктово-ягодный сад, пчельник, несколько подсобных предприятий. Совхозу хватает собственных кормов, хотя на каждые 100 гектаров приходится по 74 головы скота (в переводе на взрослый крупный рогатый скот). Далеко не все хозяйства могут выдержать подобную нагрузку.

И по продуктивности молочного скота «Лесные Поляны» выдвинулись на одно из первых мест в стране. В среднем удой фуражной коровы превысил в 1949 году 5 тысяч килограммов. Есть и рекордистки, дающие по 7—8 тысяч килограммов. Но главное, чем славятся «Лесные Поляны», — это равномерность удоев независимо от сезона. В мае прошлого года совхоз сдал государству 79 тысяч килограммов молока, в декабре — 74 тысячи. За этой цифрой скрываются смелые творческие поиски, длительная борьба сплоченного коллектива, его ритмичный, самоотверженный труд

Владимир Ильич хотел видеть в «Лесных Полянах» мощное, культурное советское хозяйство — прообраз коммунистического земледелия. Люди совхоза оправдывают надежды великого Ленина.

НА СНИМКАХ:

Идеальный порядок! Инженер из Министерства совхозов СССР Д. С. Соколов проверяет состояние электродоильной аппаратуры в бригаде доярки Героя Социалистического Труда Н. В. Авдеевой.

Процесс ухода за животными механизирован. Корма подаются на скотный двор по подвесной дороге.

«Малышу» нездоровится. Ветеринарный врач З. А. Иванова назначила ему облучение «солюксом». В ветеринарном лазарете применяют новейшие средства лечения животных.

Цикламены в январе. На центральной усадьбе в «Лесных Полянах» построена оранжерея площадью в тысячу квадратных метров. Агроном К. С. Лапшина и тепличница М. А. Рыбак отбирают цветы для продажи.

Это было в двадцатом

Владимир СОЛОУХИН

Это было в двадцатом тяжелом году.
Колесили метели в советской столице,
Распалялись морозы, от них на лету
Задыхались и мертвыми падали птицы.

Были выбиты стекла в цехах заводских,
Индевели станки, и молчали моторы...
Трудно с хлебом — и резали фунт на двоих,
Трудно с топливом — шли на растопку заборы.

С перебоем в дома приходила вода,
Неожиданно свет угасал на неделю.
«Но ведь это в столице, а что же тогда
От Москвы вдалеке, за февральской
метелью!»

Так он думал, из дальней страны человек,
Этот город впервые увидев воочью:
Перед фарами пылью крутящийся снег,
Переулки, афиш шелестящие клочья

Да никчемность трамвайных завьюженных
рельс,
И над всем — вековые кремлевские башни...
Был великим фантастом британец Уэллс,
Стало страшно Уэллсу от были тогдашней.

Все он понял еще до кремлевских ворот.
Предстоящая встреча добавит немного:
«Вся Россия во мгле, полудикий народ,
К омертвенью и тлену прямая дорога».

Эта схватка миров не похожа на ту,
Что ему представлялась в часы вдохновений,
Не к вождю марсиан в темноту, в пустоту
Шаг за шагом его поднимали ступени, —

Двое рослых, в военной одежде, людей
От парадных дверей до приемного зала
Проводили его коридорами, где
Даже лампам в тот час нехватало накала.

Но натертый паркет отливает, как воск.
Распахнулась тяжелая дверь кабинета...
«Что там думает этот загадочный мозг
Истощенной войною державы Советов!»

Изразцовую печь протопили вчера,
Но сегодня прохладно в его кабинете.
И внакидку пальто. И сидеть до утра
И работать с мечтой о свободной планете.

И британскому гостю движеньем простым
Предлагает он кресло, обитое кожей:
— Не угодно ли чаю, пока не остыл,
Удивительный чай, без варенья, но все же...

А по окнам струя снеговая, как бич...
Без конца и без края страна за стеною...
— Ну, а все-таки, что же, Владимир Ильич,
Вы решаете делать с погибшей страною!

Натянулась беседы суровая нить,
Гость открыто сочувствует, смотрит жалея...
— Мы республику нашу хотим осветить,
Чтобы стало и жить и работать светлее.

И по карте, от Пинских болот до Кремля,
От Кремля над тайгой...— и руки нехватило...
Разве может погибнуть такая земля,
Разве можно такой напророчить могилу!

От движенья пальто соскочило с плеча...
Вот по карте страны заходила указка,
И плывут и плывут в кабинет Ильича
За виденьем виденье, за сказкою сказка.

Будто стылые реки сибирских равнин
Перекрыли плотины бетонные наши,
И струится веселая сила турбин,
И летят провода над безмолвием пашен.

Будто трубами вся задымила тайга,
Засветилась она заводскими огнями,
Будто реки бросают свои берега
И уходят дорогой, указанной нами.

Будто мертвую степь заливает вода,
И лимонные рощи в степи вырастают,
А на месте пустынь — города, города,
И над ними — машин светлокрылые стаи!

Гость ушел раздраженным. Он в Лондоне даст
Интервью о поездке своей за границу
И о том, что сидит утопист и фантаст
За кремлевской стеной в азиатской столице.

Нам не спорить о том, к нам стучится весна,
Нам мечтать вдохновенно и радостно
строить!
Но душа торжеством до избытка полна,
И поэтому хочется крикнуть порою:

— Что ж, мечтатель Уэллс, слышишь
нынче меня,
Под тяжелым надгробьем, на кладбище
древнем!
Что: Россия во мгле! Нет, Россия в огнях!
Нет, в сверканье у нас города и деревни!

Это знамя Советов пылает огнем,
Освещая потемки Америк и Азий.
А о Марсе мечтать! Мы мечтаем о нем,
Коммунистам — и это не область фантазий.

По ленинскому пути

Франтишек КОМАРЕК

Когда ты родился, Ленин,
порой весенней, в апреле,
Склонясь над тобою, солнце
стояло у колыбели.
Чтоб растопить невзгоды
и вековое горе,
Весеннее солнце вечно
сияло в ленинском взоре.
Казалось, оно погасло,
когда по снегам-сугробам,
Прощаясь с тобой, миллионы
в скорби шагали за гробом...
Ленин, нет ты не умер!
И нынче, в Стране Советов,
Ты вместе со всей страною
трудишься дни и ночи.
Ты ходишь по всей Европе,
ты ходишь по целому свету,
Чтоб дать кусочек солнца
рабочим и детям рабочих.

Родную советскую землю
твои взрастили заботы:
В этой стране свободной
счастливая песня льется.
Там нет цепей капитала,
там слышится гул работы,
В которой счастье народов
и счастье мира куется.
Звенит трудовая песня,
день и ночь не смолкая,
И, словно радуга в небе,
над вольной землей сверкает.
И говорит всему миру,
всем угнетенным братьям:
В труде настоящее счастье,
а в золоте только проклятье!
Звенит советская песня
и в дальние дали льется...
Ленин! Ты дал нам красное
пятиконечное солнце!

Франтишек Комарек — молодой чешский поэт, рабочий стекольного завода в Праге.

Перевел с чешского
Бронислав КЕЖУН

Баллада о костре

Анатоль ВЕЛЮГИН

Метель над Разливом шумела,
засыпав рыбачий барак...
Цыгарку рукой огрубелой
крутил бородатый рыбак.

«Взгляните в окно
над сугробом —
склоняется лес до земли...»

Стучались к нам вихри со злобой
в свистящей, слепящей пыли.

Клубясь у камней на обрывах,
у скованных льдом берегов,
шло в ярости,
в пенистых гривах
косматое море снегов.

Но вот за летящей лавиной
почудились искорки зорь...

Рыбак улыбнулся:
«Поныне
не гаснет средь сосен костер,
в ночи на поляне пылает.
Метелям его не задуть!
Он путнику луч посылает,
счастливый укажет он путь.
Под утро хоть каждую стежку
пройди —
захоронится бор, —
нигде ни одной головешки,
а ночью пылает костер...»

Летели метельные гребни,
скрипел под ветрами барак...
Казалось мне былью волшебной
все то, что поведал рыбак.

Бессильны и снежные бури —
безбрежный светлеет простор...

«В селе говорят смолокуры,
как вспыхнул в Разливе костер.
Ильич подымался на склоны,
простор он оглядывал наш.
Смолистые прятали кроны
ночной огонек и шалаш.
Оставил на тихой поляне
Ильич перед бурей костер...»

И он засиял над полями,
лучи над землею простер.
. . . .

Трубят, как хрипящие горны,
над снежным Разливом ветра...
Китая и Греции горной
достигло сиянье костра.

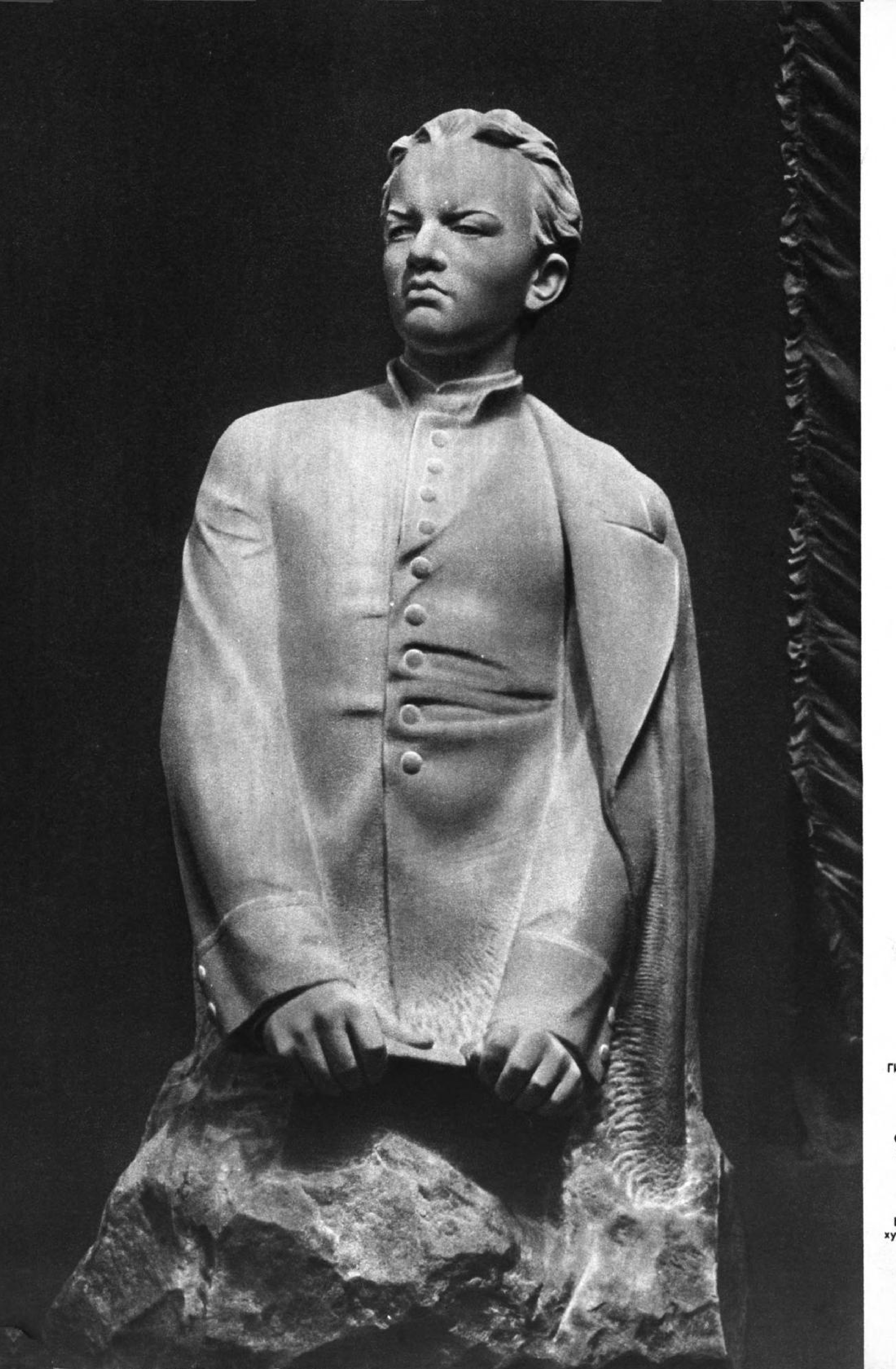
Его не погасят ни ливень,
ни волны морские,
ни кровь!
Горит он не только в Разливе, —
у дальних горит берегов.

Теперь пламенеют знамена
не только над нашей землей,
и свет их повсюду напомнит
нам ленинский облик живой.

Перевел с белорусского
Анатолий КУДРЕЙКО

Центральный музей В. И. Ленина.
У скульптуры «В. И. Ленин в Разливе».
Фото Дм. Бальтерманца.

ЛЕНИН-ГИМНАЗИСТ.

Скульптура В. Цигаля.

Всесоюзная художественная выставка 1949 года

На заводе имени Владимира Ильича

Недалеко от проходных ворот завода имени Владимира Ильича высится высеченный из гранита памятник В. И. Ленину. Позади памятника, в нескольких шагах от него, установлен камень — это именно то место, где пролилась ленинская кровь во время злодейского покушения на его жизнь.

Рабочие, инженеры, служащие завода с честью выполняют сталинский призыв:

«Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя».

Один день в неделю на заводе все посвящают изучению марксизма-ленинизма. Все, начиная с директора и кончая рядовым рабочим. Этот день — понедельник.

...Наступил час учебы. Директор завода будет слушать лекцию о ленинском труде «Империализм, как высшая стадия капитализма». Секретарь партийного комитета проводит занятия с одной из групп. Инженеры, технологи, строгальщики, мастера, экономисты, электромонтеры расходятся по своим кружкам. На завод приехали читать лекции и проводить занятия научные работники Московского экономического института — доценты, кандидаты наук Е. Д. Кирпичникова, М. Д. Леонов, Л. И. Итин. Сотни людей раскрывают книги и тетради в этот вечерний час.

На заводе работает партийная школа. Десятки кружков и политшкол занимаются в партийном и заводском комитетах, в партийном кабинете, во всех комнатах заводоуправления. Те, кто самостоятельно изучает марксизм-ленинизм по первоисточникам, собрались на семинарские занятия. Серьезно поставлено изучение философии в специальном кружке для руководящих работников завода. Многие учатся уже второй и третий год.

Вот один из кружков. Мы видим здесь двух немолодых уже модельщиков — тт. Ф. В. Васина и И. В. Кутаренко. Старательно записывают они в тетрадь рассказ своего преподавателя. Оба модельщика — отличники учебы, и, претворяя в жизнь сталинские указания, они успешно выполнили планы двух пятилеток. С ними рядом склонились над книгой маляр А. Л. Кузьмин, токарь И. И. Мельников, модельщик Н. П. Павлушкин. Таков состав слушателей, которые изучают труды Ленина и Сталина.

Заходим в партийный кабинет. Здесь тоже идут занятия. За маленькими столиками слушатели. У них в руках XXII том Сочинений В. И. Ленина.

Партийный кабинет оказывает большую помощь изучающим марксизм-ленинизм. Он подбирает им необходимую литературу, организует консультации. Вот и сейчас в витрине подобрана литература в связи с 26-й годовщиной со дня смерти В. И. Ленина.

Три поколения рабочих завода изучают труды Ильича.

Настойчиво овладевают ленинизмом старые, кадровые рабочие, знававшие еще времена, когда завод принадлежал Михельсону и был скорее кустарной мастерской, чем производственным предприятием. Они помнят и тот исторический день — 30 августа 1918 года, когда Владимир Ильич Ленин приезжал на завод. Они помнят трагический час злодейского покушения на любимого вождя...

Наряду с пожилыми рабочими труды В. И. Ленина изучает и молодежь — комсомольцы, для которых созданы специальные кружки. И совсем еще молодым ученикам ремесленного училища, третьему поколению рабочих завода, на уроках рассказывают о Владимире Ильиче Ленине, о жизни и трудах продолжателя его великого дела — Иосифа Виссарионовича Сталина.

...Проходят часы учебы. Инженеры и строгальщики, экономисты и токари поздним вечером расходятся по домам. Они могут ответить товарищу Сталину:

— Да, мы помним, любим, изучаем Ильича, нашего учителя, нашего вождя!

Я. МИЛЕЦКИЙ

Поток приветствий товарищу Сталину

В истории бывают моменты, когда думы, надежды и воля огромной массы людей соединяются в единый и могучий поток. Нет страны на земном шаре, откуда бы не текли в Москву в эти дни письма, телеграммы, приветствия; мысли и желания сотен миллионов лучших людей всех частей света слились в чувство горячей любви к великому вождю и учителю товарищу Сталину!

Молодежь Ирландии и итальянские женщины из города Болонья, австралийские железнодорожники и чешские композиторы, трудящиеся Кипра и передовые люди Техаса, аргентинские рабочие и албанские писатели, корейские студенты и рабочие австрийских заводов, венгерские крестьяне и шведские интеллигенты, трудящиеся уругвайской столицы Монтевидео и румынские металлурги из Крайова, итальянские металлисты, китайские рабочие и крестьяне и еще огромное множество людей прислали свои приветствия великому Сталину в связи с его семидесятилетием. Все яснее для угнетенных народов обрисовываются пути к освобождению, все ближе конечная цель победы в великой битве за свободу и мир. Эту цель все честные люди неразрывно соединяют с именем гениального кормчего социализма, вот почему поток приветствий товарищу Сталину превратился в могучую демонстрацию единства всех демократических сил мира, против империализма, против поджигателей войны.

В нашей стране любовь к великому Сталину стала огромной движущей силой в созидательном труде. Чувство преданности вождю повсюду соединяется с гордостью за свои трудовые победы. И поэтому десятки тысяч приветствий советских людей, адресованных в Кремль, звучат радостным, победным рапортом о том, как великие предначертания вождя воплощаются в жизнь.

Приветствуя великого Сталина в день его семидесятилетия, рапортовали о своих победах трудящиеся города и деревни, коллективы крупнейших промышленных предприятий, коллективы ученых, колхозников, учащихся.

Этот поток приветствий символичен. В нем и радость за свой труд, и гордость за свои успехи, и глубокая любовь к тому человеку, в котором олицетворились наши самые благородные дела и помыслы.

Исторический дом

Польский народ с уважением отмечает даты истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), связанные с пребыванием на территории Польши великих вождей трудящихся всего мира В. И. Ленина и И. В. Сталина. Недавно в Кракове на доме № 49 по улице Любомирского была установлена мемориальная доска. В этом здании в начале января 1913 года происходило совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, на котором были приняты решения по важнейшим вопросам рабочего движения в связи с начавшимся в России революционным подъёмом.

На снимках: митинг у дома № 49 по улице Любомирского в Кракове. С речью выступает министр юстиции Польской республики Свионтковский. Слева — мемориальная доска с надписью: «В этом доме под руководством Ленина и Сталина состоялось совещание ЦК РСДРП (большевиков) 10—14 января 1913 года».

ЗДЕСЬ ЖИЛ ЛЕНИН

Подмосковный город Подольск. Домик у самого берега реки Пахры. Его знают все местные жители. Здесь пятьдесят лет назад с мая по август 1900 года жил Владимир Ильич Ленин.

В январе 1900 года закончилась ссылка Ленина в сибирском селе Шушенском. Царское правительство запретило В. И. Ленину жить в столицах и промышленных центрах. И в конце февраля Владимир Ильич приехал в Псков. Отсюда Ленин ездил в Ригу, Подольск, Нижний Новгород. В Подольске, на Большой Московской улице, в доме местной учительницы

Подольский дом-музей В. И. Ленина.

В. П. Кедровой в эту пору находились родные Владимира Ильича. После очередного ареста в Петербурге Владимир Ильич в сопровождении чиновника корпуса жандармов прибыл в Подольск, в этот самый домик на берегу Пахры...

К домику всегда идут посетители: и местные жители и приезжие люди. Моряк — старшина второй статьи, группа пионеров, двое старых рабочих, прибывших в Подольск в командировку, осматривают дом-музей. Вот комнаты, где жили мать и сестры Владимира Ильича. На втором этаже, в маленькой светелке, жил сам Ленин. Узенькая, аккуратно заправленная койка. Кресло-качалка. Полочка с любимыми книгами Владимира Ильича: Пушкин, Чернышевский, Герцен, Белинский, Добролюбов. Простенький стол. Окно выходит в сад. Из светелки дверь на балкон. Владимир Ильич любил отдыхать, сидя здесь, на балконе.

Экскурсовод рассказывает посетителям о плодотворной деятельности Ленина. Здесь работал он над созданием общерусской марксистской газеты. Сюда, в Подольск, по вызову Ленина приезжали видные революционеры.

Непрерывной чередой движется людской поток и в подмосковное селение Горки. Здесь, в этом доме с белыми колоннами, жил, работал и двадцать шесть лет тому назад скончался Владимир Ильич Ленин.

Из Москвы только что прибыла экскурсия комсомольцев. Разрумяненные морозом юноши и девушки давно собирались побывать в Горках — и вот наконец их мечта сбылась. Они в историческом доме.

Переходя из комнаты в комнату, юноши и девушки знакомятся с материалами, которые в хронологической последовательности раскрывают важнейшие периоды жизни Ленина, роль Владимира Ильича, как создателя партии и советского государства, борьбу партии Ленина — Сталина за упрочение советской власти, за осуществление ленинско-сталинского плана построения социализма в СССР. Перед ними возникает великая дружба двух великих вождей — Ленина и Сталина.

Н. МАР

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ

Вся наша страна готовится к выборам в Верховный Совет СССР. 12 марта 1950 года советский народ, тесно сплоченный вокруг партии Ленина — Сталина, изберет в высший орган государственной власти самых лучших, самых достойных своих сынов и дочерей.

Подготовка к выборам с первых же дней вызвала новый огромный подъем политической и производственной активности всех трудящихся. Миллионы рабочих стали на стахановскую вахту в честь предстоящих выборов. Колхозники развернули борьбу за высокий урожай 1950 года, за новые успехи в преобразовании природы. Умножают свои творческие усилия инженерно-технические работники, люди науки, культуры, искусства.

Готовясь к выборам, трудящиеся с гордостью оглядываются на пройденный путь. В цехе, в сельском клубе, в рабочей семье страстно звучит в эти дни слово агитатора. Избиратели изучают «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» — документ, отражающий великие принципы нашей самой демократической в мире избирательной системы.

В эти знаменательные дни все мысли и чувства народа вновь и вновь обращаются к творцу нашей Конституции, великому знаменосцу мира, свободы и счастья, любимому учителю и другу всех трудящихся товарищу Сталину. Голосуя за кандидатов нерушимого сталинского блока коммунистов и беспартийных, советские люди будут голосовать за славную большевистскую партию, за своего великого вождя, за коммунизм.

Кампания по выборам в Верховный Совет СССР ширится с каждым днем.

В ЛЕНИНСКОМ РАЙОНЕ ТБИЛИСИ

— В границах нашего Тбилисского — Сталинского избирательного округа, — сообщили нам из Тбилиси, — находится одно из старейших предприятий республики — паровозо- и вагоноремонтный завод имени товарища Сталина. История этого завода неразрывно связана с революционной деятельностью Иосифа Виссарионовича в Грузии. Рабочие завода с гордостью повторяют слова товарища Сталина, произнесенные им в 1926 году на заводском собрании:

— Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение... Моими первыми учителями были тифлисские рабочие.

В годы советской власти мастерские превратились в современный завод, оснащенный передовой техникой. Славные дела вершат люди завода, неутомимо борющиеся за досрочное выполнение пятилетнего плана. Избирателям известны имена знатного кузнеца, депутата Верховного Совета Грузинской ССР Котэ Илуридзе и его друзей — токаря Чумбуридзе, котельщика Бабаева, литейщика Лордкипанидзе, которые дают продукцию в счет 1957 года. В дни подготовки к выборам в Верховный Совет СССР знатные люди завода взяли на себя новые обязательства.

Недавно котельщик Абрам Кикилашвили без отрыва от производства закончил Политехнический институт и стал инженером. Токарь Николай Цискадзе с успехом совмещает работу на заводе с учебой на физико-математическом факультете Тбилисского университета. Токарь Вахтанг Байсанашвили применил скоростные методы резания металла при обработке колесных пар. Кузнец Котэ Илуридзе решительно изменил технологию обработки паровозных деталей. Научное инженерно-техническое общество сочло его новаторство весьма ценным и приняло кузнеца в свои ряды.

Обо всех этих фактах из жизни старого завода рассказывают сейчас агитаторы многочисленным избирателям Тбилисского — Сталинского избирательного округа, готовящимся с честью выполнить свой гражданский долг.

НА КРАЙНЕМ ЗАПАДЕ

На побережье Балтийского моря живет и крепнет самая молодая в нашей стране — Калининградская область. В Калининград продолжают прибывать новые жители. Им приготовлены здесь жилые дома. О них уже заботятся и в избирательных округах. Многие граждане приедут в разгар избирательной кампании. Им надо разъяснить избирательный закон. Для этого выделены квалифицированные агитаторы, которые расскажут новым гражданам области о том, что сделали калининградцы за четыре года.

А успели они во многом. На новой советской земле появились новые города и поселки. Некоторые из них названы именами героев Отечественной войны — Нестерова, Гусева, Пермякова, Гурьева. Советские люди подняли из пепла и руин города и села, заводы и фабрики, построили совхозы и колхозы, школы и дома культуры. Только в 1949 году в Калининградской области было создано более пятидесяти колхозов.

Новыми производственными победами готовятся отметить калининградцы выборы в Верховный Совет СССР. В социалистическое соревнование в честь выборов включились бумажники и вагоностроители, железнодорожники и рыбаки, колхозники и рабочие совхозов.

В 1946 году во время выборов в Верховный Совет СССР впервые был организован Кенигсбергский избирательный округ. В нынешних выборах примут участие десятки тысяч мирных тружеников: пахарей и строителей, рыбаков и металлистов, инженеров и педагогов — людей, которым советский народ поручил почетное дело, — возрождение своих земель на крайнем западе страны.

В ОБЛАСТИ ИМЕНИ АКЫНА

Из Джамбула нам сообщили:

— Утром 10 января колхозница Герой Социалистического Труда Минтай Айджанова пришла в правление своего колхоза «Кумхаза» и сказала председателю:

— По радио передали Указ о проведении выборов в Верховный Совет СССР. Возьми, товарищ председатель, мое новое обязательство. В прошлом году я получила с гектара 260 центнеров картофеля, в нынешнем году обязуюсь с семи с половиной гектаров собрать по 300 центнеров, а с трех — по пятьсот.

Так знатная колхозница Джамбулской области, мастер высоких урожаев Минтай Айджанова начала подготовку к выборам в Верховный Совет СССР. Примеру передовой колхозницы последовали ее земляки. Правление колхоза «Кумхаза», Свердловского района, Джамбулской области, решило: ко дню выборов полностью завершить подготовку к весеннему севу, со всей площади посевов в нынешнем году получить по 100 пудов зерна с гектара, по 150 центнеров овощей и по 260 центнеров картофеля.

В честь выборов в Джамбулской области широко развивается социалистическое соревнование. Коллектив фабрики первичной обработки шерсти в городе Джамбул, уже выполнивший пятилетний план, обязался к 12 марта завершить квартальный план. Машинисты паровозного депо Джамбула дали слово, несмотря на сильные морозы и метели, провести поездов больше, чем по плану.

В ДОЛИНАХ ЗАКАРПАТЬЯ

— Второй раз будут участвовать в выборах в Верховный Совет СССР жители Закарпатья. В городах и селениях нашего края, навеки воссоединенного в единых границах украинского советского государства, идет деятельная подготовка к 12 марта.

Агитатор Прасковья Товт хорошо известна в нашем городе Мукачево. Эта славная труженица, стахановка мебельной фабрики, все время поддерживает связь с жителями избирательного участка. Как только Прасковья Товт услышала Указ Президиума Верховного Совета СССР о выборах верховного органа власти, она пошла к избирателям и провела с ними первую беседу. Одновременно с ней сотни агитаторов пошли к избирателям. Они рассказывали о том, какие великие перемены произошли в Закарпатье в послевоенные годы, как большевистская партия, советское правительство и лично товарищ Сталин помогают украинскому народу развивать промышленность и социалистическое земледелие, строить города и селения. Разительные перемены произошли в послевоенные годы в Закарпатье. За примерами далеко ходить не нужно: перед избирателями их собственный город Мукачево. Немало пострадавший от гитлеровских оккупантов, город строится, растет, становится крупным культурным центром Закарпатья.

ИХ НЕ БЫЛО НА КАРТЕ...

— В границы нашего Орского избирательного округа № 340 включено и несколько новых городов, выросших буквально за последние годы. Еще сейчас железнодорожные справочники сообщают, что неподалеку от Орска находится разъезд Медный. Но справочник отстал. Жизнь ушла вперед. Есть город Медногорск. Здесь живут тысячи советских людей, которые строят и любят свой юный город. В Медногорске есть школы, театр, больницы, библиотеки, кино.

Вторым новым городом в нашем избирательном округе является Ново-Троицк. Еще совсем недавно здесь было всего несколько десятков домов. Теперь на месте былой деревушки многоэтажные каменные дома, мощеные улицы, отличные клубы для рабочих, прекрасная больница, светлые школы и детские сады.

Передовые рабочие города Орска тт. Киселев, Ханжин, Пронин, Махова первыми взяли обязательство к 12 марта закончить производственную программу шести месяцев. Почин передовиков поддержан: социалистическое соревнование, посвященное выборам в Верховный Совет СССР, охватывает все больше и больше людей.

Центр — Сталинский райсовет

В большом новом здании Сталинского райсовета на Щербаковской улице Москвы началась подготовка к выборам в Верховный Совет СССР.

Как точнее разбить округ на избирательные участки, сколько их создать? Естественно прежде всего обратиться к опыту выборов, состоявшихся четыре года назад. Однако сразу же выяснилось, что прежняя мерка уже не по росту району, шагнувшему за это время далеко вперед. Придется увеличить число избирательных участков. Население Сталинского района столицы сильно возросло: теперь избирателей будет на несколько десятков тысяч больше, чем во время прошлых выборов.

Этот вывод дал толчок к сравнениям: что было четыре года назад и что стало теперь.

За это время построено 117 многоэтажных домов и более 100 домов завершается строительством. В Измайлове на месте недавних пустырей и огородов вырос большой, благоустроенный поселок. Дома здесь имеют все современные удобства, точно такие, как и в центре города, расстояние от которого не пугает новых жителей Измайлова: к их услугам трамваи, автобусы, метро.

Многое изменилось и в облике района и в жизни его обитателей. Выросли две средние школы. Одна из них — образцовая и по своему архитектурному оформлению и по постановке учебы. Это мужская полная средняя школа, где обучаются 1500 человек. Она имеет физкультурный и актовый залы, большую спортивную площадку, прекрасные кабинеты. Сталинский район обогатился двумя детскими домами, двумя детскими садами, двумя яслями — многое сделано для детворы.

Дома для работников Научно-исследовательского института черной металлургии на 7-й Парковой улице в Измайлове.

Домашним хозяйкам теперь кажется уже невозможным и дня прожить без газа. А во время прошлых выборов не более тысячи квартир в районе имели это удобство. Пройдет еще несколько месяцев — и Сталинский район столицы будет газифицирован полностью.

Появились широкие магистрали, перерезывающие район вдоль и поперек. Новыми скверами украсились площади и улицы. Сооружается новый кинотеатр в Измайловском поселке. Обновились дома, на их ремонт израсходовано более 17 миллионов рублей.

Сталинский район — один из крупнейших промышленных районов Москвы. За эти годы выросли его предприятия. Расширился ассортимент изделий, выпускаемых заводами и фабриками района. Здесь производят и сложное электрооборудование, и тончайшие измерительные приборы, и отличные ткани, и добротный трикотаж.

Отсюда, из Сталинского района, пошел по всей стране призыв к работе по часовому графику, к повышению норм выработки, к досрочному выполнению послевоенной сталинской пятилетки.

Вместе с ростом народного хозяйства росли и люди района. Многие из них приобрели за эти годы всесоюзную известность, стали знатными людьми социалистической Родины. Кто не знает прославленной стахановки Хрисановой, ездившей в Париж на конгресс сторонников мира, или знатного шлифовщика Макарова с Московского инструментального завода?!

Сталинская пятилетка взрастила целую плеяду новаторов.

И, пожалуй, лучше всего о лице района говорят такие цифры: на его территории 4 высших учебных заведения, 6 техникумов, 23 школы, 11 научно-исследовательских институтов.

За одно лишь четырехлетие далеко шагнул вперед Сталинский район Москвы!

На Щербаковской улице, в здании Сталинского райсовета, — центр Сталинского избирательного округа, того округа, жители которого горды и счастливы тем, что товарищ Сталин — их депутат в Верховный Совет СССР.

А. ЯКОВЛЕВ

Дневник ОГОНЬКА

МНОГОМИЛЛИОННЫЕ ТИРАЖИ ЛЕНИНСКИХ ТРУДОВ

Каждое утро в магазине подписных изданий, что на Кузнецком Мосту в Москве, можно видеть такую картину: несколько десятков книгонош на широком прилавке складывают в сумки тома Собраний сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина. Привычные руки сортируют книги по адресам, маршрутам. После того как сумки наполнены, книгоноши отправляются в путь, по домам подписчиков.

Проходит некоторое время — и у окна выдачи книг появляются посетители магазина. Их много, они идут нескончаемой чередой. Это те, кто пожелал получать выписанные ими произведения классиков марксизма непосредственно в магазине. 57 864 человека получают здесь четвертое издание Сочинений В. И. Ленина и 50 100 — Сочинения И. В. Сталина.

Ежедневно из всех уголков страны в адрес магазина поступает множество писем с просьбой прислать тот или иной том трудов Ленина и Сталина, поторопиться с высылкой очередной книги.

Распространение московским магазином подписных изданий ленинских произведений отражает лишь крохотную часть тех гигантских тиражей, которыми они расходятся в Советском Союзе.

— С 1917 по 1950 год, — сообщили нам во Всесоюзной книжной палате, — в СССР на 77 языках издано 188 миллионов 761 тысяча экземпляров Сочинений В. И. Ленина.

Гениальные творения изучают на родном языке украинцы и белоруссы, узбеки и казахи, грузины и азербайджанцы, литовцы и латыши, татары и башкиры, марийцы и осетины, якуты и лезгины — чуть ли не все народы, населяющие нашу необъятную страну. Труды Владимира Ильича Ленина на языках народов СССР, не считая русского, в течение тридцати трех лет были выпущены тиражом, достигающим 28 миллионов экземпляров. В девяти союзных республиках, кроме РСФСР, издаются теперь полные Собрания сочинений В. И. Ленина.

6 миллионов 270 тысяч экземпляров ленинских произведений вышли у нас в свет на иностранных языках: китайском, польском, английском, испанском, итальянском, корейском, немецком, французском, японском, греческом, шведском, персидском и других.

Во всем мире, на самых отдаленных землях можно видеть книги Ленина и Сталина. Об этом красноречиво свидетельствует глобус, хорошо известный посетителям Московского центрального музея В. И. Ленина. Красными точками обозначены на нем пункты издания ленинских и сталинских произведений. Таких пунктов в СССР — 218, а в зарубежных странах — 248. Труды великих вождей и организаторов Великой Октябрьской социалистической революции и советского государства издаются на 117 языках народов мира.

В золотой фонд библиотек нового Китая, Польши, Болгарии, Чехословакии и других народно-демократических государств изо дня в день входят вновь издаваемые ленинские Сочинения. В одной только Польше труды «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Что делать?» изданы тиражом в 200 тысяч экземпляров каждый. В минувшем году начато издание на польском языке полного собрания произведений Владимира Ильича.

СЕЛО ШУШЕНСКОЕ

На юге Красноярского края проходит Усинский тракт, связывающий Хакасскую автономную область с Тувинской. На 67-м километре тракта издалека виден столб с надписью: «В. И. Ленин в 1897 г. выслан в село Шушенское, где находился до 1900 г.». В стороне отсюда, в котловине, сжатой отрогами Кузнецкого Ала-Тау, раскинулось это историческое село. Здесь в тяжелых условиях царской ссылки жил и трудился великий Ленин. Отсюда он продолжал руководить революционным движением в России, здесь им было написано свыше 30 произведений, среди которых—«Развитие капитализма в России», «Задачи русских социал-демократов», «От какого наследства мы отказываемся» и другие.

Сюда приезжают тысячи людей со всех концов Советского Союза. С благоговением осматривают они места, связанные с именем В. И. Ленина.

Как не похоже теперь Шушенское на прежнее захолустное селение. Вдоль прямых улиц — столбы с телефонными, телеграфными и радиопроводами. Из окон домов льется яркий свет электролампочек. У клуба на высоком постаменте — гранитная фигура Ленина с устремленной вдаль рукой.

Недалеко от центра высится каменное четырехэтажное здание сельскохозяйственного техникума. Из его аудиторий вышло уже 600 специалистов. Выделяются здания почты, телеграфа, телефонной станции, радиоузла, промкомбината, кинотеатра.

Шушенский район стал районом сплошной грамотности. Он полностью электрифицирован, повсюду проведено радио, села района связаны между собой телефоном. Кроме техникума и двух семилетних школ в Шушенском открыты партийная школа и вечерняя школа для взрослых. Библиотека имеет около пяти тысяч читателей, тогда как в 1916 году во всем селе было лишь двадцать грамотных. Шушенская больница — одна из лучших в крае. Есть в селе амбулатория, аптека, детская консультация.

Многие шушенцы прославили себя ратными подвигами. Офицеры Советской Армии А. И. Шахов и С. У. Кривенко удостоены звания Героя Советского Союза. Подполковник Советской Армии Н. К. Песегов — кавалер 12 орденов.

Всю жизнь работал на кулаков Илларион Штромило. Такой удел ожидал и его сына, Ивана Илларионовича, если бы не советская власть. Герой Социалистического Труда Иван Штромило — сейчас председатель исполкома райсовета.

Золотая Звезда Героя Социалистического Труда украшает грудь тракториста Г. Н. Ильина.

В районе выросла своя интеллигенция — врачи, агрономы, учителя, инженеры. Сын бывшего батрака Никулин — геолог, Степанова — врач, Бутенко — учительница, Ерченко — агроном. И таких сотни.

Хлеборобы села Шушенского трудятся в двух колхозах: имени В. И. Ленина и имени Н. К. Крупской. В истекшем году шушенцы вырастили на каждом гектаре от 120 до 180 пудов пшеницы. Первыми в крае они закончили уборку, рассчитались с государством и сдали сверх плана более 100 тысяч пудов зерна.

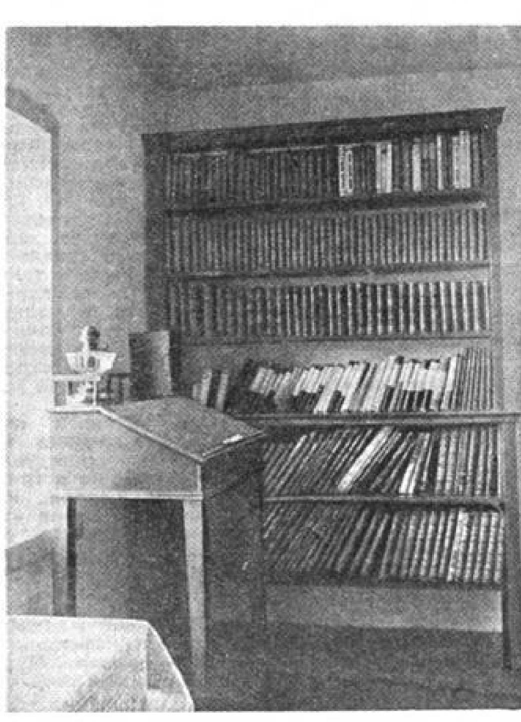
До революции в Шушенском не было даже кустарных мастерских, а сейчас здесь высятся корпуса цехов промышленного и пищевого комбинатов. Промкомбинат выпускает для населения гончарную посуду, обувь, минеральные краски, черепицу, кирпич.

Таким мы видим Шушенское сегодня. Но завтра этого села еще прекраснее. Утвержден генеральный план его реконструкции. В ближайшие годы здесь появятся восемь жилых благоустроенных кварталов, большой парк, три дома культуры. Расширятся учебные заведения.

По трубам, проложенным под улицами, вымощенными брусчаткой, пойдет вода в дома жителей. Плодовые сады в колхозе имени В. И. Ленина займут 15 гектаров, а в колхозе имени Н. К. Крупской — 40 гектаров. На берегу реки будет построена гидростанция.

Особенно красивой станет центральная часть села. От звездообразной площади, в центре которой будет разбит сквер и установлена мраморная скульптура Ильича, пятью лучами разойдутся улицы, застроенные двухэтажными домами. В сквере, напротив памятника, будут находиться домики-музеи. Дальше расположится большое здание Дома советов, строительство которого уже заканчивается. По другую сторону сквера — Дворец культуры. В Шушенском начато сооружение гостиницы. Будет выстроен также универмаг. Вдоль прямой улицы протянутся к речке жилые дома, а на другом берегу возникнут тенистый парк культуры и отдыха, стадион, водная станция.

М. ГЛОЗУС

Дом-музей В. И. Ленина в селе Шушенском. Уголок рабочего кабинета Владимира Ильича.

Первая русская женщина-ученый

— Сто лет назад, 15 января 1850 года, в Москве родилась девочка, которой суждено было стать одной из самых выдающихся представительниц математической науки девятнадцатого века, первой женщиной — членом-корреспондентом Петербургской академии наук и профессором Стокгольмского университета.

Такими словами открыл общее собрание Академии наук СССР, посвященное Софье Васильевне Ковалевской, президент академии С. И. Вавилов. Во вступительном слове он охарактеризовал научные заслуги первой русской женщины-ученого.

— В истории человечества до С. В. Ковалевской, — говорит С. И. Вавилов, — не было женщины, равной ей по силе и своеобразию математического таланта.

Ее фундаментальное исследование по вращению твердого тела послужило основой развития важнейших вопросов механики в нашей стране и за ее пределами. Ее работы по теории диференциальных уравнений и по некоторым вопросам математической физики и теоретической астрономии сохраняют свое значение и сегодня. Ее славное имя стоит в одном ряду с именами замечательных русских ученых Д. И. Менделеева, И. М. Сеченова, К. А. Тимирязева, братьев А. О. и В. О. Ковалевских.

С. В. Ковалевская проявила себя не только на поприще науки, но и литературы. Она писатель-публицист, автор романов, рассказов, драм.

Она была зачинательницей движения женщин в науку. Но только Великий Октябрь широко распахнул перед ними двери, открыл необъятные творческие перспективы. С каждым годом растет и множится число женщин-ученых в нашей стране.

Яркий доклад о жизни и плодотворной научно-педагогической деятельности С. В. Ковалевской сделала член-корреспондент Академии наук СССР П. Я. Кочина. Она привела интересные факты, которые показывают, ценой каких самоотверженных усилий прокладывала себе дорогу в науку даровитая девушка, сколько она затратила энергии, чтобы добиться поставленной цели.

Основываясь на воспоминаниях и документах, по-новому осветила общественную и литературную деятельность С. В. Ковалевской доктор исторических наук М. В. Нечкина.

Скитаясь вдали от отчизны, С. В. Ковалевская сохраняла, как говорили ее друзья, «свою национальность, оставалась верной и преданной союзницей юной России, России мирной, справедливой и свободной, той России, которой принадлежит будущее».

Соревнование продолжается

Гудок давно уже возвестил об окончании рабочего дня, а сменному инженеру Савченко все еще не хочется уходить домой. В этом светлом, большом цехе с высокими сводами как-то по-особенному все близко и дорого. Пять лет назад здесь, у станка, на Киевском машиностроительном заводе началась его трудовая жизнь.

На стене алеет лозунг: «Товарищи производственники! Ознаменуем выборы в Верховный Совет СССР новыми трудовыми достижениями!». Николай Савченко окидывает взором огромный цех, жужжащий, словно улей, и с удовлетворением уходит в свою конторку. Четыре года назад он, рядовой токарь завода, с энтузиазмом нес у станка трудовую вахту. За четыре года, что пробежали так быстро и незаметно, он, демобилизованный солдат, успел заочно окончить институт, стал инженером, командиром производства. И крепнет мечта защитить кандидатскую диссертацию...

Его мысли прерывает телефонный звонок.

— Ты не забыл, Николай, что мы с тобой агитаторы и сегодня наша первая беседа у избирателей? — слышится в трубке знакомый голос.

— Знаю, знаю, товарищ Кузьменко, — откликается Савченко. — Я и сам хотел тебе напомнить об этом.

Встретившись у проходной, друзья уходят с завода.

Их привыкли видеть вместе. Подружившись в госпитале, земляки вместе возвратились в Киев, в один день пришли на завод, вместе поступили на заочное отделение Политехнического института. В 1946 году, когда они впервые в жизни стали избирателями, друзья решили ознаменовать радостный день выборов выполнением квартального задания. Токари Кузьменко и Савченко сдержали свое слово.

На этот раз договор на социалистическое соревнование в честь выборов заключен опять. Его снова подписали Савченко и Кузьменко — уже инженеры двух соревнующихся цехов.

О большом трудовом подъеме в городах и селах Украины, о повсеместном трудовом подъеме и о многом другом рассказали избирателям инженеры-агитаторы.

...Во всех избирательных округах Киева, Харькова, Днепропетровска и других городов и сел Украины агитаторы ежедневно встречаются с избирателями.

Уже вошло в традицию отмечать новыми производственными успехами знаменательные даты в жизни страны. Вот и сейчас, готовясь к выборам в Верховный Совет СССР, украинский народ переживает огромный производственный подъем. Стахановскую вахту несут металлурги Приазовья, донецкие горняки, киевские машиностроители, колхозники Запорожской степи. Со всех концов республики в Киев поступают сообщения о новых замечательных успехах, достигнутых в честь предстоящих выборов.

Н. ГАЛИНСКИЙ

«Новая Чехословакия»

— Праци честь! Честь труду! — этими словами каждое утро приветствуют друг друга простые люди Чехословакии, встречаясь у заводских ворот.

Слова эти стали девизом строителей новой Чехословацкой народно-демократической республики. Они могли быть написаны и на заглавных титрах фильма, воспевающего народ, его свободный, вдохновенный труд.

Цветной документальный фильм «Новая Чехословакия», созданный советскими мастерами кино в содружестве с чехословацкими кинематографистами, вышел на экраны кинотеатров Москвы и Праги. Фильм смотрится с большим интересом потому, что он просто и ярко рассказывает о величественных событиях сегодняшнего дня Чехословакии, о том, как рождается новое, социалистическое отношение к труду, как, учась у советского народа, Чехословацкая республика борется за мир, за социализм.

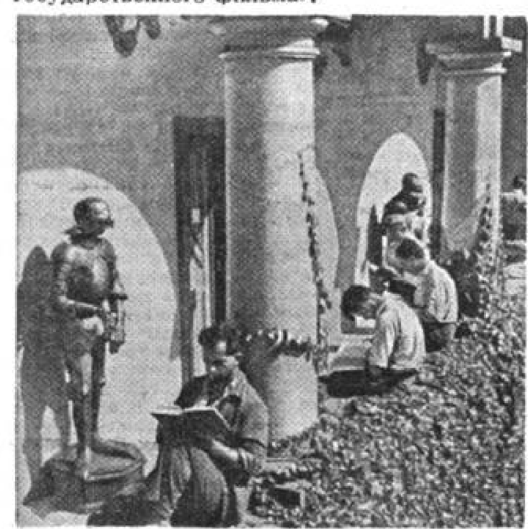
— Пройдем по улицам Праги,— приглашает зрителей диктор.

И вот перед нами золотая Прага, с ее древними улицами, рассказывающими о многовековой культуре и истории чешского и словацкого народов и об их сегодняшнем дне.

Мы видим залитую солнцем Прагу в день открытия девятого съезда коммунистической партии Чехословакии, видим ее жизнерадостный народ, полный энтузиазма и творческих сил.

— Каждый коммунист — ударник!

Цветной документальный фильм. Автор — режиссер В. Беляев, режиссер — В. Влчек, автор текста — В. Полторацкий, композитор — Я. Капр. Производство Центральной студии документальных фильмов и «Чехословацкого государственного фильма».

В средневековом замке открылась школа рабочей молодежи.

Они окончили среднюю школу. Перед ними открыты все пути...

Этот лозунг висит в цехах заводов, фабрик, на стройках, шахтах и рудниках. Мы слышим эти слова с экрана, и мы видим, как они претворяются в жизнь. За каждым коммунистом-ударником идут тысячи беспартийных рабочих, борцов за высокую производительность труда.

Вот ткачиха Анна Вацкова, обслуживающая 60 станков. А вот мастер Франтишек Грушка, ставший изобретателем, и рядом с ним молодой токарь Брзобогатый — ученик и последователь ленинградского стахановца Борткевича. Мы знакомимся с героями труда новой Чехословакии в цехах и потом видим их в Пражском кремле, где им вручаются правительственные награды.

Смотришь фильм и ощущаешь, как дыхание новой жизни врывается во все уголки страны, даже в мрачный средневековый замок феодалов, в помещении которого теперь учится рабочая молодежь.

В фильме полно и ярко отражена новая жизнь промышленных районов Чехии, сельскохозяйственных областей Словакии. Картина показывает, как в Словакии создается своя индустрия, строятся мосты, дороги, электростанции. С большим мастерством операторы сняли горы Словакии, ее плодородные долины.

Пока сельское хозяйство Чехословакии в основном составляют еще мелкие раздробленные хозяйства крестьян. Но уже созданы первые коллективные хозяйства. До недавнего времени чешские и словацкие крестьяне не знали высокой сельскохозяйственной машинной техники. А уже в прошлом году на поля пришли тракторы новых машинно-тракторных станций. С пражских заводов на помощь крестьянам прибыли бригады рабочих.

Хорошо в фильме показан сельский праздник урожая, который осенью справляется всей страной. Этот древний праздник наполнен сегодня новым содержанием, новой радостью!

Цветной фильм о Чехословакии — большой успех советской и чехословацкой кинематографии. Он служит делу дальнейшего укрепления дружбы между советским народом и народом Чехословакии.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Семидесятипятилетие Р. М. Глиэра

Тепло отметила общественность столицы семидесятипятилетие Рейнгольда Морицевича Глиэра. Многочисленные делегации пришли на торжественный вечер в Центральный дом композиторов, чтобы поздравить юбиляра.

В фойе Дома композиторов развернута большая выставка, посвященная творчеству Р. М. Глиэра. Издания произведений юбиляра, снимки с постановок его опер и другие фотодокументы иллюстрируют полувековой творческий путь композитора.

Р. М. Глиэр — композитор-реалист. Его музыка понятна народу и любима им. Он достойно осуществляет преемственную связь современной советской музыки с русской музыкальной классикой. Ученик Танеева, Аренского, Ипполитова-Иванова, Р. М. Глиэр и сам вырастил плеяду выдающихся композиторов, ставших активными деятелями советской музыкальной культуры: в числе его учеников — Мясковский, Иванов-Радкевич, Речменский, Шеншин, Раков, Ревуцкий, Лятошинский и много других.

Р. М. Глиэр никогда не изменял высоким традициям русской музыкальной классики и не порывает творческой связи с многонациональным народным искусством нашей Родины. Глубокая эмоциональность, напевность многожанровой музыки Р. М. Глиэра сближают ее с наследием великого Чайковского, чьим последователем и является юбиляр. Не случайно такой исключительной популярностью пользуются, в частности, его вокальные сочинения, его концерт для колоратурного сопрано с оркестром, удостоенный Сталинской премии.

Традиции русского программного симфонизма нашли глубокое, индивидуально-яркое выражение в таких произведениях Глиэра, как симфоническая картина «Запорожцы» — на сюжет известного полотна И. Е. Репина, поэма «Заповит» — на сюжет стихотворения Т. Г. Шевченко и на музыкальную тему одноименной народной песни, в монументальном произведении «Илья Муромец» (третья симфония).

Р. М. Глиэр — пионер советского балета. Его «Красный мак» (1927 год) был первым в мире балетом на тему революционной, народно-освободительной борьбы. Успех этого произведения очень велик. «Второе рождение» балета (сейчас «Красный мак» поставлен Большим театром в новой редакции) в дни всемирно-исторической победы китайского народа приобрело особое общественно-художественное значение.

Рейнгольд Морицевич Глиэр.

Не менее значительна деятельность Р. М. Глиэра как основоположника оперно-музыкальной культуры в Азербайджанской и Узбекской ССР, создателя опер «Шах-Сенэм», «Лейли и Меджнун», «Гюльсара».

В последние годы Р. М. Глиэром создан ряд новых произведений различных жанров, в том числе 4-й квартет, удостоенный Сталинской премии, виолончельный концерт и, наконец, превосходный балет «Медный всадник». Пленительная свежесть, напевность, тонкий, мягкий колорит отличают эти произведения.

К. СЕМЕНОВ

ПЕРВЫЙ КРУГ ЗАКОНЧЕН

Закончился первый круг розыгрыша первенства страны по хоккею с шайбой. Команда Центрального Дома Красной Армии — чемпион СССР прошлого года — добилась наибольших успехов. Она не только не проиграла ни одной встречи, но ни разу не удовлетворилась даже ничейным результатом. Армейские хоккеисты набрали 22 очка из 22 возможных. Это — отличное достижение.

К этому нужно добавить, что команда сумела забросить в ворота противника 62 шайбы, а пропустить в свои лишь 10. Коллектив ЦДКА обладает хорошим составом нападающих. Лидер команды — первоклассный игрок Анатолий Тарасов. Прекрасно проявили себя в нынешнем сезоне Евгений Бабич и молодой хоккеист М. Гащенков. В защите попрежнему уверенно и надежно играет В. Никаноров — вратарь футбольной команды.

Коллектив ЦДКА весьма дружен, хоккеисты хорошо понимают друг друга, в совершенстве владеют клюшкой, и это дает им возможность разыгрывать красивые и сложные комбинации.

Второе место заняла московская команда «Динамо»: проиграв встречу с армейскими хоккеистами (0 : 1), динамовцы показали слаженную, осмысленную игру в матче с сильным коллективом ВВС и после упорной борьбы добились убедительной победы (4 : 2).

В этой игре, как и в ряде других, хорошо зарекомендовали себя молодые нападающие Б. Петелин и А. Уваров. Вместе с опытными мастерами клюшки им удается показывать тактически остроумную и разнообразную игру.

Коллектив ВВС занимает третье место. В его составе начал играть один из сильнейших нападающих советского хоккея, В. Бобров.

Одинаковое число очков имеют московские команды «Спартак» и «Крылья Советов». Оба коллектива составлены в основном из молодых игроков, успевших уже проявить себя с лучшей стороны. Это в первую очередь относится к И. Нетто и В. Новожилову («Спартак»), В. Захарову («Крылья Советов»). Очень удачно начали сезон свердловские динамовцы. Они победили рижскую команду «Даугава» (4 : 3), ленинградских одноклубников (3 : 1), московских хоккеистов общества «Локомотив» (6 : 2), ленинградский коллектив «Большевик» (5 : 2) и другие. Последние игры свердловчане проиграли, и это отодвинуло их на шестое место.

Слабее своих возможностей играют рижские хоккеисты. Они потерпели 4 поражения и свели одну игру вничью.

Замыкают таблицу спортсмены «Локомотива». Они не набрали ни одного очка.

В ближайшее время начнутся игры второго круга, которые окончательно решат судьбу розыгрыша.

Первенство СССР по хоккею с шайбой. Момент игры между командами «Крылья Советов» (Москва) — «Дзержинец» (Челябинск). Фото А. Бочинина

КОРОТКО

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ в Латвийской ССР построено 25 крупных сельских электростанций. Электрифицировано уже 1120 колхозов. Электричество широко применяется и в артельном производстве. В ближайшие годы республика обогатится еще многими десятками новых станций.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ назад вступил в эксплоатацию Большой Ферганский канал имени Сталина — крупнейшее ирригационное сооружение Советского Союза. Канал протяженностью в 270 километров был сооружен методом народных строек в рекордный срок — за 45 дней. Он обеспечил водой Ферганскую долину, улучшил орошение поливных культур на площади в 500 тысяч гектаров, оросил 60 тысяч гектаров новых земель.

20 ЛЕТ существует художественная студия при сормовском Дворце культуры имени Сталина. В ней занимаются более 30 начинающих художников — стахановцы предприятий, учащиеся, учителя, домашние хозяйки. За истекшие годы студия воспитала много талантливых художников.

ГОРДОСТЬ РУМЫНСКОГО НАРОДА

К 100-летию со дня рождения Михаила ЭМИНЕСКУ

Бессмертие поэта в его народности. И сейчас, когда румынский народ, а вместе с ним и народы Советского Союза и стран народной демократии отмечают 100-летие со дня рождения Михаила Эминеску, перед нами во всем своем величии предстает образ замечательного поэта — борца за народные чаяния, за лучшее, справедливое устройство общества.

Тяжелую жизнь прожил Михаил Эминеску. Конюх на постоялом дворе, грузчик, суфлер бродячей труппы — вот далеко не полный перечень тех «квалификаций», которыми пришлось овладеть одному из самых лучших поэтов Румынии. Сын владельца имения, он 17-летним юношей покинул свой дом. Жизнь звала его. Он понимал, что можно жить только для народа и ради него.

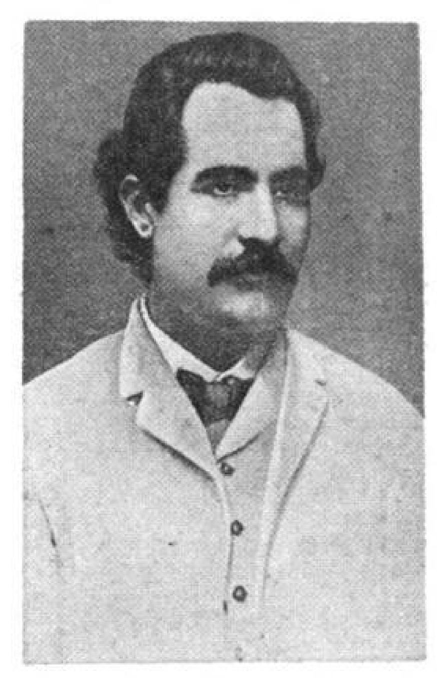
Буржуазные историки, как они это обычно делают, выпятили на первый план те произведения поэта, в которых он, уступая временной слабости или влиянию господствовавших тогда течений в румынской литературе, отдавался грусти и пессимизму. Но ведь и самая румынская действительность была тогда безотрадной. Пусть Эминеску не понимал еще роли пролетариата, которому предстояла историческая миссия — перестроить мир на новых, справедливых началах, — пусть не всегда он знал, где искать ответа на важнейшие вопросы, и на его рабочем столе рядом с произведениями Маркса лежали сочинения Канта и Шопенгауэра, — в жизни большого поэта важны не отдельные, нехарактерные для него эпизоды, а важна его идейная устремленность. В этом отношении Эминеску является и классиком румынской поэзии и одним из тех пламенных борцов, память о которых никогда не стирается.

Михаил Эминеску прожил недолгую жизнь (1850—1889). Короткая жизнь большого накала стоит многих лет жизни, а жизнь и творчество Эминеску — жизнь и творчество большого накала. И недаром его так тянуло к Пушкину: он чувствовал свое родство с бунтарством и вольнолюбивыми устремлениями нашего великого поэта.

«Я нашел себе товарища, великого товарища. Несмотря на то, что он говорит со мной на языке, которого я не могу еще полностью оценить, я все же угадываю всю красоту его поэтического творчества... Не знаешь, что следует больше ценить в непосредственной, полной свежести и вдохновения лирике Пушкина... Меня захватывают его стихи, источник живой воды и благородных мечтаний»,— вот что писал Эминеску после того, как с помощью словаря впервые познакомился с Пушкиным. Общность возмущения несправедливым общественным строем роднит румынского классика с величайшим русским поэтом:

Нет законов для всесильных.
Только вы одни в ответе.
Им легко жить по законам,
сами что они писали,
Произвольно сочиняли,
произвольно толковали.

Стремление свергнуть эти законы, желание увидеть мир справедливым и счастливым — вот главное в творчестве Эминеску.

Михаил Эминеску.

С ним, поэтом большого диапазона — от тончайшей лирики до гневной публицистики, от сонета до стихотворения, полного убийственного сарказма, — с радостью познакомится наш советский читатель. Им гордится народно-демократическая Румыния, им все мы гордимся.

Михаил СВЕТЛОВ

Михаил ЭМИНЕСКУ

Размышления бедного Диониса

(Нищий поэт)

Ах, подсвечником он служит, мой графин, покрытый пылью!
Догорая, каплет сало, — будто с насморком свеча.
Пой, певец, и вдохновляйся, жизнь убогую влача, —
Денег я сто лет не видел, пять недель вина не пил я.

Попадись мне папироса — населил бы клубы дыма
Я химерами... Но где там! Скрип окошка на ветру,
Индюки в раздумье ходят грустным шагом по двору,
Собрались коты под крышей и кричат неутомимо.

Ух! Как холодно — дыханье вижу я свое — и туго
Прижимаю шапкой уши... Что ж касается локтей —
Как цыган, что тыкал пальцем в стенку дома из сетей,
Так я пробую локтями — успокоилась ли вьюга!

Боже! Если б мышью был я, то ходил бы в шубе серой,
Книги я свои сожрал бы, не была б зима страшна,
Мне дворцом бы щель казалась, а иконою — жена;
Восхищенно смаковал бы я отрывок из Гомера.

Вся в пыли и в паутине эта комната пустая,
А клопы кишат на стенах — любо-дорого взглянуть!
У меня из жалкой кожи больше нечего тянуть,
На соломе неуютно... И они огромной стаей

Мило вышли на прогулку. Вот идет, как королева,
Престарелая клопиха; кавалер спешит вдогон,
Быстрый, ловкий — вероятно, по-французски знает он;
Та, что всех кругом обходит, — романтическая дева.

Брр! Мне холодно!.. На руку вдруг блоха, как точка, села.
Наслюнявить, что ли, палец и несчастную поймать!
Если б ты попалась даме, так тебе б не сдобровать,
А по мне — живи, бедняга! Мне-то тут какое дело!

И на печке кот мурлычет, будто сыт... Давай, дружище,
Мой единственный товарищ, посидим, развеем грусть.
Я б тебя в селе кошачьем сделал старостой, клянусь,
Чтоб отведал жизни барской хоть разок бедняга-нищий.

О, хитрец! В клубок свернувшись и мурлыча, он мечтает.
Но о чем! Какие мысли сладко бродят чередой!
Может быть, завоевал он сердце дамы молодой
И подруга в белой шубке на свиданье ожидает!

Если б все котами были — стал бы я тогда поэтом!
О, конечно! Я б, как Гаррик, патетически вопил,
Днем валялся бы на солнце, не спеша мышей ловил,
По ночам в манере Гейне стих слагал под лунным светом.

И, свою сентиментальность от других котов не пряча,
Защищая идеалы речью, полною огня,
Я бы, юношей волнуя и девиц воспламеня,
Утверждал, что все на свете — просто нудный сон кошачий.

Или в храме, как священник, я тому бы стал молиться,
Кто по своему подобью сотворил кошачий род.
О, котов и кошек племя! О, мяукающий сброд!
Будь ты проклят, род кошачий, не желающий поститься!

Боже мой! Средь вас иные не заглядывают в святцы
И не верят в высший разум — в тот, что выше всех других,
В божество и провиденье, что решает судьбы их...
Ах! Они мышей летучих — духов ада — не боятся!

Им от каждой честной кошки — три плевка на каждый коготь!
О, бездушные! Всевышний дал хвосты вам для красы,
Выдал когти, чтоб царапать; чтоб мурлыкать, дал усы,—
Вы ж еще хотите лапой божество свое потрогать!

Ой! Огарок свечки гаснет. Стало темным и угрюмым
Все вокруг... Ложись, приятель! Может быть, ночные сны
Принесут нам на мгновенье и богатство и чины.
Если б только смог уснуть я!.. Сон, приди на смену думам!

Пусть гармонию безмолвья резкий звук не потревожит...
Все равно: усну ли, смерть ли заберет последний вздох,
Буду ль жить еще в компаньи из луны, кота и блох, —
Ведь поэзия, я знаю, с нищетой одно и то же.

Перевел с румынского Марк СОБОЛЬ.

В северной Корее

Василий **КОРНИЛОВ**, Ирина **ВОЛК**

I. «Здесь цветам всегда благоухать»

Золотая и багряная листва на деревьях, теплый и сухой, ласковый ветер, оранжевые шарики приторно-сладкой хурмы и толстощекие алые яблоки — таковы предзимние дни в Корее, полные особой прелести.

В один из октябрьских дней в период проведения декады корейско-советской дружбы по главной магистрали Пхеньяна, улице Сталина, тянулась бесконечная процессия людей, несущих венки.

Астры — цветы осени, пионы — цветы весны, неизвестно как выращенные в октябре хризантемы, кудрявые и горделивые, папоротники, то бледнозеленые, как первые листочки тутового дерева, то яркие, словно рассада молодого риса.

Люди шли к монументу на горе Моранбон, сложенному из сурового серого камня, на котором выбиты слова:

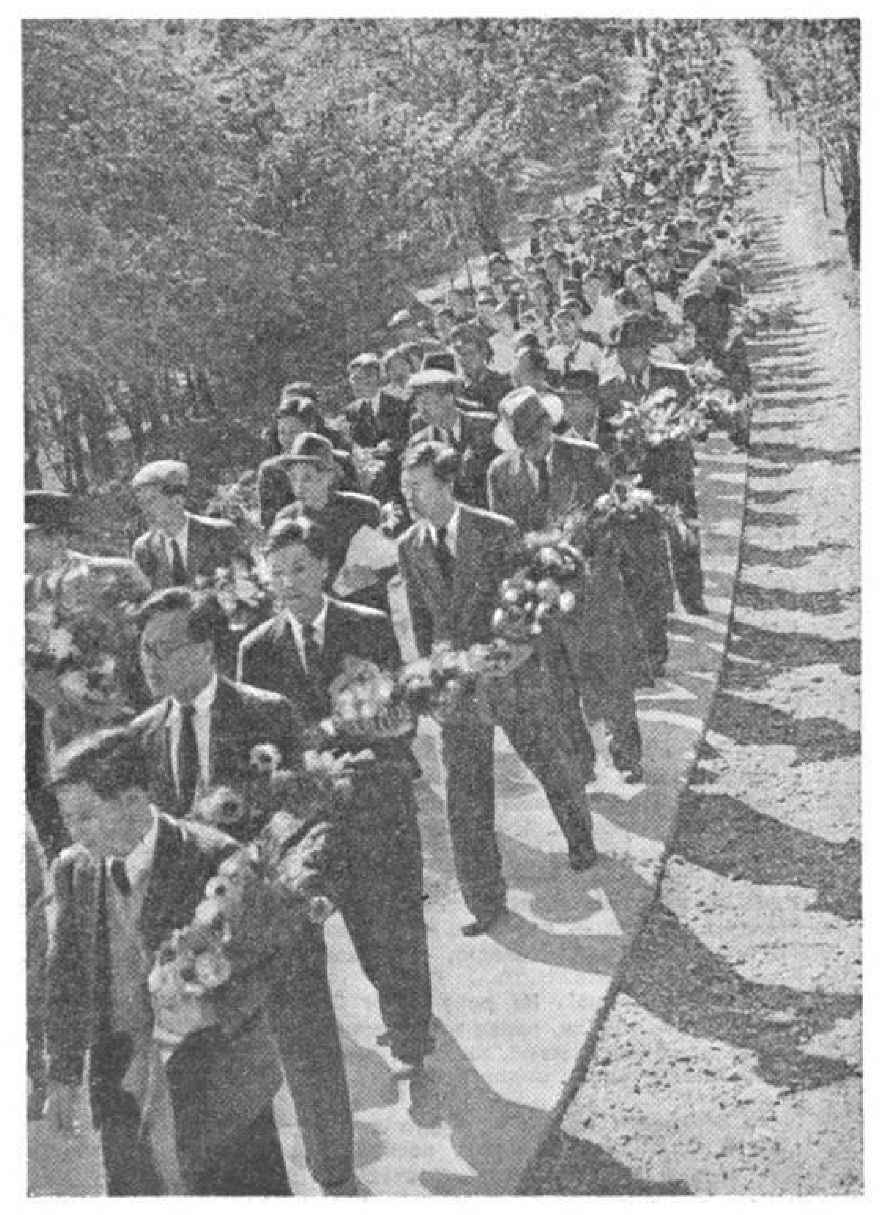
«Всенародная благодарность великому Сталину, вдохновителю и организатору победы над японским империализмом, скрепившей кровью дружбу между народами великого Советского Союза и Кореи.

Вечная слава армии великого СССР, освободившей корейский народ от японского рабства и обеспечившей свободу и независимость Кореи».

В течение лишь нескольких часов почти две тысячи венков легли у подножья монумента чудесным благоухающим ковром. А люди все приходили и приходили. Маленькие школьницы старались бросить в этот народный цветник хоть крохотную алую веточку, сорванную утром в саду.

В этот день корейцы — и в Пхеньяне, и в Сейсине, и в Нампхо, и в Гензане — несли цветы

Горы цветов у подножья монумента, воздвигнутого в честь Советской Армии-освободительницы.

Люди идут с цветами к монументу на горе Моранбон.

к памятникам, воздвигнутым в знак дружбы и любви к своим советским друзьям и соседям. Любовно украшались могилы советских воинов, погибших за свободу корейского народа. Группа пхеньянских работниц приколола к одной из могил шелковый листочек со стихами корейского поэта Пак Нам Су:

Здесь стоит могила одиноко
На горе высокой и крутой,
И весной и осенью глубокой
Сторожат цветы ее покой.

О, какая горькая досада,
Что никак мне имя не узнать,
Кто же он, за каменной оградой,
Где родимый дом его и мать?

Но я знаю, знаю это имя:
Кто его с любовью не прочтет!
Это русский воин на чужбине
Пал в боях, спасая мой народ.

Годы пролетят, и нас не будет,
И морям и рекам высыхать,
Но пока на свете будут люди,
Здесь цветам всегда благоухать.

II. Новая жизнь

Свободно льется сейчас в Корейской народно-демократической республике родная речь. Люди вновь обрели свой язык, на котором долгое время запрещалось говорить. Корейские дети приносили во время оккупации из японских школ белые квитанции. Аккуратно выведенные иероглифы предупреждали родителей, что они должны уплатить штраф: их ребенок произнес корейские слова. Затаив ненависть к угнетателям, корейцы разговаривали на японском языке. Но запретить им думать по-корейски не мог никто. И люди скрывали мысли и чувства, опасные для врагов.

Сейчас имеется упрощенный корейский алфавит из 24 букв. Все меньше и меньше употребляются теперь сложные, трудно запоминающиеся иероглифы, которых надо было затвердить тысячи, чтобы мало-мальски научиться читать...

...По вечерам, точно маленькие разноцветные молнии, вспыхивают вывески пхеньянских театров и кино. Сюда спешат девушки в ярких национальных кофтах, завязанных на груди широкими лентами, юноши в европейских костюмах, пожилые корейцы в просторных халатах.

На сцене и на экранах оживают древние народные сказания, звучит музыка народных напевов, воссоздаются образы национальных героев.

Юные дочери рабочих и крестьян — ученицы студии лучшей балерины Кореи Цой Сын Хи — исполняют старинные танцы: «Танец с барабаном», «Танец с мечами», «Танец с веерами». Они ставят народные балеты: «Полулунная ночь», «Глядя на реку Те Тон Ганг». Готовится новая постановка, посвященная партизанам Южной Кореи,— «Пламя борьбы».

В Государственном драматическом театре идет пьеса «Полководец Иль Ты Мундык». Это легендарный герой, более полутора тысяч лет назад поднявший корейский народ на борьбу против иноземных угнетателей.

Группа молодых корейских киноработников.

Корейцы живо интересуются русским классическим и советским искусством, литературой. Большими тиражами издаются Пушкин, Крылов, Толстой, Шолохов, Фадеев. За один день в Пхеньяне разошелся сборник стихов Исаковского. С аншлагом идут пьесы «Платон Кречет», «Любовь Яровая», «В одной стране». Ведущие роли в этих пьесах играет известная драматическая актриса, дочь пхеньянского часовщика, Пак Ен Син.

— Я была в Москве в гостях, беседовала с лучшими советскими актерами, — сказала нам Пак Ен Син. — Я близко познакомилась с жизнью и бытом наших русских друзей и сейчас воссоздаю на сцене родные мне образы с таким подъемом, который никогда до сих пор не испытывала.

Когда пишутся эти строки, в корейских театрах готовится постановка пьесы молодого корейского драматурга Син Го Сон «Счастливые люди». Это рассказ о дружбе советского и корейского народов, о том, как советские люди, освободив Корею, помогают возрождать ее экономику и культуру.

Здание выставки Корейского общества культурной связи с СССР.

III. Горшки и домны

Мы побывали на выставке, открывшейся в Пхеньяне ко дню четвертой годовщины освобождения Кореи Советской Армией.

...Стремительный поток реки преграждает бетонированная плотина. Работают турбины электростанции, и далеко за рекой загораются электрические огни. Рядом с электростанцией в цехах без умолку стучат станки. Волны разноцветного шелка мягко падают вниз, собираются в рулоны. То спускаясь в ущелья, то взбираясь на кручи, бегут электрические поезда, и мигают огни светофоров. В долине виднеются виноградники и сады, плантации риса, гаоляна, жень-шеня.

Наш спутник, переводчик Ем Дон Ук, заметил:

— Это не выставка, это съезд наших корейских заводов...

В больших залах мы действительно видим всю промышленность Корейской народно-демократической республики. Каждое предприятие показало здесь в миниатюре процесс своего производства. Мы зажигаем сделанные тут же, при нас, маленькие электрические лампочки, вдыхаем аромат только что изготовленного туалетного мыла, следим, как врубовая машина — детище завода горного оборудования — откалывает куски блестящего угля в крохотной угольной шахте. Мы видим фабрики и заводы, изготовляющие бумагу и удобрения, морские катера и сельхозмашины, цемент и баржи.

Около моделей предприятий стоят лучшие рабочие, инженеры и техники Кореи. С гордостью рассказывают они посетителям выставки о достижениях своих рабочих коллективов. И почти у каждого такого макета нашего переводчика просят передать нам:

— Все это восстановлено с помощью советских специалистов.

Нам показывают макеты заводов и домен, вновь построенных за последние два — три года. Пожилой мастер одного из пхеньянских заводов Ким Ге Ван говорит:

— До освобождения я был чернорабочим, месил глину в гончарне. Многие из моих друзей умели делать только горшки и черепицу. Сейчас на этой выставке вы можете увидеть то, что мы даем своей стране. В Корее делаются и теперь горшки и плуги, но мы строим также домны и новые заводы. Мы всегда помним, что многому нас научили русские — наши друзья и соседи. Сейчас в ходу у нас старинная корейская поговорка: «Добрый сосед лучше далекого родственника».

Артистка Пак Ен Син в роли Ганны Лихты в пьесе Н. Вирты «В одной стране».

В балетной студии. На репетиции национального танца.

IV. О болезнях, которых не стало...

Она подкрадывалась неожиданно и беспощадным ударом насмерть разила людей. За ее спиной оставались мертвые, опустевшие деревни и объятые ужасом города. От нее не было спасения, и потому издревле сложилась в Корее пословица: «Холера страшнее зверя».

Японские власти использовали в качестве лекарей... отряды полицейских. Вооруженные дубинками, они окружали охваченные холерой селения, хватали и заболевших и здоровых людей, свозили их в холерные бараки, которые потом наглухо закрывались. В этих живых кладбищах тысячами гибли лишенные всякой медицинской помощи люди.

Смертность от холеры считалась оккупантами неизбежной. В японском медицинском вестнике писалось, что, например, в 1920 году из 14 229 заболевших холерой корейцев умерло 13 568 человек. Массовые вспышки холеры повторялись почти через год.

Косили корейцев и другие болезни. Эпидемии оспы и энцефалита опустошающим смерчем проносились над страной.

Но вот пришло время, когда холера вынуждена была отступить. Советские войска освободили Корею от фашистско-японской оккупации, советские врачи избавили ее от холеры. Впервые в истории страны вошли в быт массовые профилактические прививки. В многочисленных больницах, клиниках, на медицинских и фельдшерских пунктах, возникших в новой Корее, работает сейчас в пять раз больше врачей, в десять раз больше фельдшеров и в двадцать раз больше сестер и акушерок, чем до освобождения. И вот уже три года, как в Северной Корее исчезли холера и оспа.

В научно-исследовательском институте Пхеньяна создана лаборатория по изучению энцефалита.

Молодые корейские врачи, используя опыт передовой советской науки, уверенно побеждают теперь вековые болезни.

V. На той стороне

Недавно радио из Южной Кореи сообщило, что в сеульской тюрьме умер профессор Тян Хен Дю. Это сообщение взволновало всех передовых людей Кореи. Имя профессора Тян Хен Дю широко известно в стране. Его труды по ботанике имеют мировое значение.

Люди, пришедшие в Пхеньян с той стороны 38-й параллели, рассказали о судьбе ученого. Его бесчеловечно пытали в тюрьме только за то, что он открыто высказывался против политики произвола и колониального порабощения Южной Кореи. Потом его убили.

Страшной участи подвергаются многие патриоты, борющиеся за объединение родины. В тюрьмах Южной Кореи томятся сейчас десятки тысяч людей. Но и это кажется недостаточным палачам из клики Ли Сын Мана. Недавно министр юстиции Твон Сын Ер, выступив в так называемом Национальном собрании Южной Кореи, внес циничное предложение о выделении дополнительно 280 миллионов иен на строительство новых тюрем. Нет слов, тюрьмы крайне нужны Ли Сын Ману, ибо арестована даже часть членов «национального собрания», выступивших против американской марионетки — Ли Сын Мана.

Несмотря на разгул террора, в Южной Корее ширится и крепнет партизанское движение. В боевых операциях принимают участие десятки тысяч партизан. В освободительную борьбу включаются все новые и новые люди.

ЗАОБЛАЧНЫЕ ЛЮДИ

Алим КЕШОКОВ

Желая отправиться в горы,
— Хорошая ль будет погода!—
Ты спрашиваешь, и глядишь ты
Наверх, на сияющий свод.
А видел ли ты человека,
Который с небесного свода
Внимательно смотрит на землю
И тот же вопрос задает!

Ты знаешь, как сокол взлетает,
Как тучи, сгущаясь мгновенно,
Плывут над полями колхозов,
Ты слушал нередко грозу,
А знаешь ли ты человека,
Которому одновременно
Видны и заря над вселенной
И ливень, шумящий внизу!

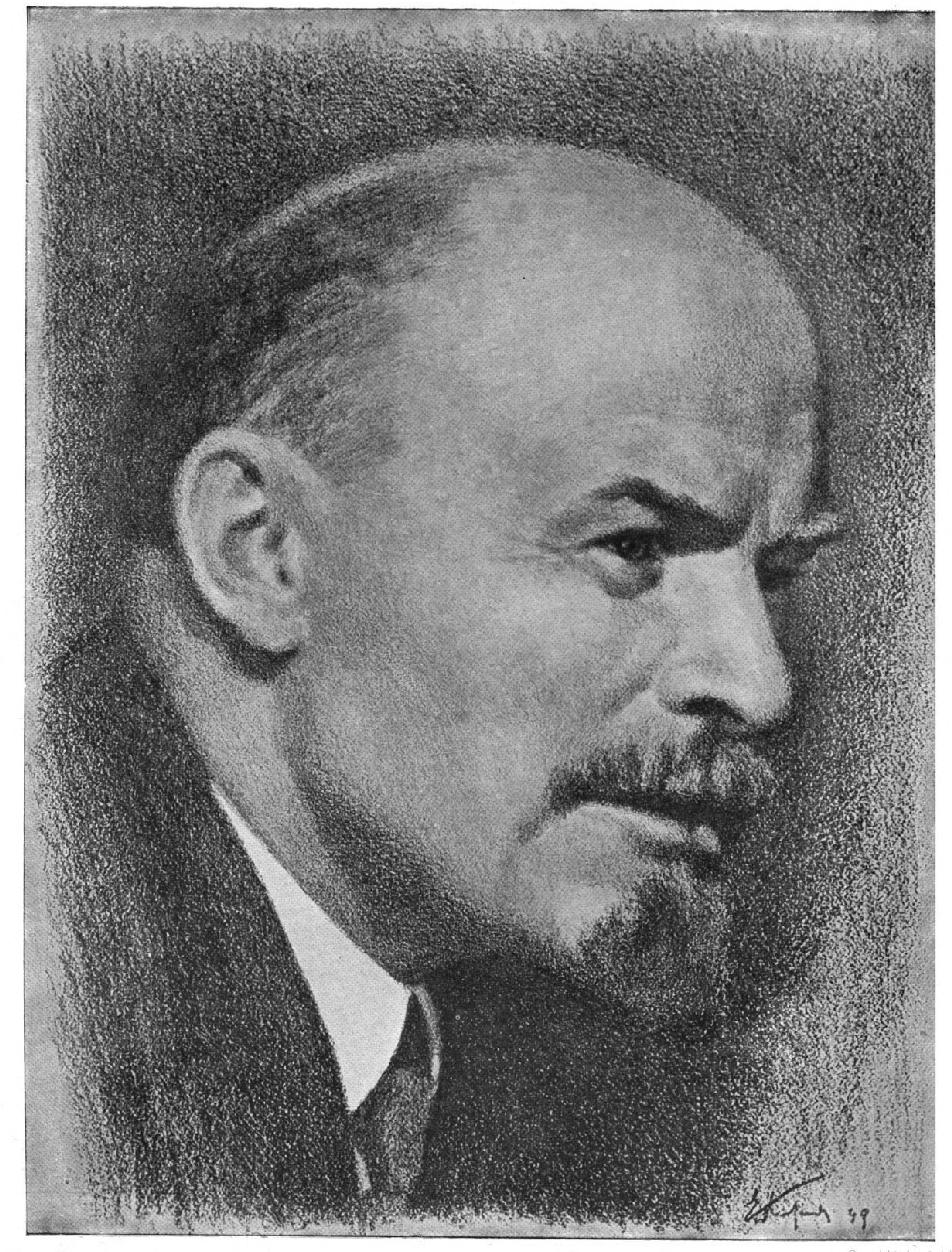
Ты видел, как трудятся люди
В степях, у предгорий зеленых,
Горды урожаем богатым,
Свободному рады труду.
Но, друг, ты когда-нибудь видел,
Как люди в ущельях, на склонах
Работают за облаками,
Для нас добывая руду!

Высоко над небом горячим,
Одетый в прозрачную просинь,
Как в сказке, красуется город
Меж древних утесов и скал.
Там в сутки ты разом увидишь
И лето, и зиму, и осень,
Там люди орлиной породы
Для нас добывают металл.

Там люди орлиной закалки
Ползли по уступам к вершине,
Прокладывали дороги,
Карабкаясь по ледникам,
И белый построили город,
И можно теперь на машине
Приехать в тот город чудесный
К отважным друзьям-горнякам.

Недаром мы их называем
Заоблачными смельчаками:
Я вижу в них прочность металла,
Красу и опору земли...
Сошли они с неба на землю,
И переходящее знамя
Они получили и гордо
На небо его увезли.

Перевел с кабардинского С. ЛИПКИН

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

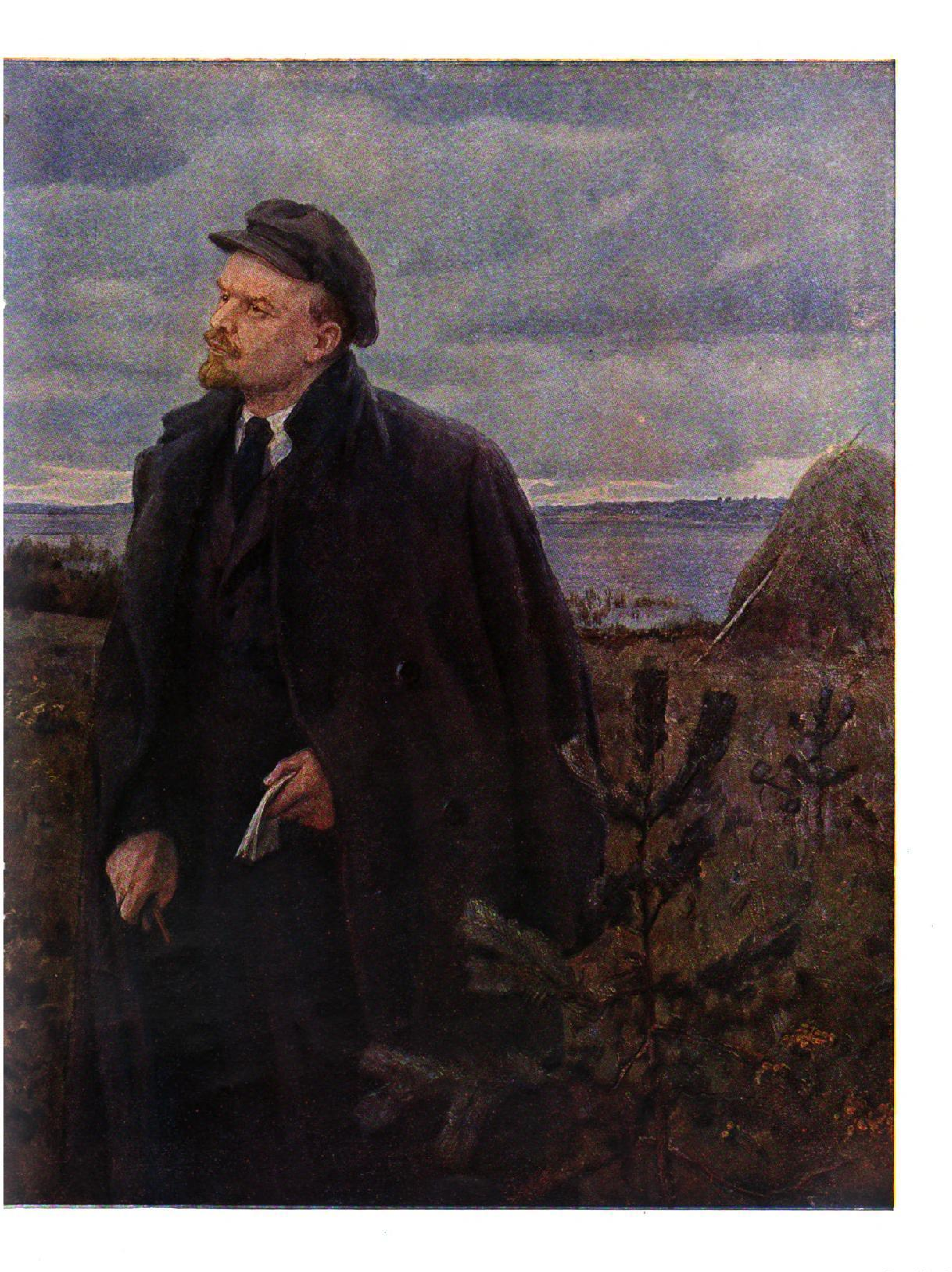
Рисунок **Е. Кибрика**

В. И. ЛЕНИН В РАЗЛИВЕ.

Художники Кукрыниксы
(М. Куприянов,
П. Крылов,
Н. Соколов)

Всесоюзная художественная
выставка 1949 года.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Рисунок П. Васильева

Всесоюзная художественная выставка 1949 года

История одного письма

Рассказ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Рисунки О. Верейского

В комнате темно и холодно почти как на улице. Синие бумажные шторы светомаскировки прочно примерзли к окнам. В углах и на потолке блестит белый иней.

Посреди комнаты стоит кровать, завешанная одеялами, скатертями, ветхими дорожками.

Под этим самодельным шатром, на тумбочке с мраморной крышкой, стоит крохотная железная печурка. Сквозь отверстия в дверце теплится слабый красноватый свет.

Возле печки сидит мальчик, лет десяти, одетый в вязаную женскую кофту с высокими плечами, собранными в пышные буфы, и пилит ножом для резки хлеба обломок дерева.

Лицо мальчика суровое, сосредоточенное. Губы страдальчески сморщены. Не поднимая глаз, мальчик тихо просит:

— Не надо так громко плакать, мама, ты же ее разбудишь!

— Она уже ничего не слышит, ты понимаешь, не слышит! — с отчаянием шепчет женщина.

— Мама, прогони Моську, она легла спать мне на лицо. Мне плохо дышать. Мамочка! — сиплый, умоляющий голос ребенка, лежащего под ворохом одежды на кровати, такой слабый, что услышать его можно только в этой глухой тишине.

Женщина наклоняется над кроватью:

— Аночка, ты слышишь меня? Хочешь водички, сладкой водички?

— Уходи, Моська, уходи, — и ребенок, высвободив тонкие синеватые руки, отталкивает ими от себя в воздухе что-то невидимое, тяжелое.

Женщина ловит холодеющие ручки, прижимает их к губам и беззвучно плачет.

Мальчик, не поднимая глаз, с сосредоточенным и суровым лицом, упорно и озлобленно пилит обломок дерева зазубренным ножом. И только по страдальчески сжатым губам видно, как сильно ему хочется плакать.

* * *

Маленький, стоящий недалеко от границы, старинный эстонский городок в первые же дни войны был жестоко и беспощадно разрушен гитлеровской авиацией. Значительная часть жителей покинула город. И теперь, занесенный снегом суровой зимы 1942 года, он напоминает собой такие развалины, какие каменеют в пустынях Азии, погребенные мертвыми песками.

Анна Васильевна Стогова, жена офицера-пограничника, пришла в этот город пешком с двумя детьми в июле месяце. Двое суток она оставалась на заставе, которую атаковали немецкие танки, и видела, как танки горели и взрывались на улицах военного поселка; видела, как навстречу танкам бросались советские солдаты и офицеры с тяжелыми связками гранат; видела, как отступали гитлеровцы перед атаками пограничного гарнизона.

И когда на третьи сутки бой у заставы стих и немцы потерпели поражение, она решила, что это была только провокация и теперь все снова будет хорошо. Ведь так было на Дальнем Востоке, когда японцы коварно и внезапно напали на заставу.

Но муж приказал ей уходить с детьми, уходить ночью, немедленно. На проселочную дорогу ее вывел раненый ординарец мужа, и он ушел обратно, как только над заставой небо осветилось снова белым пламенем ракет.

Анна Васильевна пришла в город, когда он уже горел.

Седой старик в разбитых очках и с полуобожженным лицом привел ее к себе домой и сказал:

— Если вы, гражданка, решите остаться, прошу пользоваться всем без стеснения. Но я должен покинуть вас: эвакуирую нотную библиотеку, — и, показав свои опаленные, опухшие руки, добавил с гордостью: — Видите, мне все-таки удалось спасти кое-что.

Потом он подошел к Сереже и, грозя опухшим, обожженным пальцем, строго сказал:

— Если ты захочешь, мальчик, играть на рояле, не забывай потом закрывать крышку. Пыль — яд для инструмента...

Потянулись дни полнейшего одиночества. Анна Васильевна выдала себя за домашнюю работницу музыканта. Полиция ее не трогала и только вывезла все ценное, что было в комнате.

Как-то осенью Сережа пошел на опустошенные огороды, чтобы собрать там капустные листья, и не вернулся домой. Только через двое суток мать нашла его, избитого и истерзанного.

Сережа рассказал, что когда он собирал листья, к нему подошел человек в короткой кожаной куртке, в желтой шляпе с петушиными перышками, сказал, что, повидимому, Сережа — очень хороший мальчик, если он так любит труд, и спросил, не хочет ли он немножко заработать, если он такой хороший мальчик. Сережа согласился. Тогда человек привел его к себе во двор, где было много маленьких красивых домиков, в которых жили охотничьи собаки, и сказал, чтобы Сережа хорошенько почистил внутри эти домики.

Сережа очень боялся собак, но он мужественно забрался внутрь домиков, вычистил там все и даже вымыл пол.

Человек в кожаной куртке, с трудом нагибаясь, осмотрел его работу, похвалил и дал три оккупационных марки.

Сережа сказал, что на эти марки ничего не продают, и попросил дать лучше хлеба или немножко картошки.

Человек стал кричать:

— Если ты не хочешь брать наши деньги, то тебя за это надо посадить в тюрьму!

— Хорошо, — согласился Сережа, — давайте ваши марки, а сдачу получите от Красной Армии.

И этот, в кожаной куртке, пришел в ярость и стал бить Сережу сначала кулаками, потом деревянной лопаткой, которой Сережа чистил собачьи домики. Потом он затолкал Сережу в один из собачьих домиков, закрыл отверстие и ушел.

Хотя у Сережи и болело все тело, он выломал задвижку у дверцы и выполз из домика, и, так как боялся, чтобы его не увидели, он спрятался в другую собачью будку, где лежала такая старая и слабая собака, что когда Сережа чистил ее домик, он ее оттаскивал с места на место, и она его не укусила, а только лизала лицо и руки.

Скоро вместе с человеком в кожаной куртке пришел полицейский. Склонившись над пустым собачьим домиком, они шарили длинными палками внутри и даже перевернули его. Но мальчика они не нашли. Ночь Сережа пролежал с собакой в ее домике и только утром, когда открыли ворота, ему удалось незаметно уйти.

Рассказав матери о своих злоключениях, Сережа закончил:

— Ты понимаешь, мама, я думал до сих пор, что все собаки злые и все кусаются, а эта была такая добрая, хорошая, что просто сказать тебе не могу. Когда придут наши, мы обязательно возьмем ее жить к себе. Ты попросишь об этом папу?

— Хорошо, — сказала мать, — я попрошу об этом папу, но дай мне слово, что ты больше никогда ни с кем не будешь здесь разговаривать. Дай мне слово.

— Я теперь буду глухонемым, — согласился Сережа.

И долгое время он пытался объясняться с матерью знаками, и Анке очень нравилось, когда ей удавалось отгадать, что хочет сказать Сережа.

Анке было пять лет. Она была совсем маленькая и почти ничего не понимала. Вернее, все понимала по-своему. Она очень любила молоко. Но молока не было. Вместо молока ей давали картофельную болтушку. И от этого у нее часто болел животик. Но когда мать принесла настоящее молоко, она отказалась пить его. И даже расплакалась. Плача, она говорила:

— Я не хочу пить молока, потому что теперь плачет маленькая коровка. Мне Сережа сказал, что не нужно пить молока, его отнимают у маленьких коровок. Я хочу картофельное молоко. Я буду от него больше и сильнее.

От недоедания у Анки часто появлялись на тельце болезненные нарывы. Забинтованная и бледная, она лежала с открытыми глазами ночью и, когда боль была нестерпимой, она будила Сережу и говорила, глядя своими огромными темными, широко раскрытыми глазами:

— Сережа, расскажи мне снова про хрустальную девочку. Вот, помнишь, ты говорил, как ее папа, железный рыцарь, ушел воевать с людоедами, а мама ее осталась в плену у людоедов, и хрустальная девочка, чтобы спасти маму, никому не говорила, что она дочка железного рыцаря, и притворялась немой, как ты притворялся.

— Верно, — говорил Сережа. — И когда мама спала, хрустальная девочка лежала всегда тихо, тихо, и она услышала от мух и тараканов, где находится ее папа. Ведь они говорят таким тихим, мушиным голосом, что услышать можно, когда в доме совсем тихо.

— А я услышу про папу, Сережа? — спрашивала Анка.

— Услышишь, — говорил Сережа, — только чтобы тихо, тихо было.

— Ну хорошо, — соглашалась Анка, — я буду совсем тихая, тихая. Дай мне руку, я буду тебя за палец будить, когда будет снова очень больно и я снова захочу плакать.

Но теперь Анка уже не будила Сережу ночью, хотя ей было очень больно. Она лежала в постели с закрытыми глазами, тяжело дышала, и на руках ее все время шевелились пальцы.

— Ты слышишь? — спрашивал тихо Сережа.

— Мне все снится,— жаловалась Анка,— все время снится, и сейчас снится.

— Что снится? — спрашивал Сережа.

— Не знаю, только снится,— шептала Анка, не открывая глаз, не переставая шевелить пальчиками.

Все эти дни Анна Васильевна скиталась по городу в поисках доктора. Врач, квартиру которого ей удалось найти, был посажен в тюрьму. В аптеке фармацевт сказал ей, испуганно поглядывая на человека, сидящего в стеклянной будке за кассой:

— Я могу продать вам только зубной порошок и прошу вас его обязательно купить. Разве вы не знаете, если у вас в квартире больной, надо заявить в полицию. Больных отправляют в эпидемические бараки. Вас могут арестовать за распространение инфекции. Покупайте зубной порошок, чтобы хозяин не заподозрил, что у вас в доме больной.

Анна Васильевна отдала последние деньги за коробку зубного порошка. И когда она, придя домой, бросила ее на стол, из свертка выпало несколько порошков аспирина. Это — все, что мог сделать пугливый фармацевт.

Анна Васильевна никого не знала в этом чужом для нее городе. Фашисты все время писали в газетах и говорили по радио, что эстонцы ненавидят русских. Но однажды, когда в полном отчаянии она остановила на улице человека, показавшегося ей русским, и рассказала ему о своем горе, человек этот, оказавшийся эстонцем, ответил ей, с трудом подбирая русские слова:

— Я вас буду очень просить прийти через час сюда снова, я буду держать маленький совет с некоторыми друзьями.

Когда Анна Васильевна пришла в назначенное место, человек долго не появлялся. Много времени спустя к Анне Васильевне подошла бледная женщина и сказала, плохо выговаривая по-русски:

— Мой муж просит извинить. Его уже нет. Вот есть немного кушать вашему дитя. Больше я вам не могу много помочь, я сама вам теперь плохой знакомый.

Женщина торопливо ушла, оглядываясь так, будто боялась, чтоб Анна Васильевна не пошла вслед за ней.

И вот сейчас Аночке очень плохо. Мать пытается согреть ее холодеющие руки своим дыханием, а она все чаще и чаще шевелит тоненькими пальчиками и дышит с трудом. Личико ее совсем посинело, но она молчит, не жалуется и только смотрит своими большими темными глазами.

— Сережа,— с тоской говорит мать.— Что же нам теперь делать, Сережа?

Сережа пилит ножом для резки хлеба кусок дерева и молчит.

— Ты слышишь меня, Сережа?

Сережа поднимает голову и тихо произносит:

— Мама, ты теперь не волнуйся, я знаю: к нам скоро придут.

— Никто к нам не придет, никто. Мы здесь одни, совсем одни. Мы одни останемся с тобой, Сереженька.

— Нет,— говорит Сережа, и, раскрыв печку, он бросает в нее распиленную чурку. Свет из раскрытой дверцы освещает лицо Анки, полуоткрытый маленький рот с сухими, потрескавшимися губами.

* * *

— Уже комендантский час, куда ты идешь, Ральф? Тебя арестуют!

— Мне нужно по важному делу.

— Но что ты можешь сделать с этим письмом?

— После того, как я стал работать на заводе у них, я перестал считать себя честным человеком. Но раз мне доверили такое письмо, значит есть люди, которые считают меня еще человеком. И я хочу быть человеком! Закрой за мной двери, Эльза.

— Но ты прочти хоть, что в нем написано.

— Я знаю, кому оно написано, и этого мне достаточно. Если я не скоро вернусь, скажи Михкелю, почему я не вернулся; он расскажет это тем, кто перестал теперь со мной здороваться.

Ральф Кютти пробрался глухими переулками, подошел к маленькому каменному дому с разбитой черепичной крышей и осторожно постучал в окошко. Дверь открыл высокий человек с суровым лицом и угрюмыми глазами.

— Я пришел к тебе по большому делу, Март, выслушай меня.

— Я не хочу с тобой ни о чем говорить.

— Ладно. Ты имеешь на это право,— сказал Ральф.— Хорошо, я не буду говорить. Но все возьми это...

И Ральф вынул из шапки конверт и протянул его Марту.

Март осмотрел конверт, прочел написанное на нем и, глядя в глаза Ральфу, глухо спросил:

— Где ты взял это?

— Мне дали его.

— Где дали?

— На улице.

— Кто дал?

— Какой-то русский мальчик.

— Это — все, что ты можешь сказать?

— Да, все.

— Почему ты принес письмо мне?

— Я думаю, ты знаешь, кому это следует передать.

— Ты так обо мне думаешь?

— Да, я так о тебе думаю.

Март долго ходил по комнате, поглядывая на Ральфа, потом глухо сказал:

— Я тебя не уважал, Ральф, за то, что ты, эстонский рабочий, пошел к ним работать. Я уважал себя, потому что я, эстонский рабочий, не пошел к ним работать. Но это — все, что я сделал. Ты понимаешь, все. Ты пришел не к тому, к кому следовало придти.

— Что же теперь делать?

— Я не знаю, Ральф. Но мы должны что-нибудь сделать. Ты посиди, я схожу к Эрнесту. Он живет сейчас у Пауля Йыги. Но он не уважает меня за то, что я только отказался работать на них и не захотел встречаться с ним после того, как он попросил об одном маленьком дельце.

— Ты ему скажешь, что это письмо принес я? — спросил Ральф.

— Я об этом еще подумаю, — сказал Март, — ты еще очень плохой человек, и тебе это письмо, я думаю, дали по ошибке.

— Нет, Март, я докажу, что тут ошибки не было.

— Хорошо, ты это еще докажешь, — и Март ушел.

Вернулся он очень скоро и, медленно развязывая длинный шарф, сказал Ральфу:

— Эрнест приказал нам ждать его. Он хочет с нами поговорить.

— Разве он с тобой не говорил, когда получил это письмо?

— Нет, он просто взял его и ушел. А когда вернулся, сказал, чтобы ждали его.

И только на рассвете пришел Эрнест. Он поздоровался, сел на стул и стал курить.

— Ну, что же ты молчишь, Эрнест? — спросил его Март. — Почему ты нам ничего не скажешь? Ты отправил письмо?

— Да, его уже нет в городе.

— Значит, я могу уже идти домой? — спросил Ральф.

— Можешь, если ты считаешь, что все сделал.

— А разве нужно еще что-нибудь?

— Да, я так думаю.

— Хорошо,— сказал Ральф,— тогда я еще посижу здесь.

* * *

Приходил медленный рассвет. В комнате было холодно, как на улице. Снег на потолке и на окнах стал махровым. Синие шторы светомаскировки, примерзшие к окнам, совсем побелели.

Мальчик, сидевший у крохотной железной печки, все пилил ножом для резки хлеба куски дерева, и его еще более похудевшее за ночь лицо было серым и измученным.

Женщина, склонившаяся над кроватью, терла в своих руках тоненькие холодные ручки девочки и тихо, со скорбью звала:

— Аночка, Аночка, ты слышишь меня, Аночка?

Когда трое мужчин вошли в комнату, женщина даже не обернулась к ним.

Один из вошедших, старик в разорванном грязном пальто и с ногами, завернутыми в тряпки, похожий на нищего, вдруг сердито и повелительно спросил:

— Где здесь больная? — и так же сердито, не обращаясь ни к кому, приказал: — Воды, мыла, чистое полотенце! Открыть занавески! Мне нужен свет!

Потом старик стал рыться в большом чемодане, который принесли с собой эти люди. Он звенел склянками, шелестел пакетами и сердито брюзжал:

— Нельзя так варварски обращаться с медикаментами и инструментами. Какого чорта вы принесли еще флаконы с туалетной водой и брильянтин для волос? Что я вам, парикмахер?

А два человека, которых он ругал, стояли перед ним с застенчивыми, улыбающимися лицами, молчали и только укоризненно поглядывали друг на друга.

Потом один из них тихо сказал другому:

— Я тебе говорил, Ральф, чтобы ты не торопился, фармацевт же сказал, что подбирает универсальную аптечку.

— Да, но когда хозяин сказал, что у него затекли руки и что он не может держать их так долго поднятыми, ты же сам велел ему чемного размяться и нагружать эти чемоданы.

— Да,— согласился со вздохом тот, кого упрекал Ральф.— Я сам себя ругаю за мягкодушие. Но я решил, чем меньше он будет смотреть своими бараньими глазами на наши лица, тем меньше он запомнит нас.

— Какая разница,— сказал Ральф,— запомнит он нас или не запомнит: все равно нам оставаться больше в городе нельзя.

— Да, это так,— согласился Март.

Когда старик-доктор отошел от постели Анки и сел у печки на стул, опустив свои обнаженные до локтей костлявые руки, лицо его было совсем изможденным и усталым, но нежная и добрая улыбка появилась на нем. Глядя на огонь, он тихо произнес:

— Какое высокое счастье — спасти жизнь ребенку! О, для этого одного стоит жить! — потом он сказал, обратившись к тем двум: — Теперь я снова могу вернуться в тюрьму.

— Вам не надо больше возвращаться в тюрьму,— сказал Ральф.

— Как не надо! — рассердился доктор.— Вы думаете, что я соглашусь, чтобы вместо меня оставался там другой человек?.. — и доктор проговорил задумчиво: — Вы подумайте, как он ловко набросил на меня свое пальто и, оттолкнув в канаву, занял мое место в строю, когда мы после погрузки угля выходили из ворот... Но одного я не могу понять: почему у него был такой измученный вид, как и у всех нас, заключенных?

— Это был раненый русский,— сказал тихо Март.— Его скрывали в порту. Это он придумал, как освободить вас.

— Русский?..— переспросил доктор.— Нет, я не позволю, чтобы он оставался за меня в тюрьме! Я должен немедленно вернуться,— и доктор встал и начал одеваться.

— Русского нет больше в тюрьме,— тихо сказал Март.

— Так где же он?

— У него было оружие. После того, как прошло время, необходимое, чтобы вам скрыться, он применил это оружие. Это — все, что я вам могу сказать.

* * *

В комнате было холодно, как на улице, и в ней уже никого не было. Крохотная железная печка, стоявшая на тумбочке с мраморной крышкой, больше не теплилась. Стены и окна комнаты обросли льдом. Сквозь сорванные синие шторы маскировки проникал лунный ледяной свет.

Двери в комнату были открыты; одеяла, простыни, прежде висевшие шатром, сорваны и валялись на полу. Деревянная кровать была перевернута. Набоку лежал белый шкафик с посудой. Видно, что здесь, в комнате, кто-то жестокий рыскал, но, не найдя, ушел, злобно не закрыв дверь.

А далеко за городом, в маленьком хуторе, занесенном снегом, в маленькой теплой комнате сидела на широкой кровати, устланной периной, маленькая девочка с большими синими глазами и жаловалась:

— Сережа, ты совсем стал не дружить со мной, когда я выздоровела; поговори со мной.

— Аночка,— попросила мать,— не мешай Сереже.

А Сережа сидел за большим деревянным столом и, широко расставив локти, писал. Лицо его было суровым и озабоченным. Потом он сказал:

— Слушай, мама, вот я тебе прочту.

И он читал, и женщина кивала головой, и в глазах ее стояли слезы.

Вот что было написано в этом письме:

«Дорогой и любимый товарищ Сталин! Моя мама и я благодарим вас за то, что вы спасли нашу Аночку, когда ей было совсем плохо.

Мы с мамой понимаем, как вам это было трудно сделать так далеко от Москвы. Но мы знали, что вы нам поможете. И просто удивительно, как быстро письмо дошло до вас.

Дорогой товарищ Сталин, я клянусь вам, что буду таким же борцом, когда вырасту, как дядя Эрнест, Март, Ральф и мой папа. Спасибо вам.

Стоговы Анна Васильевна, Сережа и Аночка».

* * *

В это время в лесу, в землянке, где помещался штаб эстонского партизанского отряда, русский летчик укладывал в просмоленный брезентовый мешок очень важные документы, которые он должен был доставить в Москву сегодня же.

После того, как документы были почти все упакованы, командир отряда вынул из кармана письмо в самодельном конверте и сказал летчику:

— По этому письму все уже выполнено,— и объяснил: — Письмо адресовано товарищу Сталину. Но случилось так, что его прочли советские люди прежде, чем оно попало к нам, и они выполнили все, о чем просили в этом письме товарища Сталина люди, попавшие в беду.

Летчик бережно взял письмо и положил его в просмоленный брезентовый мешок вместе с другими важными документами и письмами, которые он сегодня же должен был доставить в Москву.

ДОРОГА

Вас. ЖУРАВЛЕВ

Над Волгой мостовая
бежит, не уставая.
Дорога ты, дорога,
дорога столбовая!

То под уклон, то в гору
по той дороге утром
спешит парнишка в город
на газике попутном.

В Ульяновск поспешает
парнишка из района...
Над Волгой расстилает
заря свои знамена.

Заря пригоршней полной
багрянец сыплет в волны
и на крутом причале
огни рябин качает,

потом бежит оврагом,
с кугой играет в прятки
и вспыхивает флагом
на крыльях дальней жатки...

Дорога ты, дорога,
дорога столбовая,
даешь ты сердцу много,
давать не уставая.

И хорошо парнишке!
Он, местность озирая,
читает, как по книжке,
судьбу родного края.

Машины вдоль по тракту,
и новая овчарня,
и каждый встречный трактор
волнует сердце парня.

Волнует клекот орлий,
обилье льна и хлеба,
и стоги, что подперли
на горизонте небо;

и этот лес насущный
среди равнины древней,
и этот свет, несущий
по проводам в деревню

конец людской печали,
основу новой жизни,
великие начала —
начала коммунизма.

...Восторженный и гордый,
спешит парнишка, чтобы
успеть сегодня в город
на первый час учебы.

Спешит. А в мыслях парень
уже — в руках с дипломом —
по взметанному пару
проходит агрономом.

И вслед за ним березы,
переплетаясь будто
от самого колхоза
до зданья института,

встают хлебов опорой
и расстилают тени
дорогой, по которой
ходил товарищ Ленин.

. . . .

Над Волгой мостовая
бежит, не уставая.
Дорога ты, дорога,
дорога столбовая!

ГАНГСТЕР ПЕРА

В центре ярко освещенного зала стоял длинный лысый человек с коротко подстриженными усами. Улыбаясь, он поворачивался то в одну, то в другую сторону, повинуясь требованиям толпы фото-, кино- и радиорепортеров, вооруженных множеством прожекторов и микрофонов.

Но это была лишь предварительная засъемка лысого господина. Вскоре началась сама торжественная церемония. Человек, на которого были направлены объективы аппаратов, снял с головы шляпу, поднес ее ко рту и на глазах у изумленной публики... съел свой головной убор.

Зритель, не искушенный в закулисных делах американской рекламы, мог подумать, что в Вашингтоне проездом остановился какой-нибудь фокусник, решивший заработать на железнодорожный билет. Но было непонятно, почему он привлек так много внимания. Недоумения были рассеяны газетами, вышедшими на следующий день с аншлагами: «Дрю Пирсон — пожиратель шляп».

Да, на сей раз героем дня желтой прессы был один из ее столпов — видный гангстер пера, вашингтонский корреспондент бульварной херстовской газеты «Дейли миррор» Дрю Пирсон.

Сцена со шляпой имела свою историю. Дрю Пирсон, рекламируемый своими хозяевами в качестве «самого влиятельного корреспондента Америки», не только регулярно фабрикует колонку сенсационного вранья и провокаций, публикуемую под названием «Вашингтонская карусель», в 600 газетах общим тиражом в 20 миллионов экземпляров. Он выступает также по радио с «политическими обзорами» и светскими сплетнями и кроме того рекламирует продукцию шляпного треста с коротким названием «Ли». За эту рекламу ему платят пять тысяч долларов в неделю. Чтобы привлечь побольше радиослушателей, а следовательно, и покупателей «непревзойденных» шляп фирмы «Ли», Пирсон завел по радио специальный раздел — «Предсказания событий». О характере и точности этих «пророчеств» Пирсона можно судить по тому, что в свое время он возвестил, что «Россия будет разгромлена гитлеровской армией в течение одного месяца».

Однажды Пирсон со свойственной ему наглой развязностью предсказывал, что одному из республиканских лидеров, Стассену, удастся провести делегатами на съезд республиканской партии большое число своих сторонников. Пирсон клялся и божился, что это будет именно так, и обещал в случае провала своего прогноза... съесть собственную шляпу. Предсказание не сбылось, как это чаще всего и бывает с гаданиями Пирсона на кофейной гуще. Но шляпный трест решил использовать случай для того, чтобы усилить рекламу своей продукции, а заодно и своего верного агента Дрю Пирсона. Ему предложили сдержать слово: съесть свою шляпу.

Чего только не сделает продажный писака, чтобы удовлетворить своих хозяев! И Пирсон согласился. Для широко разрекламированной церемонии фирма «Ли» изготовила Пирсону специальную шляпу из... пшеничных хлопьев.

Мы рассказали о фокусе со шляпой. Справедливости ради следует отметить, что в своих выступлениях по радио и в печати Дрю Пирсон прибегает к более сложным фокусам. Он по праву считается непревзойденным мастером лжи и клеветы, и его коллеги откровенно этим восхищаются.

Журнал «Кольерс» опубликовал недавно восторженную статью журналиста Роберта Аллена, озаглавленную «Мой друг Пирсон». Характеризуя столицу США, в которой работает его герой, автор статьи пишет:

«Беспощадная конкуренция — вот источник жизненных сил города. Почти каждый его житель, от мала до велика, пытается когонибудь перехитрить. В вихре этого водоворота вращаются представители печати в Вашингтоне, а в самом его центре — высокий, лысеющий боец, которого его родители около 52 лет тому назад окрестили Эндрю Рассел Пирсон». Так назвали Пирсона родители. Но широкой читающей публике он больше известен под другими именами. Так, например, в свое время президент Франклин Рузвельт называл его «хроническим лжецом».

Роберт Аллен признает, что для его приятеля такого рода прозвища не представляют ничего нового. Его обзывали почти всеми известными в американском словаре бранными словами. «Грязный клеветник» принадлежит к самым мягким из них»,— пишет Аллен и добавляет, что сам Пирсон рассматривает эту брань как «посвящение в рыцарство, как личную честь для себя и дань его идеалу независимой журналистской деятельности». В этом крайнем цинизме Дрю Пирсона нет ничего удивительного: дезинформаторы и клеветники, продавшие и перепродавшие свои перья поджигателям войны, пользуются наибольшим почетом в крупнейших газетах. Это действительно «рыцари» современной американской буржуазной печати — рыцари с большой дороги. Услуги этого сорта «деятелей» печати щедро оплачиваются Уолл-стритом.

Пирсон хвастает тем, что среди американских журналистов он стоит «на втором месте» по размерам своего дохода. В этом отношении его превзошел лишь известный радиовраль Уолтер Уинчел.

Официальный годовой доход Пирсона составляет свыше 350 тысяч долларов. В штате Мэриленд ему принадлежит большое поместье. Пирсон — далеко не «кустарь-одиночка», каким он пытается себя представить в глазах своих читателей и радиослушателей. Он располагает целым штатом репортеров, агентов, секретарей.

Связи Пирсона обширны. Ему не приходится охотиться за сенсациями. Министры, генералы, адмиралы, высокопоставленные чиновники и простые гангстеры снабжают его «сногсшибательными» слухами, сплетнями, в частности, клеветническими измышлениями о Советском Союзе. С помощью Пирсона нередко осуществляются различные темные интриги.

Однажды Пирсон состряпал радиодискуссию по вопросу о «демократии». В качестве «экспертов» он пригласил таких отъявленных реакционеров, как бывший в то время министром юстиции Томас Кларк, как Клэр Люс (жена издателя реакционных журналов «Лайф», «Тайм» и др.) и известный поджигатель войны Джеймс Бирнс (бывший государственный секретарь).

Как неоднократно писали американские газеты, в сенате Пирсону покровительствуют сенаторы О'Махони, Бриджес и другие махровые реакционеры. В палате представителей он пользуется благоволением председателя палаты демократа Сэм Рейбэрна и лидера республиканцев Джо Мартина. Пирсон связан и с ФБР (американская охранка).

О методах своей работы иногда рассказывает сам Пирсон. «Я часто прошу своих друзей,—говорит он,—держать ухо востро во время секретных совещаний». Временами Пирсон целиком переходит на приемы работы, принятые в американской охранке. Печать рассказывала, что Пирсон засылает своих агентов под видом домашней прислуги к людям, о которых он хочет собрать компрометирующий материал. Добытую таким путем «информацию» он использует для шантажа и вымогательства.

Пирсону достаточно получить один — два факта, зачастую общеизвестных, для того чтобы наворотить вокруг них целый ворох всевозможных небылиц и вымыслов. Дозировка лжи, конечно, колеблется в зависимости от каждого конкретного случая. Иногда вымысел бывает чистейшим, т. е. без всякой примеси правды, другой раз для некоторого правдоподобия добавляется какая-нибудь полуправда, какой-нибудь факт, который не может помешать общему провокационному замыслу, но зато может кое-кого ввести в заблуждение. Что касается принципов, то стоит ли о них беспокоиться, когда директивы поступают регулярно и от госдепартамента и от Национальной ассоциации промышленников?

Говорил же коллега Пирсона по желтой прессе, редактор ньюйоркской газеты «Дейли ньюс» Маури: «Моя профессия — торговать мнениями. Спорить о них — напрасная трата умственной энергии».

Пирсон часто выступает с провокационными заявлениями. В общем реве поджигателей войны звучит и его голос — сиплый голос верной своим хозяевам дворняжки. Пирсон — неизменный поборник бредовых планов установления мирового господства американских монополий. В свое время он цинично заявлял, что США «имеют достаточно атомных бомб, чтобы сбросить по несколько штук на каждую из стран — членов организации Объединенных наций...»

Некоторое время тому назад Международная организация журналистов по предложению делегации Польши приняла резолюцию, которая заклеймила злостных поджигателей и пропагандистов войны из среды журналистов. Она призвала национальные организации журналистов изгнать из своих рядов людей, очернивших себя пропагандой войны, расовой и национальной ненависти, дезинформацией и клеветой. В позорном списке этих журналистов числится и имя Пирсона — гангстера пера, цепного пса монополистов с Уолл-стрита.

И. ЛАПИЦКИЙ

Быт и нравы за рубежом

ДЕЛА ПОЛИЦЕЙСКИЕ...

В Бельгии, как и в других маршаллизированных странах, полиция служит прежде всего для борьбы с «красной опасностью», «красными настроениями» в стране. Соответственно подбирается и состав «блюстителей порядка». В бельгийскую полицию принимаются квислинги, служившие гитлеровцам в период фашистской оккупации, «раскаявшиеся» уголовники и прочие отбросы общества.

Недавно в городе Монсе состоялся национальный конгресс работников полиции. Жандармы Бельгии собрались, чтобы обсудить «рациональные методы» разгона мирных рабочих демонстраций, требующих улучшения условий существования трудящихся. Вниманию участников съезда были среди прочего предложены также новейшие методы избиения безоружных людей. В качестве почетных гостей на съезде присутствовали иностранные «специалисты» — американские полицейских дел мастера и их подражатели в Европе — молодчики Жюля Мока.

После первого торжественного заседания, когда участники съезда и иностранные гости стали расходиться по домам, произошла крупная неприятность. Оказалось, что из гардероба было украдено восемь пальто и четыре шляпы, а из карманов трех полицейских «делегатов» бесследно исчезли бумажники.

Комментарии, как говорится, излишни.

АНТОНИО И РАУЛЬ

Из романа «Коммунисты»

Луи АРАГОН

Испанец вышел в шесть часов: по такой жаре нужно пользоваться утренней прохладой, к тому же он решил добраться до Парижа в один переход, потому что в окрестностях столицы могли быть всякие проверки; совершенно не к чему болтаться по дорогам. На дне холщевого мешка лежали две луковицы, чуточку соли в бумажке и кусок хлеба — дар жены того фермера, с которым он разговаривал вчера вечером в Босе. Странные все-таки люди — французские крестьяне. У нас совсем другое. Их земля не мучает. Хорошо бы поселиться здесь: широкие желтеющие просторы, спокойствие. Но что ему до этого? В нем жила боль разлуки с родиной, палившая самое нутро, так же до сих пор нестерпимо ныла рана.

Ему особенно советовали избегать Версаля и больших дорог: можно наскочить на полицейские разъезды. Миновав Шартр, он направился к Лимуру и, немного не дойдя до города, попросился на ночлег на ферме в Ивелине. Какое счастье, что он встретил того парня, который служил в Пиренеях и до сих пор бредит Испанией!.. Пятьдесят, а то и больше километров по пыли, по жаре в этих башмаках... Чортовы башмаки! Конечно, хорошо, что парень подарил ему их: лучше плохие башмаки, чем вовсе без башмаков. Все-таки возле Лонжюмо он их снял, перекинул на шнурках через плечо и пошел босиком. Лонжюмо он обогнул полями. Крупные поселки не для него.

Он уселся под стогом, поодаль от проселочной дороги, чтобы съесть на свободе луковку. Вполголоса напевал песенку, чудную альмерийскую песенку, должно быть, очень, очень старинную. Он когда-то знал ее, позабыл и вдруг снова услыхал однажды вечером:

Красавица с мужем несчастна
Была в родном краю,
Но тот, кто ее полюбит,
Погубит жизнь мою.

Вечером в окопах, близ Мединасели... ее пел очень молодой и глубокий голос, голос, напоминавший детство, родники Альмерии. Вечером, после бесконечно долгого дня, не желавшего умирать...

Красавица с мужем несчастна...

Мудреная это была песня, и все же до народа дошедшая...

Песня не для солдат, не для их трудной жизни... Песня, в самом сердце Испании рожденная... Вряд ли Антонио знал, почему эти четыре строчки песни преследовали его, может быть, потому, что пел ее такой прекрасный голос, или же он просто не мог теперь подумать об Испании, не вспомнив:

Красавица несчастна...

У него в Альмерии тоже была своя молодая любовь, рука, протянутая сквозь решетку сада, бледненькая девушка, которая так и не стала его женой... Но почему сейчас, в холмах Гюрпуа, этот человек, нищенски одетый, худой и сожженный солнцем, в старой, полинялой шляпе, с черным холщевым мешком за плечами, так упрямо повторял эту песенку? Как не затерялась она среди этих лугов, сжатых нив, зеленых склонов, стука проезжавших телег?..

Красавица несчастна...

Он батрачил, служил рабочим в арсенале, был подручным у пекаря, в самых различных местах он научился самым различным вещам, которые знают все, и еще многим, которых никто не знает. Он играл на гитаре, когда под руками была гитара, и он знал к о п л ы, древние, как камни его родины, и так же отточенные временем, петые, перепетые... он был хорошим танцором, он мог бы быть счастливым и не иметь за плечами никакой истории своей жизни.

Но разве у нас есть только наша история, история нашей жизни? Разве от нас зависит быть счастливым? Наша история — это история нашего времени, нашей страны. Наша история — это история наших братьев, и попробуйте быть счастливым, — даже если у вас красивый, глубокий голос, гитара и неутомимые в танцах ноги, — когда ваши братья так несчастны. Он мог бы быть счастливым, этот высокий и стройный человек, человек из народа столь благородного, чьи сыны как будто вышли из древних песен... Он мог бы быть счастливым, но посмотрите, он еще молод, а какой худой, какие глубокие морщины бороздят его лицо, — не от старости, да и сколько ему лет? Тридцать три, тридцать четыре. Он устает от ходьбы, ему приходится отдыхать почти каждый километр... солдатские грубые башмаки бьют его по плечу.

Рисунок Г. Филипповского

Он вырезал ножом палочку в кустарнике, растущем при дороге. Его босые ноги месят белую пыль, на них проступает кровь, но он не чувствует острых камней. Он думает о Париже. Но что его ждет в Париже? Найдет ли он там нужных ему людей, тех, что укажут ему дорогу, не торную дорогу. Нет! Ибо его мысли неизменно возвращаются к родной стране, и только кажется, что он уходит от нее все дальше.

Да, наконец-то он вспомнил. Эту песенку пел студент из Сеговии, юноша лет двадцати, пел вечером в Мединасели... студент, отец его был убит гражданской гвардией еще во времена Примо де Ривера; студент был веселый парень, с белоснежными зубами; он погиб — поджег танк бутылкой с горючей смесью и сгорел вместе с танком...

Какой бесконечный, мучительный день!.. Кажется, никогда не дойдешь до Со... Это название словно дразнит его с придорожных столбов. Как ноет живот! Пройден Со, впереди Ванв. Он снова надел башмаки, и ногам стало больно. Ванв... Вдруг он понял всю нелепость своих страхов: как раз в деревне у него странный вид, здесь его могли задержать жандармы... а в городе тысячи плохо одетых людей, таких же изможденных, таких же жалких... Из Ванва до Парижа можно доехать на трамвае. Он так устал... Но он не решился сесть в трамвай и продолжал идти пешком. Да и хватит ли ему денег на билет?

Он приближался к Парижу с юга, и в этом бесконечном потоке велосипедистов, рабочих, возвращающихся с заводов, один пешеход был незаметен, неразличим, естественно слит с толпой, и все-таки он приближался к Парижу с пересохшим от волнения горлом. А что, если он не найдет там своих людей? Возможно, он поступил невероятно глупо, проделав весь этот путь, удалявший его от границы... Впрочем нет... в Париже... только в Париже... наверняка в Париже... Он уже больше не думал о песнях, о тех, что пели вечерами в траншее, о девушке из Альмерии, что ждала его возле решетки, об осени в Кордове, когда весь воздух пропитан запахом апельсинов, а их самих не видно, он думал теперь только о тех, кого найдет в Париже. Вместе с ними он научился многому, и они сумеют извлечь урок, понять, что было не так, начать все сначала, работать не покладая рук, начать все сначала. И когда он произнес про себя еще и еще раз: «Начать все сначала», — у него уже не болели ноги, он забыл о ране в животе, у него только кружилась голова и тело стало легким.

Все начать сначала... Он пересек из края в край эту непонятную страну, богатую, спокойную и равнодушную. Он видел крестьян на фермах. Он видел, как по утрам в маленьких городках открывались ставни лавчонок. Он видел, как к вечеру из фабричных ворот высыпали рабочие и женщины забегали в лавочку купить хлеба, — все это было загадочно и саднило, как заноза, глубоко в сердце. Почему вот есть такие страны, когда рядом, совсем рядом, в Испании... «В конце концов, — думал он, — я их понимаю, они не хотели ради нас расстаться с этой мирной жизнью... Я понимаю вас, безумцы...»

Потом он вспомнил французов, которые сражались вместе с ним, французов из интернациональных бригад, он снова видел их лица — такие узнаешь сразу среди остальных... И, зная тех французов, он смот-

Начало см. в «Огоньке» № 3.

рэл вот на этих французов, на их собственной земле, с огромной жалостью: подумать только, что все это ждет их, что настанет их черед... Но почему же настанет их черед?.. Не знаю: но теперь их черед... Тут знать нельзя, тут чувствуешь, угадываешь. И, глядя на этих жителей окраины Ванва, он забывал, что они те самые, которые допустили, чтобы убивали его соотечественников... Но сейчас не это важно... Он видел в этих людях только участь, которую они сами себе уготовили, их судьбу, которая сделает с этими мужчинами и женщинами то же, что сделала с теми, кто сгорел в сожженных городах, с теми, кто спит вечным сном на поле битвы, уставив пустые глазницы в небо, с теми, кто познал изгнание и горечь чужих дорог, с теми, которые гибли в концентрационных лагерях... Он видел только трагическое тождество их судеб. Париж... Сначала Мадрид, а теперь Париж.

Сердце его забилось. О чем его спросят у заставы? Его ни о чем не спросили, он прибавил шагу. Он был в Париже. В Париже. Значит, можно спокойно спросить у прохожих, где улица Кантагрель... Рана в животе нестерпимо горела, и он дважды переспрашивал, как пройти на улицу Кантагрель у старой дамы; она почему-то настаивала, чтобы он непременно шел пешком до площади Италии, потом вдруг рассмеялась и сказала: «Впрочем, вы можете поехать на метро». На метро денег у него хватило.

Когда Полетта Бланшар открыла дверь, она невольно отступила назад. Вовсе не потому, что она смутилась или испугалась. Она просто думала, что это вернулся Рауль. Незнакомец был еще выше Рауля, жгучий брюнет, с синеватыми щеками, в измятой мягкой шляпе; поношенный, очень поношенный темный костюм в узенькую полоску, серая фуфайка надета прямо на голое тело, шея покраснела от солнца, за плечами небольшой холщевый мешок, а сам он такой усталый, что на него жалко было смотреть.

Полетта тотчас пригласила его войти и присесть и тогда только удивилась его неожиданному появлению. Он спросил: «Бланшар Рауль здесь живет?» — и она сразу поняла, что он иностранец.

— У нас не прибрано, извините, пожалуйста, не совсем прибрано. Я только что вернулась с завода, Рауль скоро придет...

Малыш подошел к незнакомцу и, молча встав перед ним, с глубоким изумлением уставился на него. А незнакомец оглядел тесную, но чистенькую комнату, стол, покрытый клеенкой, кровать в углу, потом посмотрел на мальчика, вытер лоб ладонью и, улыбнувшись, протянул к нему руку: «Значит, это ты Раймондо?» И Полетте вдруг стало страшно приятно, что гость знает имя ее сына и произносит на свой лад.

— Поздоровайся с дядей, Мондине.

Мондине с минуту стоял в нерешительности, потом вдруг проникся к незнакомцу теплым детским доверием, подошел, и, когда Антонио нагнулся к нему, малыш приподнялся на цыпочки и поцеловал его в щеку. Антонио с удивлением взглянул на весело улыбающуюся мать — молодая миловидная женщина с темными волосами, заколотыми поддельной черепаховой пряжкой; выбивающиеся из прически пряди осыпали ее лоб, лицо, раскрасневшееся от спешки, немного потное, но свежее, не подмалеванное... Испанец поднял мальчика и посадил к себе на колено.

— Раймондо, — повторил он своим певучим выговором, — тебя зовут Мондине, кажется... Ты Раймондо по-нашему... Когда мы говорили о тебе в Испании с твоим отцом, мы называли тебя Раймондо, знаешь...

Он подбросил мальчика на колене.

Это была обычная комната парижской супружеской четы: оба, муж и жена, работают на заводе, а консьержка присматривает за ребенком: все равно смотреть за своими. Комната, которую можно мыть и прибирать, сколько хочешь, но от этого она не становится ни на один метр больше; кроватка мальчика стоит рядом с кроватью родителей, старой деревянной кроватью с красным стеганым одеялом, — такая теснота, что буквально негде повернуться. Стоят там еще буфет с застекленными дверцами и стол. Дверь в углу ведет в крошечную кухню, которая служит ванной, — там моются и приводят себя в порядок. Уборная в коридоре, этажом выше. Все, как везде, кроме камина, на котором стояли сломанные часы и пара канделябров черного с зелеными прожилками мрамора. А на стене, над кроватью, большой портрет Марселя Кашена; под ним приколоты различные медные или позолоченного картона значки, ленты — память о больших демонстрациях. Обои и потолок довольно грязные. Ремонт делают редко, какой уж тут ремонт! А все-таки не мансарда — мансарда выше... И хорошо, что соседи довольно тихие, ведь стены-то точно картонные! Правда, раньше жил здесь кровельщик, так его жена действительно раздражала своим пронзительным смехом... Слов ведь не слышно, а смех слышен да еще как.

— Вы знали Рауля в Испании? — спросила Полетта.

Он просто сказал:

— Я Антонио.

— Вот как! — ответила она. — Вы Антонио?

Она чувствовала, что невежливо с ее стороны, если у нее будет такой вид, будто она не знает, кто такой Антонио, будто муж не говорил о нем с утра до вечера. Рауль рассказывал ей про стольких Лопецов, Альфонсов, Карлосов; возможно, что среди этих имен и попадалось имя Антонио, но она решительно не помнила, что такое про него говорил Рауль. Она повторила уверенным тоном: «Значит, вы Антонио?» И подумала: «Бедняга, только бы он не заметил, что я о нем ничего не знаю!» Но он принял все за чистую монету, он рассказал ей свою историю.

Когда Рауль, считая Антонио уже почти мертвым, оставил его на пограничном пункте перед самым приходом франкистов, нашелся спаситель — врач; они вместе скрывались в подвале, и каким-то чудом фашисты их не заметили и прошли мимо. Ночью удалось с помощью одного местного жителя перетащить Антонио на носилках через границу. К несчастью, французский сторожевой пост открыл с холма стрельбу, и врача убили. Про Антонио решили, что он не выживет, ведь у него был осколком разворочен живот, но сверх всякого вероятия он не умер во время перевозки в жуткий перпиньянский лазарет. Вот там он чуть было не погиб, потому что рана загноилась и началась гангрена. Потом его оперировали и перевели в другой, более или менее приличный госпиталь. Через два месяца, когда он немного подлечился, его отправили в лагерь в Верне.

— Лагерь Верне, знаете, — это такое место, что вы не можете себе даже представить!

— Почему же не идет Рауль? Прямо как нарочно. Должно быть, задержался на собрании, иначе он давно был бы дома...

Антонио рассказывал про лагерь в Верне. Он рассказывал про лагерь Верне, про лагерь Верне... Когда произносят слово «лагерь», вам прежде всего представляются полотняные палатки, ведь верно? Солдаты играют на трубе, повар готовит на свежем воздухе ужин, генерал, сидя у входа в палатку, рассматривает карту. Лагерь Верне. Полетта никогда не слыхала о таком лагере. Быть может, если бы ей приходилось слышать об этом раньше, она бы так не переживала рассказ Антонио. Быть может, если бы она слышала о других лагерях, она не придала бы такого значения его рассказу. Но лагерь Верне... Она схватила сынишку на руки и крепко прижала его к груди. Да может ли это все быть?.. Не похоже, чтобы Антонио выдумывал. Он ведь сам побывал там. Он сидит перед нею усталый, такой худой, что его ветерком с ног свалит. «Возможно ли это?.. Такие лагери у нас во Франции!..» Она сжала руки и сказала:

— Но ведь они французы...

Антонио вежливо засмеялся и взглянул на нее. Потом он замолк и покачал головой.

— Знаете, сеньора, в Испании... — он ткнул большим пальцем правой руки куда-то через левое плечо, — мы тоже говорили: «Ведь они такие же испанцы, как и мы, разве нет?»

— Я сказала глупость, — произнесла Полетта, — простите меня. Но тяжело подумать, что французы... Конечно, вы правы, господин Антонио, но я в первый раз слышу, ну и...

Дверь отворилась, и Рауль Бланшар вошел в комнату. Антонио с радостным возгласом бросился ему навстречу. Рауль, нахмурившись, вглядывался в него, потом закричал вдруг:

— Антонио! Дружище!

Пришлось все повторить, рассказать, объяснить. А как же ты живой остался? Ужасы лагеря Верне, бегство, странствования по Франции. Потом Антонио сказал:

— Партия... Ты поможешь мне разыскать товарищей, поможешь? Я пришел в Париж отыскать товарищей...

— Не так-то это просто, Антонио... Есть испанцы в Париже, в Тулузе... можно порасспросить... очень уж, знаешь, момент неподходящий, — Рауль повернулся к Полетте: — Представь себе, что при выходе с завода, вот только сейчас... продавцов «Рабочей жизни» арестовали... полиция... Потому я и задержался...

— Продавцов «Рабочей жизни»? И вы допустили? Такой огромный завод! У вас на глазах!

— Я же тебе говорю, — пытались отбить; потому-то я и задержался.

— Ничего не понимаю... Мужчины, рабочие... как вы это допустили?! Да что такое происходит?

— Никто ничего не знает. Что-то они затевают... за последние несколько дней они совсем обнаглели. Додумались же получку выдавать только после рабочих часов, как до 1936 года. Сам видишь, Антонио, момент не совсем подходящий.

— А ты знаешь подходящие моменты? В любой момент можно начинать все сызнова и надо начинать. Разве нет? А все остальное неважно — надо начинать.

Вдруг Антонио согнулся, прижал руки к животу. Он страдал.

— Что с тобой? Рана?

— Да, да, пройдет... Там меня били сапогами в живот, а тут еще этот осколок... Я неженкой стал, разве нет? Ничего, пройдет...

— Вы должны пойти к доктору, господин Антонио.

И Рауль добавил:

— Правильно, в амбулатории есть один наш парень...

— Нет, — сказал Антонио, — партия — вот врач, другого мне не нужно.

— Не знаю, что и делать, — Рауль поскреб в затылке.

Полетта подсказала:

— Может быть, попытаться через Кормейля, через комитет Баранже, у них должны быть связи.

Это мысль! Рауль поддерживал знакомство с учителем, который провел его через границу. Кормейль — это мысль.

— А пока, — сказала Полетта, — подите помойтесь, я вам позабыла предложить, а потом будем обедать...

— И ночевать он будет здесь, — заключил Рауль тоном, не терпящим возражений.

Он вынул из стенного шкафчика полотенце и кусочек мыла: «Держи, дружище, кран в кухне», — и пока Антонио отмывался от дорожной пыли, он обратился к Полетте:

— Не знаю, что они там затевают. Ты купила вечерние газеты?

Антонио, наслаждаясь свежестью холодной воды, закричал из-под крана:

— Правда ли, что здешний депутат — Марти?

По дороге он видел на стене плакаты... прочел это имя, и ему показалось, что он пришел к себе домой... И он начал насвистывать «Марсельезу».

Над раковиной на двух полках помещалась библиотека Рауля. Конечно, устройство ее могло бы быть получше. Здесь Рауль хранил стопками партийные брошюры, всю литературу, которую он покупал в ячейке. Правда, не совсем удобно, что книги не под рукой. Но где прикажете их держать?

Перевод с французского
Н. ЖАРКОВОЙ и Н. НЕМЧИНОВОЙ

ГОРОД БЕЗ ИМЕНИ

В. ВИРГИНСКИЙ,
кандидат исторических наук

«В так называемых представительных правлениях беспрестанно толкуют о желании народа, но все знают, что это желание только нескольких спекуляторов; говорят: общее благо, но все знают, что дело идет о выгоде нескольких купцов или, если угодно, акционерских и других компаний. Куда бежит эта толпа? Выбирать себе законодателей. Кого-то выберут? Успокойтесь, это все знают — того, за кого больше заплачено».

Не правда ли, эти строки наводят на мысль, что речь идет о современном капиталистическом обществе? Однако они написаны 110 лет назад Владимиром Федоровичем Одоевским (1803—1869) — русским писателем и ученым.

В сатирической повести «Город без имени» он рассказывает о некоей стране, названной им Бентамией, по имени пресловутого английского буржуазного экономиста Иеремии Бентама, который утверждал, что погоня за личной выгодой есть двигатель всех действий человека и основа общества.

История Бентамии такова: она развилась из английской колонии и вначале переживала период подъема. «Скоро земля была возделана; огромные здания, как бы сами собою, поднялись из нее: в них соединились все прихоти, все удобства жизни; машины, фабрики, библиотеки, все это явилось с невыразимою быстротою».

Но в Бентамии боготворили золото, и в этом таился зародыш ее будущего краха. На главной площади столицы высилась колоссальная статуя Бентама, на пьедестале которой золотом было начертано одно слово: «Польза». Жителям изо дня в день втолковывалось, что превыше всего личная выгода. В стране процветал безудержный эгоизм, в большом почете были ловкие «спекуляторы». С амвона храмов проповедовалось, что нажива — единственное основание нравственности. В театрах разрешались только пьесы, прославляющие погоню за наживой. Бешеная конкуренция пронизывала всю жизнь Бентамии. Всевозможные мошенничества и аферы разоряли одних и обогащали других.

Читатель все яснее узнает в Бентамии не только характерные черты капитализма вообще, но и вполне реальную капиталистическую страну. Ну, конечно, это Соединенные Штаты Америки! Бывшая английская колония стала сильной державой, грозящей своим соседям.

Рядом с Бентамией процветал миролюбивый земледельческий остров. Он показался правителям этой хищной страны «весьма удобным местом для так называемой эксплуатации» — «наживки на счет ближнего», как объясняет Одоевский этот еще не знакомый читателям термин. И вот Бентамия задерживает разными хитростями провоз необходимых чужих товаров на остров, а потом продает им свою собственную продукцию втридорога. Она ссорит миролюбивую страну с соседями.

Затем в совете «выборных людей» (Одоевский подразумевает конгресс США) начинаются прения, изображенные с бесподобным сатирическим мастерством. Спор идет лишь о том, каким путем присоединить разоренную страну. Тех, кто возражает против захватов чужих земель, объявляют «вредными мечтателями». Расходы на войну сопоставляются с выгодами, которые сулит обреченная территория, и миролюбивый остров завоевывается вооруженной силой.

Эти места произведения Одоевского так живо напоминают нынешнюю колониальную политику Америки, что невольно забываешь, когда написана повесть.

«Несчастные обитатели окружных земель,— рассказывает один бентамит,— казалось, разрабатывали их для того только, чтобы сделаться нашими жертвами. Имея беспрестанно в виду одну собственную пользу, мы почитали против наших соседей все средства дозволенными: и политические хитрости, и обман, и подкуп... Мало-помалу все окружные колонии, одна за другою, подпали под нашу власть — и Бентамия сделалась государством грозным и сильным».

В отношении к американской буржуазии Одоевский разделял взгляды Пушкина, который, говоря о нравах и постановлениях американских, разоблачал «отвратительный цинизм», «жестокие предрассудки» и «нестерпимое тиранство» американской демократии.

Яркими красками изображает Одоевский, как в Бентамии обострялись классовые противоречия, велись непрерывные внешние и внутренние войны, дичало и вымирало население.

Корни этого крылись, по мнению Одоевского, в самих своекорыстных, звериных законах бентамитского строя. В качестве примера того, как интересы капиталистов вступают в противоречие с техническим прогрессом, он приводит такой эпизод.

Богатые угольные копи залило водой. Цены на уголь резко возросли. Были предложены технические средства для откачки воды. Однако шахтовладельцы воспротивились: им было «выгоднее продавать малое количество за дорогую цену, нежели остановить работу для осушения копей».

После того как бентамитские купцы «сделались правителями и правление обратилось в компанию на акциях», после того как восторжествовал, по выражению Одоевского, «банкирский феодализм», то есть закрепощение всей страны купцами и банкирами,— перед развитием науки и техники встали непреодолимые препятствия.

«Исчезли все великие предприятия, которые не могли непосредственно принести какую-либо выгоду, или которых цель неясно представлялась ограниченному, корыстному взгляду торговцев».

Все газеты слились в одну под названием «Прейскурант». Правители Бентамии ничего не желали делать для блага будущих поколений. Отцы боялись своих детей — и не без оснований. «Юный бентамит с ранних лет научался одной науке: избегать законов и смотреть на них лишь как на одно из средств извлекать себе какую-нибудь выгоду. Все отвлеченные, общие мысли, связывающие людей между собою, показались бредом; книги, знания, законы нравственности — бесполезной роскошью. Все силы дряхлели в человеке... Обман, подлоги, умышленное банкрутство, полное презрение к достоинству человека, боготворение злата, угождение самым грубым требованиям плоти стали делом явным, позволенным, необходимым».

Непрерывные внутренние и внешние конфликты, все более растущее расстройство экономической жизни страны, упадок всякой духовной культуры, исчезновение подлинной науки, искусства, литературы и вытеснение их купеческими «прейскурантами», развращение детей и подростков скотским эгоизмом и спекуляцией — такова, приходит к выводу автор, судьба страны, поклоняющейся золотому тельцу.

Из тупика, куда завел Бентамию «банкирский феодализм», Одоевский не видит выхода. Он говорит, что страну не спасут «мраморные чертоги, роскошная одежда, груды злата, толпы рабов, лицемерие и коварство».

Одоевский знает, что, кроме банкиров, купцов, продажных литераторов и полицейских, в Бентамии есть и трудовой народ: «ремесленники и земледельцы». Но классовая ограниченность автора, принадлежавшего к либеральному дворянству, помешала ему понять, что будущее принадлежит людям труда, которым предназначено историей построить новое общество, без эксплоатации человека человеком.

Судьбе капиталистической Америки — Бентамии — Одоевский противопоставил будущую Россию, страну науки, где заботятся не о личной, а об общей пользе. Этой теме посвящена его научно-фантастическая повесть «4338-й год», написанная одновременно с «Городом без имени».

Герой произведения Цунгиев, студент главной Пекинской школы, отправляется в Петербург, сделавшийся центром «всемирного просвещения».

Русская техника достигла высокого уровня развития. «Электроход» (электрический поезд), в котором ехал Цунгиев из Пекина в Петербург, с быстротою молнии промчался сквозь Гималайский тоннель, а потом сквозь Каспийский тоннель. «Седой Каспий ревел над нашими головами. За несколько шагов нас ожидал в туннеле новый электроход, великолепно освещенный гальваническими фонарями, и в одно мгновение ока Ерзерумские башни промелькнули мимо нас». Цунгиев пересел в воздушный корабль с электрическим двигателем — «гальваностат»,— и прибыл на «воздушную станцию» в Петербурге.

Нам, современникам грандиозного преобразования природы, осуществляемого в нашей стране, особенно интересны те места повести Одоевского, где описывается, как «русские победили даже враждебный свой климат».

Цунгиев, глядя на «чудные произведения садового искусства, не

В. Ф. Одоевский.

мог не подумать, каких усилий ума и терпения стоило соединить, посредством постепенных прививок, разные породы плодов, совершенно разнокачественных, и произвести новые, небывалые породы; так, например, я заметил плоды, которые были нечто среднее между ананасом и персиком. Я заметил также финики, привитые к вишневому дереву, бананы, соединенные с грушей; всех новых пород, так сказать, изобретенных здешними садовниками, невозможно исчислить».

В повести упоминаются, правда очень бегло, Англия и Америка, которые не хотят отрешиться от великодержавных иллюзий и торгашеских привычек, хотя власть и влияние их давно миновали. И вот «одичавшие американцы, за недостатком других спекуляций, продают свои города с публичного торгу», потом бросаются грабить Китай.

Автор, говоря о техническом прогрессе России, не мог, конечно, предугадать его темпы. То, что он видел отдаленным на 2500 лет, в значительной мере осуществилось через какую-нибудь сотню лет.

Будучи либеральным дворянином, Одоевский не понимал, что основой подлинного расцвета русской науки и техники, о котором он мечтал, должно явиться изменение общественного строя.

Правда, Одоевский сознавал, что просвещение становится силой, лишь когда оно делается «всенародным и общедоступным». В 60-х годах XIX века он мечтал о временах, когда «во всех концах нашей великой земли» будут организованы «библиотеки, физические кабинеты, химические лаборатории, для всех открытые», когда повсеместно будут читаться лекции. «Тогда машинистами на фабриках, на железных дорогах, на пароходах будут преимущественно русские люди; тогда научившийся мужичок будет заправлять деревенскими локомобилями да сам еще приспособит их к местному делу».

Всю свою жизнь писатель-ученый верил в великую историческую роль родной страны. «Европа назвала Русского избавителем! В этом имени таится другое, еще высшее звание, которого могущество должно проникнуть все сферы общественной жизни: не одно тело должны спасти мы, но и душу Европы».

Одоевский писал, что это великое дело принадлежит грядущим поколениям России.

Повесть о людях творческого труда

В повести молодого писателя А. Пантиелева «Первая неделя» изображена всего-навсего неделя жизни одного лишь участка механического цеха инструментального завода. И время, казалось бы, слишком короткое, и место действия невелико. Но при всем том писатель сумел полно и многосторонне отразить те особенности отношения советских людей к труду, к организации производства, которые в нашем сознании связаны с творчеством новаторов, подобных, например, мастеру Николаю Российскому. Это — подлинно социалистическое отношение.

Рабочий, мастер, инженер прочтут повесть А. Пантиелева с особым интересом. Писатель рассказывает о их работе как человек, знающий и людей, и технологию производства, и конкретное содержание всей повседневной жизни социалистического предприятия.

Инструментальный завод должен втрое увеличить выпуск микрометров. По предложению партгруппы отстающего участка цеха, директор завода назначает старшим мастером этого участка бывшего сменного мастера Павла Алтухова. Павел, выходец из старой рабочей семьи, вырос на заводе. Он воспитан его комсомольской и партийной организациями. Вернувшись с войны, Павел всю силу своего характера, всю свою настойчивость и страсть вкладывает в организацию работы по-новому; труд его становится творческим.

На участке мало опытных кадровых рабочих и много вчерашних ремесленников. Прежний старший мастер Меликов считал успехом уже то, что эта «зеленая» молодежь выполняет план; большего он от нее и не ждал. Павел верит в творческие силы молодежи, и автор повести убедительно показывает, как эта вера открывает путь к крупным производственным победам.

Писатель реалистически отразил одну из главных особенностей нашего времени, когда происходит процесс превращения рядовых рабочих в рабочую интеллигенцию.

Мастер Алтухов — интеллигент совершенно нового типа. Он смелый новатор и организатор, мыслящий в государственном масштабе. Вместе с тем он чуткий товарищ и воспитатель молодежи. Его партийная принципиальность помогает ему найти путь к сердцу молодого рабочего, понять его, помочь ему расти.

...По-военному вытянувшись, бывший разведчик Леня Иванеев смотрит прямо в глаза гвардии капитану Алтухову и, как со старшим братом, делится с ним всем, что его, Леню, волнует. На фронте была опасность и была романтика. На заводе, на том отстающем участке, куда попадает Леня, романтики он не находит. Работать ему приходится здесь, не думая, без интереса, кое-как выполняя план. А рядом цеховой «король» старый Блажнов «колдует» над станком, не желая поделиться с молодежью «секретами» высокой производительности.

Алтухов понимает: и Леня и другие рабочие участка хотят давать больше, чем они дают, и ищут путей к тому. В наивной пока еще форме Леня выражает свое социалистическое отношение к труду. В его сознании нет места для иного отношения. Ему хочется работать умно, с мыслью, во всю силу своих способностей, зная, что только тогда жизнь его станет интересной, наполненной трудом творческим и полноценным.

Алтухов создает условия для такого труда — условия моральные и технические. Он поднимает людей, реорганизует технологический процесс производства. Наступает момент, когда Леня с радостью бросается к станку: «Леня Иванеев работал с упоением, самозабвенно. Леня Иванеев был счастлив!», «Долго Алтухов и Самарцева не могли оторвать от него глаз». Павел и его друг технолог Варвара Самарцева испытывают при этом чисто эстетическое наслаждение.

Повесть А. Пантиелева еще раз подтверждает ту закономерность эстетики социалистического реализма, что все передовое, порожденное социалистическими общественными отношениями и противостоящее старому, отсталому, выступает в характерах, поступках, психологии героев как черты прекрасного.

Павел с горечью, с возмущением думает о вине Меликова перед умным и честным Леней. Меликов довел его до того нетерпимого состояния, когда «тебе не дорога твоя деталь». Такая чуждая советскому рабочему психология — пережиток прошлого. Леня не может примириться с этими пережитками. С глубокой обидой говорит он о том, что ему придется уйти с завода: условия работы на участке мешают ему расти. Однако не обидел ли Леню вместе с Меликовым и сам автор повести, приписав ему чуждые, в сущности, характеру этого цельного, непосредственного юноши черты слабости, пассивности? Леня глубоко страдает от того, что не дорога ему стала его деталь. Но сам он в повести не умеет и не пытается бороться за свои права, не умеет и не пытается подойти по-партийному к решению вопроса о своем труде и своем месте на заводе. Вернее было бы, если бы этот вчерашний разведчик и сам вступил в непримиримую борьбу с пережитками прошлого.

Гармоничен образ обаятельной девушки Лизы Смирновой с ее чувством ответственности, искренней любовью к труду, с чисто женской заботой о станке: «Дорого было видеть у станка истинное изящество, женское, юное, но без признака слабости. Чувствовалась в девушке сила. Эта сила была нацеленной, разумно приложенной энергией». И та же красота разумно нацеленной энергии — в научно организованной, ритмичной, как «беззвучная музыка», работе Николая Сорокина, в руках которого изготовление микровинта напоминает оригинально решенную математическую задачу.

Люди А. Пантиелева — хорошие, умные, серьезные, преданные Родине. Индивидуальные черты волевого и чуткого Павла, застенчивого и увлекающегося Лени, всегда сосредоточенной Лизы, домовито-хозяйственной Евдокии Егоровны Громовой, рационализатора Сорокина и влюбленного в технику Находки проявляются прежде всего в связи с главным содержанием их жизни — с их трудом. Именно поэтому полны жизни почти все образы героев повести. В основе ее — реальный, взятый из жизни драматический конфликт, и действие развивается напряженно.

Первая глава повести менее удалась автору. Но в дальнейшем читатель так сживается с ее героями, что чувствует и себя членом этой трудовой семьи. Он неохотно расстается с людьми, которых наблюдал лишь на протяжении недели. Он хотел бы узнать о них больше. Повесть отчасти и производит такое впечатление, будто она служит лишь вступлением к большому произведению, в котором характеры героев могли бы быть раскрыты наиболее полно.

Я. ФРИД

А. ПАНТИЕЛЕВ «Первая неделя». Повесть. Журнал «Новый мир» № 10 за 1949 год.

Коротко о новых книгах

ЛАТЫШСКИЕ РАССКАЗЫ. Сборник «Советский писатель». 1949 г. 518 стр. Цена 15 руб.

Сборник знакомит читателя с теми рассказами латышских писателей, которые были для них и наиболее значительны и наиболее характерны. Представлены в сборнике по преимуществу литераторы, боровшиеся за реализм, начиная с Апсишу Екабе (1858—1929 годы) и кончая современниками. В конце книги дана краткая справка об авторах.

МАРК ТВЕН. РАССКАЗЫ И ПАМФЛЕТЫ. Перевод с английского. Издательство художественной литературы. 1949. 130 стр. Цена 2 руб.

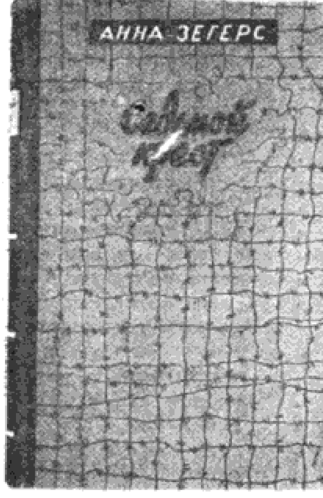
«Что я думаю о нашей цивилизации? Что она ничтожна и убога, полна жестокости, суетности, наглости, низости и лицемерия. Я ненавижу самый звук этого слова. В нем — ложь».

Так писал знаменитый американский писатель, которого многие его соотечественники пытались представить лишь как юмориста, высмеивающего легкие человеческие грешки и слабости. Твен был талантливым и беспощадным сатириком-реалистом, и сатира его, имеющая огромную силу социального обличения и протеста, представлена достаточно ярко в настоящем небольшом сборнике. Здесь автор выступает как разоблачитель жестокого, злобного и лживого американского капитализма.

СТЕФАН ЖЕРОМСКИЙ. БЕЗДОМНЫЕ. Роман. Перевод с польского. Издательство художественной литературы. 1949. 346 стр. Цена 6 р. 50 к.

Бездомные скитальцы, люди, добровольно лишившиеся личного счастья ради борьбы за счастье народа, но не нашедшие истинных путей этой борьбы, оказавшиеся оторванными от революционного рабочего класса и потому одинокими, — вот герои романа польского писателя С. Жеромского. Ныне эти люди уже не бездомны: они обрели свою родину и свою новую радостную судьбу.

«Седьмой крест»

В Германской демократической республике читателями хорошо встречен роман Анны Зегерс «Седьмой крест». Это роман, в котором с большой реалистической правдой изображены еще недавнее, так сурово осуждённое историей прошлое Германии, а также те скрытые силы сопротивления гитлеровскому режиму, которые жили тогда в стране. Успех этой книги писательницы-коммунистки непосредственно связан с нынешней борьбой строителей новой Германии за подлинное обновление души народа.

Сюжетная основа романа напряженна и остра. Группа антифашистов во главе с рабочими-коммунистами: Валлау, бывшим председателем заводского комитета, и Гейслером, автомобильным механиком — совершает немыслимый, казалось бы, побег из фашистского лагеря Вестгофен. Уже самый факт и самая возможность такого побега смутили гитлеровских тюремщиков. Иллюзии насчет всесильности фашистского режима вдруг оказались поколебленными. Четверо беглецов, правда, были пойманы и для устрашения заключенных распяты на крестах. Двое погибли, скрываясь от преследования, и тоже как бы подверглись той же крестной казни. Но седьмой беглец, коммунист Георг Гейслер, так и ушел на свободу, и седьмой крест остался без применения. Видимо, у беглеца оказались друзья и сообщники среди «преданного» фюреру населения.

Такие друзья и сообщники действительно были. Претерпев исключительно тяжелые физические и моральные испытания, Гейслер сумел связаться с подпольной организацией коммунистов. И вскоре верные товарищи переправили его за границу.

Таков сюжет. Не следует, однако, думать, что драматические перипетии побега антифашистов — главное в романе. Моральная сущность, идейная и эмоциональная глубина его в изображении той реакции различных слоев немецкого населения на героический побег, которая означала, что в гнетущей атмосфере тех лет уже жила в народе мысль об уязвимости фашизма.

Еще до того как Георг Гейслер получил паспорт и деньги от окружного комитета коммунистической партии, его поддержали люди, на первый взгляд, целиком примирившиеся с фашистским гнетом, как с неизбежным злом.

Обремененный большой семьей, рабочий Пауль Редер штампует капсюли для патронов и внушает себе, что не его дело — вмешиваться в политику. Редер и бежавший из лагеря Гейслер были когда-то друзьями юности, «ухажорами», веселыми любителями футбола. Но позже, когда Георг вырос в убежденного коммуниста, пути их разошлись.

Фидлер — тоже рабочий, но более старшего поколения. Это коммунист, отошедший от товарищей, порвавший как будто при фашистах все старые связи.

Но вот к Фидлеру обращается беспартийный Пауль Редер за помощью для бежавшего из лагеря коммуниста Гейслера. Фидлер, в свою очередь, ищет бывшего товарища по партии Рейнгарда, которому отваживается доверить спасение Гейслера. И он не ошибается. Рейнгард передает Фидлеру паспорт и деньги для Георга от подпольной организации. При этом у Рейнгарда появляется «выражение человека, который, наконец, опять видит перед собой то, что является для него в жизни главным, ради чего он всем готов пожертвовать, о чем знает, что оно нерушимо, хотя часто бывает так скрыто, что истощаются силы и иссякают надежды; и вот оно опять тут, оно само пришло к нему».

В лучших главах романа вновь и вновь возникает эта оправданная жизнью тема: как к честным людям, загнанным в одиночество, возвращается воля к сопротивлению. Люди подымаются и снова идут на риск своей жизнью и жизнью своих близких именно под воздействием того же мужества, которое увидели Редер, Фидлер, Рейнгард в коммунисте Гейслере — безоружном беглеце, объявившем непримиримую войну фашистскому насилию.

Побег семерых антифашистов пробудил людей не только «на воле», но и в заключении. «Ни лишение пищи и одеял, ни усиленная работа, ни бесконечные допросы с побоями и угрозами — ничто не могло нас сломить, мы переносили все это спокойно, даже подчас с насмешкой, и это еще сильнее бесило мучителей. Большинство из нас настолько сильно ощущало этих беглецов, как часть нас самих, что нам чудилось, будто это мы выслали их вперед на разведку», — так говорят заключенные после побега их товарищей.

Анна Зегерс передала в романе всю горькую правду о нацистской чуме, о нацистском яде, отравлявшем сознание многих миллионов немцев. Коммунист Валлау, воспитатель Гейслера, пал жертвой доноса своего бывшего товарища. Младший брат Георга, развращенный эсэсовцами, был готов предать его после побега в руки гестапо. Автор беспощаден к подобным фактам морального падения людей. Но в основе своей роман глубоко оптимистичен. Он учит современного немецкого читателя, что нельзя оставаться в стороне, когда борьба продолжается, когда силы реакции попрежнему враждуют в мире с силами свободы и прогресса.

Народ нынешней демократической республики Германии свой выбор сделал. Те большие политические, хозяйственные и культурные преобразования, которые там уже совершены, убедительно говорят о стремлении немецкого народа к свободе и миру. Об этом же говорит, в частности, и верное восприятие немецкими читателями романа Анны Зегерс.

М. ЧЕЧАНОВСКИЙ

АННА ЗЕГЕРС «Седьмой крест». Роман. Перевод с немецкого. Издательство иностранной литературы. 1949. 398 стр. Цена 18 руб.

...Тут Владимир Ильич позвонил и велел все камни переписать и самый строгий декрет изготовить, чтоб на Ильменских горах всю хиту прекратить и место это заповедным сделать. Потом поднялся на ноги и говорит:

— Спасибо вам, старики, за заботу. Большое вы дело сделали! Государственное! — и руки им, понимаешь, пожал.

Уральская сказительница Н. Д. Воробьева рассказывает в свердловском Доме пионеров сказ П. П. Бажова «Солнечный камень».

Фото Б. Дмитриева.

Портрет Героя Социалистического Труда Тамары Шкурко.

Скульптура **З. Азгура.**

Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

СЕМЬЯ Ульяновых

Спектакль Театра имени Ленинского комсомола

Директор народных училищ в Симбирской губернии Илья Николаевич Ульянов умер 12 января 1886 года. После него осталась на попечении вдовы Марии Александровны большая семья — три сына и три дочери. Старшими были Александр и Анна, средними — Владимир и Ольга, младшими — Дмитрий и Мария.

В пьесе И. Попова, скромно названной «Семья» и посвященной семье Ульяновых, Ленину всего лишь 16—17 лет. Основное действие драмы происходит в 1886—1887 годах, когда Владимир Ильич был учеником последнего, 8-го класса Симбирской гимназии.

И когда в Московском государственном Театре имени Ленинского комсомола, где поставлена пьеса И. Попова, открывается занавес, мы видим юношу-гимназиста, сидящего с книгой в руках на крутом обрыве, над могучей русской рекой Волгой. Молодой артист В. Егоров, изображающий юного Владимира Ульянова, еще не сказал ни одного слова, а мы уже запомнили энергичный силуэт гимназиста с книгой, погожий денек ранней осени, чуть позлащенную листву гибкой березки...

Потом на несколько минут появляется Александр Ильич Ульянов (артист А. Шешко), студент физико-математического факультета Петербургского университета, уезжающий в этот день в Петербург. По сердечному тону братьев при прощаньи мы чувствуем, что они очень дружны. Пусть они по-разному смотрят на революционные пути и на характер революционного движения — есть между ними настоящая, душевная близость и теплота.

Пройдет всего несколько месяцев после этого времени безмятежной юности, и над семьей Ульяновых разразится катастрофа: 1 марта 1887 года арестуют в Петербурге Александра за участие в подготовке покушения на жизнь царя. Одновременно арестовывается и сестра Анна.

Письмо с грозной вестью получила друг семьи Ульяновых Вера Васильевна Кашкадамова (артистка И. Мурзаева), и первый, к кому она обратилась, был Владимир. Сразу понял юноша Ленин, что «ведь дело-то серьезное, может плохо кончиться для Саши». И его главное стремление — смягчить удар, который нанесет это известие любимой матери.

Но Мария Александровна (артистка С. Гиацинтова) — женщина не только большого сердца и ума, но и сильной воли. Она решает сразу ехать в Петербург, спасти сына от смертной казни. Начинаются хождения Марии Александровны по мытарствам, унизительные хлопоты у директора департамента полиции Дурново. Попытки жандармерии убедить мать «воздействовать» на сына, заставить его «раскаяться» кончаются провалом. Мужественно и гордо несет свое горе мать. И велико ее самообладание, когда, только что узнав о казни сына на рассвете 8 мая 1887 года, она приходит в тюрьму на свиданье с дочерью Анной (артистка А. Козлова).

А в это время в Симбирске юный Владимир думает свои думы и о судьбе Александра, и о выбранном братом методе борьбы. Любя Александра, он тем не менее ясно сознает ошибочность его революционной дороги. «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». Этот путь молодого Ленина — путь пропаганды марксизма, путь слияния социализма с рабочим движением.

Цветущим майским днем возвращается Мария Александровна в Симбирск. Скорбь переполняет ее сердце. Но она видит, как духовно вырос за эти недели ее второй сын. И она любуется своим Владимиром, видя первые взмахи крыльев орла.

На возвращении Марии Александровны пьеса не оканчивается. Есть еще три картины, происходящие уже через 8—10 лет после трагической смерти Александра. Мы снова в кабинете Дурново. Но на этот раз полиция и жандармерия озабочены деятельностью Владимира Ульянова, чья боевая книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», напечатанная нелегально на гектографе, жадно читается в подпольных социал-демократических кружках. В конце 1895 года жандармам удается разгромить «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и среди членов союза арестовать и Ленина.

Четырнадцать месяцев находится Ленин в тюрьме, пока 29 января 1897 года не объявляется приговор по делу «Союза борьбы». По этому приговору Ленин был сослан на три года в Восточную Сибирь.

Перед ссылкой Ленин на нелегальном собрании прощается со своими единомышленниками. Это прощание полно веры в завтрашний день, в то, что «...русский **рабочий,** поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран**) прямой дорогой открытой политической борьбы к **победоносной коммунистической революции».**

Драматургу и Театру имени Ленинского комсомола (постановка народной артистки РСФСР С. Гиацинтовой) удалось создать спектакль, в котором семья Ульяновых встает перед зрителями во всей своей духовной чистоте, благородстве и обаянии.

Крупную творческую победу одержала С. Гиацинтова в роли Марии Александровны Ульяновой. Вот такой она и должна была быть в жизни, эта «замечательная женщина, образованная, высоко культурная и умная, отличавшаяся большой силой воли и твердостью характера», как о ней сказано в биографии Владимира Ильича Ленина. Гиацинтова не прибегает ни к каким внешним эффектам — она идет от сути изображаемого ею характера. И, смотря на этот строгий, спокойный, мудрый облик, понимаешь, почему так горячо любил свою мать Владимир Ильич.

Большая удача и образ юного Ленина, созданный артистом В. Егоровым. Молодой исполнитель в образе юного Владимира Ульянова подчеркивает его высокую принципиальность, его непримиримость ко всему темному и реакционному, его величайшее чувство независимости. При этом В. Егоров ни на минуту не забывает, что Ленину всего лишь 17 лет. Смелые, жизнерадостные черты придают всему облику Владимира Ульянова чудесную свежесть и непосредственность.

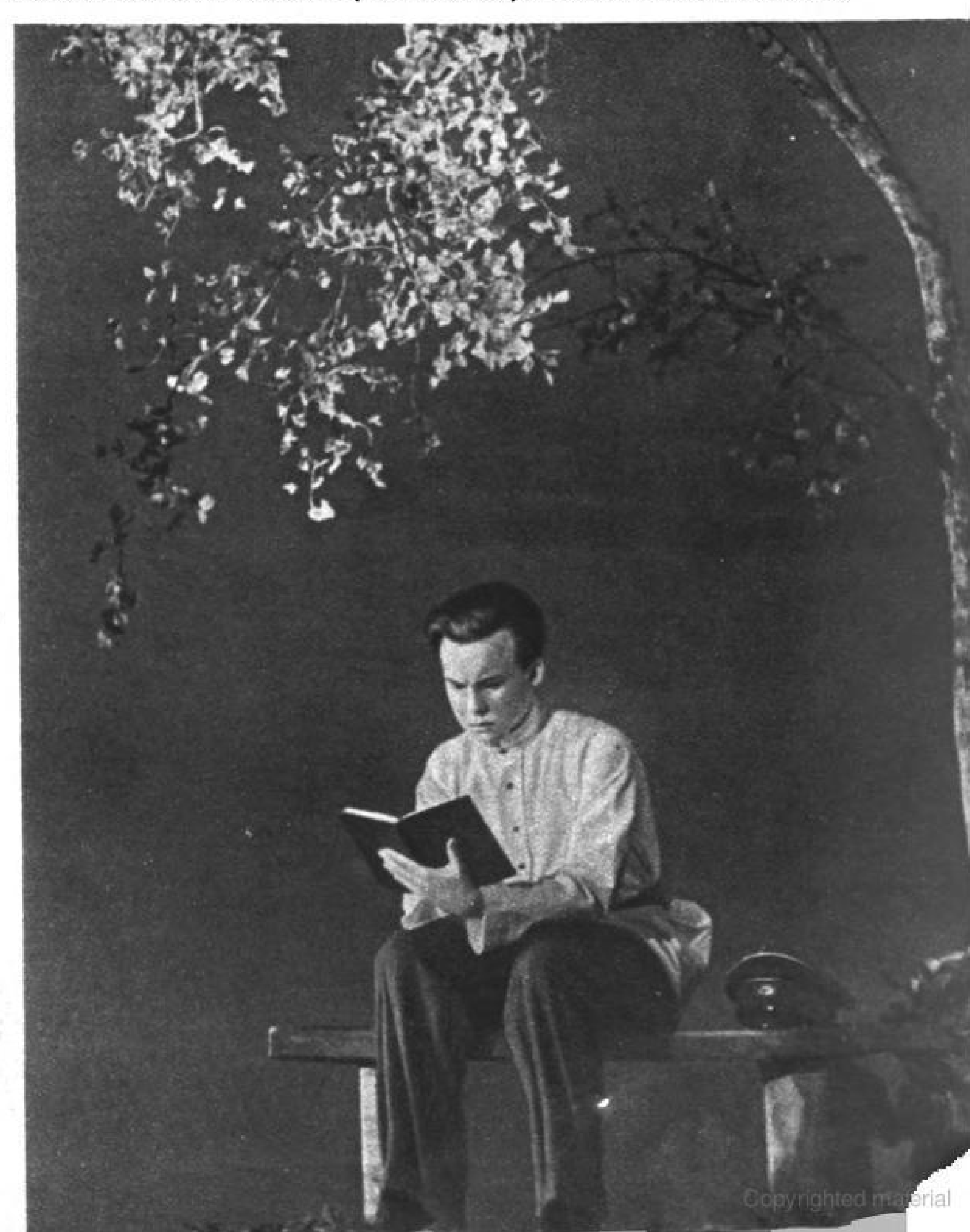
Спектакль о юности великого вождя имеет большое художественно-познавательное и воспитательное значение для молодежи. Его с интересом и волнением смотрят зрители разных поколений. Это — сценическое произведение больших чувств и больших мыслей.

Н. ДМИТРИЕВ

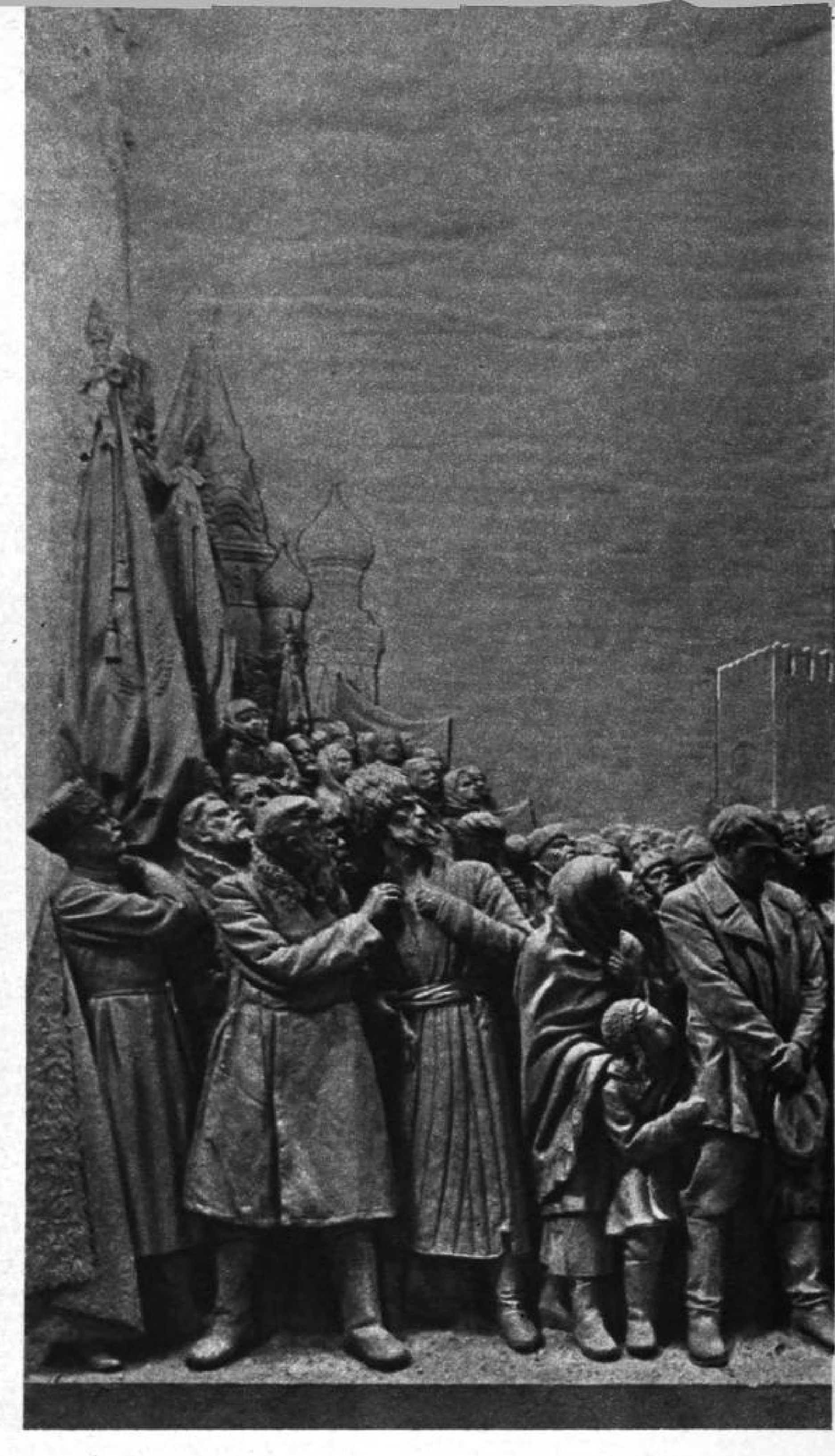
Возвращение Марии Александровны Ульяновой из Петербурга после казни Александра Ильича. Слева направо: Владимир Ильич — В. Егоров. Мария Александровна — С. Гиацинтова. Ольга Ильинична — Е. Фадеева

Сцена из первого действия пьесы И. Попова «Семья» в Московском Театре им. Ленинского комсомола. В роли Владимира Ульянова артист В. Егоров

ПАРТИЯ И НАРОД

Помню, как я впервые читала сценарий фильма «Клятва». Простая русская женщина Варвара Михайловна, которую мне суждено было играть в этой картине, стремится из Поволжья в Москву с письмом к Владимиру Ильичу Ленину. Страшное горе застает Варвару Михайловну в Горках: она узнает, что Ленин умер.

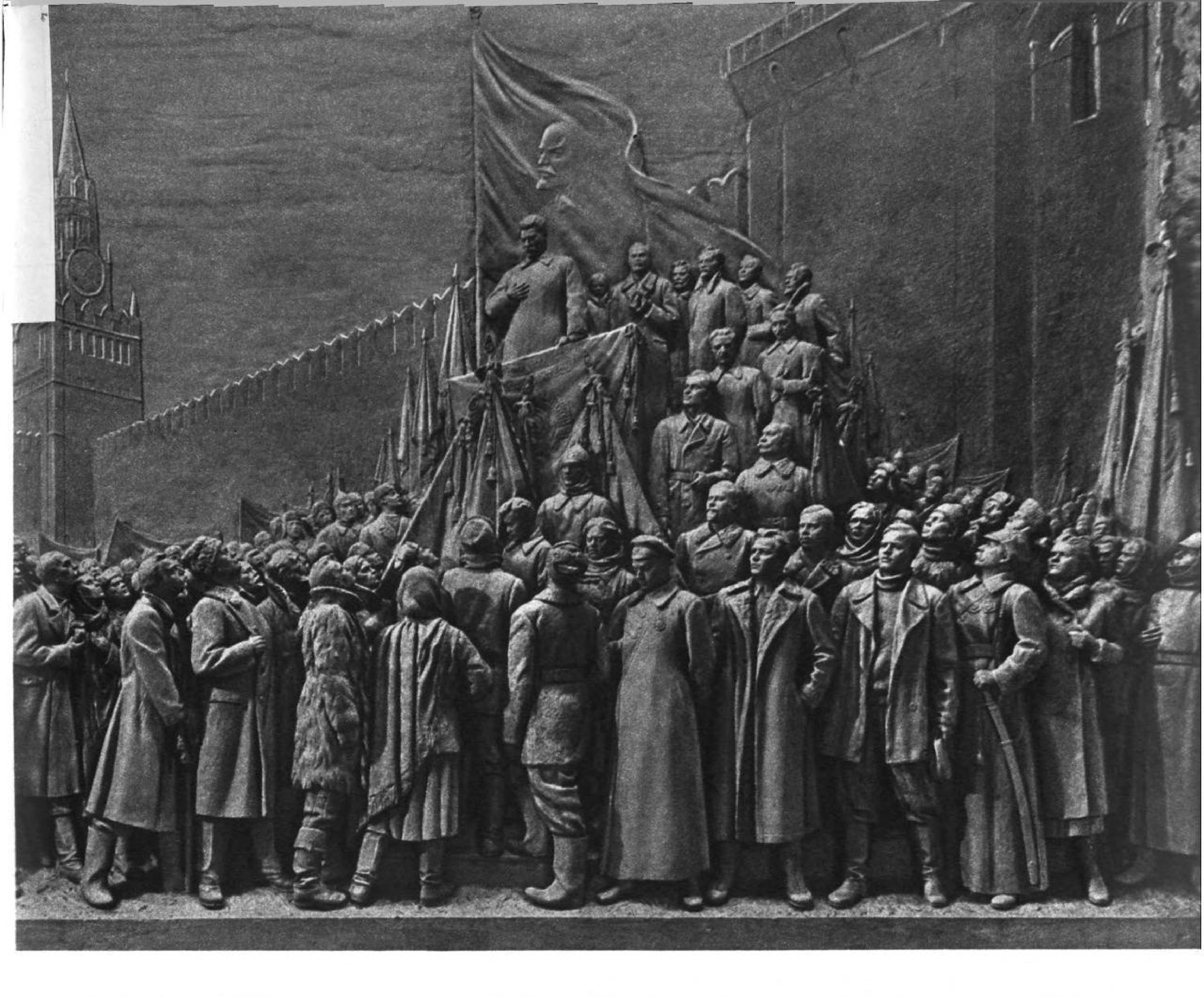
И сразу все помыслы и думы ее обращаются к Сталину.

Я представила себе Красную площадь, зимний морозный день. Народ. И среди народа — Сталин, бесконечно близкий, бесконечно дорогой. Повинуясь душевному порыву, Варвара Михайловна передает Иосифу Виссарионовичу письмо к Владимиру Ильичу, шепча: «Ты наш Ленин!»

Съемки этой сцены для фильма «Клятва» оставили неизгладимое впечатление.

Сейчас, глядя на горельеф «Клянемся тебе, товарищ Ленин...» Е. Вучетича и бригады скульпторов П. Фридмана, П. Яцыно и Г. Постникова, я вновь ощутила в себе то же волнение, те же переживания, боль великой утраты и радость того, что есть на земле Сталин, который взял в свои руки великое ленинское знамя и смело ведет нас вперед, в светлое будущее — коммунизм.

Эти же чувства, эти же мысли прочла я на лицах людей, изображенных в скульптуре, экспонированной на выставке «И. В. Сталин в изобразительном искусстве». Плотной стеной окружили они трибуну, на которой стоит Иосиф Виссарионович Сталин. Здесь люди

«КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН...»

Горельеф работы Е. Вучетича и бригады скульпторов П. Фридмана, П. Яцыно и Г. Постникова. Слева — фрагменты горельефа.

разного возраста, разных профессий, разных национальностей. На Красную площадь пришли славные воины, рабочие, крестьяне, ученые, старики и молодые, чтобы в дни всенародной скорби о Ленине быть вместе с его великим учеником и другом, слушать его простые слова, доходящие до самого сердца. Все в едином порыве устремлены к тому, кто произносит обещание-клятву.

Скульпторам удалось создать глубоко волнующий, ясный, целеустремленный образ вождя. Е. Вучетич передал скорбь советских людей о Ленине, их горячую любовь к товарищу Сталину. Каждый из присутствующих на площади глубоко осознает и переживает сталинскую речь, и каждому она дорога.

Члены Центрального Комитета коммунистической партии изображены в горельефе справа. Здесь в первом ряду можно узнать молодого С. М. Кирова. За ним А. А. Андреев. На ступенях трибуны Л. М. Каганович, С. М. Буденный, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе, В. М. Молотов, Н. К. Крупская, М. В. Фрунзе, Ф. Э. Дзержинский, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин. В торжественные минуты сталинской клятвы партия и народ, как всегда, вместе и нераздельны.

Я не специалист в области пластического искусства, но мне кажется, что горельеф очень верно выражает ту мысль, которая владела всеми и в дни семидесятилетия Иосифа Виссарионовича и которая владеет нами, когда мы думаем о славном пути, пройденном нашей страной под руководством товарища Сталина. Эту мысль, теплом заливающую сердце, можно выразить так:

— Это — счастье, что Сталин с нами!

В многофигурной композиции клятвы мы видим пожилую русскую женщину. Голова ее повязана платком, из-под которого выбиваются заиндевевшие волосы. В эти траурные дни на лице ее следы глубоких страданий, на нем видны еще следы горячих слез. Но здесь, у Кремля, слушая Иосифа Виссарионовича, она как бы вновь возвращается к жизни, к борьбе за счастье своего народа. Быть может, это одна из двухсот сорока тысяч рабочих и работниц, которые по ленинскому призыву пришли в партию. Каждое слово Сталина отдается в сердце этой женщины:

«Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии».

Как хорошо, что наши художники своими произведениями славят родной народ, большевистскую партию, великого Сталина! Они выражают сердечные чувства всего передового человечества.

С. ГИАЦИНТОВА,
народная артистка РСФСР

ПРАВДА ЖИЗНИ

Кадр из фильма «Пестроклетчатые». Первая встреча Густы (артистка К. Спира) и Пауля Шмидеке (артист П. Хинц).

КИНЕМАТОГРАФИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИИ

СОПРОТИВЛЯЙТЕСЬ!

1884 год. Германия кайзера. У служанки Марии родилась дочь Густа... Мать умирает от родильной горячки. Проходят годы. Густа, как и ее покойная мать, служит у богатых господ. Встреча с маляром Паулем Шмидеке решает ее будущее. Густа уходит от своей хозяйки, и «благодетельная» госпожа дарит ей набор «пестроклетчатого» постельного белья для обзаведения. Это «пестроклетчатое» можно встретить почти во всех бедных семьях.

Густа и Пауль счастливы, у них

Кадр из фильма «Ротация». Ганс Бенке (артист П. Эссер) и его сын Гельмут (Дайкерт).

подрастает чудесный маленький сынишка. Но бедствие приходит внезапно. В яркий летний день на улицу, где живут Густа и Пауль, врываются слова приказа о мобилизации. Военная истерия охватывает Берлин, шеренги мобилизованных маршируют по улицам германской столицы. Их провожают жены и матери. Среди провожающих скорбное лицо Густы.

Так начинается картина «Пестроклетчатые» («Рабочая жизнь» — ее второе название), поставленная прогрессивным немецким режиссером К. Метцигом по сценарию писательницы Б. Ватерштрадт.

Пауль уцелел на войне и вернулся домой. Он убежден, что последние часы кайзеровской монархии сочтены. Активная экономическая деятельность профсоюзов захватывает Пауля, в ней он видит главную цель. Политика для него — второстепенное дело.

Тревожные дни наступают для Германии: фашизм пробивает себе дорогу к власти. Сын Пауля, Франц, получает работу на заводе. Он скрывает от родителей истинное назначение завода — там делают снаряды.

Снаряды!

Когда Густа узнает об этом, когда она на вечерней прогулке в парке видит, как разноцветная иллюминация и фейерверки изображают фашистскую свастику, горечь до предела заполняет ее душу. Пока только горечь. Пауль все еще верит в благополучный исход: «Это кончится».

Но вот наступают кровавые дни и ночи фашистского переворота. Разгромлены профсоюзы. Надежды Пауля терпят крушение. Тяжелый сапог эсэсовца, нагайка штурмовика отныне владычествуют в Германии.

Вскоре Пауль тяжело заболел и умер.

Завершающий этап картины — вторая мировая война. Франц, сын Пауля и Густы, погибает вместе со своей семьей во время бомбардировки Берлина. Все потеряла Густа. Она осталась одна. Последние годы своей жизни старая женщина посвящает борьбе с носителями фашизма, с врагами Германии.

Гневную, обличительную речь произносит Густа в подвале, куда согнали гестаповцы население. И когда ее схватывают агенты тайной полиции, она, вырываясь, кричит: «Сопротивляйтесь!»

Фильм «Пестроклетчатые», отражающий целую эпоху в жизни немецкого народа, — яркое идейное и художественное произведение, направленное против войны и фашизма. Фильм горячо принят германскими рабочими, передовой немецкой демократией.

Актриса К. Спира убедительно передает сложный и разносторонний образ Густы. Мы видим ее девушкой, молодой женщиной, пожилым человеком и старухой. Яркие перевоплощения, переход от простодушного восприятия жизни к сознательному сопротивлению, внутренняя сила, преображающая наивную мечтательницу в борца с насилием и произволом, — все это сумела хорошо показать зрителю К. Спира.

Ее достойным партнером является исполнитель роли Пауля артист П. Хинц.

Картина «Пестроклетчатые» — одна из тех кинокартин, которые помогают немецкому народу в его борьбе за новое, свободное будущее.

НЕТ, НЕГАТИВ НЕ УНИЧТОЖЕН!

Режиссер В. Штаудте, автор широко известного в Советской стране фильма «Убийцы среди нас», выпустил новую картину «Ротация».

Это произведение, продиктованное самой жизнью, направлено против поджигателей новой войны. Не случайно выходу фильма «Ротация» предшествовала злобная кампания, поднятая некоторыми газетами западного сектора Берлина.

В частности, одна из газет, выходящих по американской лицензии, писала о том, что фильм «не получится», что негатив якобы уничтожен.

Нет, негатив не был уничтожен. «Ротация» ныне демонстрируется на киноэкранах Германской демократической республики.

Фильм рассказывает о судьбе рабочего-типографщика. Пережив долгие годы безработицы и не разобравшись в сущности социальной демагогии фашистов, Ганс Бенке вступил в ряды нацистской партии. Тяжелое, черное время переживает Германия. Лучшие представители рабочего класса загнаны в подполье или преданы смерти.

Сын Ганса, тринадцатилетний мальчишка Гельмут, занимается в школе фашистской молодежи. Его наставник Удо воспитывает из Гельмута и его сверстников ярых нацистов.

Брат жены Ганса, Курт, в подполье. Он ведет трудную, скрытую от глаз тайной полиции, героическую работу и редко появляется в Берлине. Но вот одна из встреч, и Курт говорит Гансу жестокую правду обо всем, что сделали нацисты с немецким народом, что просмотрел, мимо чего прошел Ганс, нацепив на свой пиджак значок гитлеровской партии.

Постепенно Ганс осознает всю силу своего морального падения. Листовки, сходящие с ротационных машин, за которыми он наблюдает, лгут: они сообщают о победах, а уже подошла гроза сталинградской катастрофы. Ганс тайно ремонтирует подпольную типографскую машину, и по ее валикам бегут листовки «Правда о Сталинграде».

А когда Ганс узнает о смерти захваченного гестаповцами Курта, он в приступе отчаяния и гнева срывает со стены портрет Гитлера, и это видит его сын Гельмут. Он ночью приходит к своему воспитателю Удо и доносит... на отца.

Ганса арестовывают. Его освобождает приход Советской Армии. Жена Ганса убита. И только через несколько недель после своего возвращения из плена его сын, солдат разгромленной нацистской армии, решается придти к отцу. Отец принимает всю вину на себя: он был повинен в том, что слепо пошел за нацистами, в том, что отдал Гельмута им на воспитание.

Так же, как и Густа в фильме «Пестроклетчатые», Ганс становится активным борцом с фашизмом.

П. Эссер, артист немецкого драматического театра, впервые выступающий в кино, создал образ большой силы. Ганс (Эссер) воспроизводит на экране судьбу многих немцев, пошедших в свое время по его пути.

Режиссер В. Штаудте помог артистам воплотить основной замысел картины, найти убедительные психологические решения эпизодов фильма. В массовых сценах (затопление берлинского метро, эпизоды в тюрьме, на заводском дворе) мы видим подлинную сущность фашизма, все бедствия, которые принес он германскому народу.

Кадр из фильма «Пестроклетчатые». После налета авиации. Старая Густа у развалин дома, где погибла ее семья (артистка К. Спира).

ДЕФА

Так называется немецкое Общество по выпуску кинофильмов, родившееся в 1946 году. ДЕФА сумело объединить прогрессивных и передовых деятелей немецкой кинематографии. Ему принадлежит постановка упомянутых выше фильмов.

Наш рассказ о некоторых картинах ДЕФА не охватывает ряда других интересных произведений, созданных прогрессивной немецкой кинематографией. Однако не следует замалчивать существенные недостатки, свойственные послевоенной кинематографии ДЕФА. Оно создало ряд фильмов пустых, безыдейных, рассчитанных только на развлекательность. Нужно отдать должное руководству ДЕФА: оно последовательно освобождалось и продолжает освобождаться от этих недостатков.

Влияние советского киноискусства, общение с советскими кинорежиссерами содействуют укреплению правильных творческих и идейных позиций ДЕФА.

Фильмы «Ротация», «Пестроклетчатые», «Хлеб наш насущный», сатирический фильм «Бобровая шуба» не сходят с экранов в знаменательные для немецкого народа дни — дни рождения и строительства Германской демократической республики.

Вильгельм Пик в письме к режиссеру К. Метцигу пишет: «Поздравляю Вас с успехом, которого Вы добились в режиссерской работе над фильмом «Пестроклетчатые» («Рабочая жизнь»). Фильм помогает ознакомиться с насущными проблемами, разрешением которых занято немецкое рабочее движение. Оно хорошо здесь показано на примере одной семьи».

Кинематографическое искусство демократической Германии стоит на верном пути.

И. ЧЕКИН

Многоборец Владимир Прошин

В. ДАЙРЕДЖИЕВ,
мастер спорта

На трибуне, среди зрителей, наблюдавших конькобежные соревнования, двое то и дело привлекали внимание окружающих своей беседой.

Полный мужчина, укутавшийся в воротник по самые очки, задавал своему товарищу вопросы, казавшиеся наивными.

— Я не понимаю, Коля,— говорил человек в очках,— как здесь определяется победитель первенства?

— По наименьшему числу очков, Павел Николаевич.

— Почему же по наименьшему, а не по наибольшему?

— Потому что здесь за очки принимаются секунды. Чем меньше секунд ты затратишь на бег, тем лучше. Значит, самый быстрый скороход будет иметь наименьшую сумму очков.

Мы привели здесь этот разговор для того, чтобы самому неискушенному читателю стало ясно все, о чем будет идти речь ниже.

* * *

Многоборцу важно уметь раскрыть свои способности на коротких, средних и длинных дистанциях.

Один из лучших советских конькобежцев, Владимир Прошин, например, долгое время не умел показать себя полностью. На большие дистанции он не обращал внимания. Прошин выигрывал почти все соревнования сезона, но осуществить свое желание — набрать на четырех классических дистанциях меньше 200 очков, или, как он говорил, разменять 200 очков,— ему никак не удавалось.

Он многое передумал, перечитал свои дневники тренировок, беседовал с товарищами.

— Ты знаешь, Володя,— сказал ему однажды тренер Александр Люскин,— ведь твоя главная беда — это недостаток выносливости на длинных дистанциях. Верно?

— Верно.

— Давай составим график так, чтобы всю осень тренироваться на выносливость. А когда она придет, займемся спринтом.

Люскин никогда не навязывал своего мнения: Прошин обычно составлял план тренировки сам, затем они сообща вносили поправки, а уж за выполнением следил Люскин.

Долго и упорно тренировался В. Прошин и уже к моменту розыгрыша первенства страны он почти все дистанции пробегал хорошо и ровно.

Мечта «разменять» 200 очков казалась ему теперь осуществимой. Однако погода ухудшилась. Сильный ветер дул в спину. Скорость оказывалась так велика, что маленький радиус поворота невозможно было преодолеть. Скорохода выбрасывало центробежной силой к большому виражу, и получалось, что бегун делал больший путь.

По жребию Прошин шел в паре с омским конькобежцем Юрием Головченко. Борьба начиналась при невыгодной ситуации.

Входя в первый поворот, Прошин почувствовал, что неправильно начал бег. Его с ошеломляющей скоростью несло к большому виражу, и он явно не справлялся со скоростью. Тогда Прошин выпрямился и, стоя, проехал полвиража. Головченко сразу оказался впереди. Скорость резко упала. На второй прямой дорожке ветер стеной встал на пути Прошина. Изо всех сил Прошин старался снова набрать скорость, но тщетно. Головченко финишировал на полторы секунды раньше. Сразу было проиграно полтора очка. Многим положение Прошина казалось безнадежным.

В раздевалке, когда Владимир снял коньки и прилег на диване, подошел Люскин.

— Сегодня же в беге на пять тысяч метров нужно отыгрывать очки,— сказал он тоном почти выговора.

В этот день все, словно нарочно, складывалось так, чтобы испытать волю Прошина. Пять тысяч метров он бежал первым. Может быть, поэтому начальный круг он прошел слишком быстро.

— Тридцать девять секунд! — крикнул Люскин. — Тише!

Прошин сбавил ход, расслабился, дыхание восстановилось. После второго круга Люскин дирижировал:

— Сорок три секунды, чуть прибавь.

Следующий круг скороход прошел за 42, затем за 41 секунду. В дальнейшем круг за кругом Прошин проходил за 41, 42, 41,5. Вот когда сказалась их система.

— Хорошо! Плюс три, плюс четыре!— кричал на каждом кругу Люскин, сверяя бег Прошина с составленным ими графиком.

Отдавая весь остаток сил, Владимир финишировал с блестящим временем — 8 минут 47,2 секунды. Это было лучшее время дня. По сумме двух дистанций Прошин имел лучшее число очков и с десятого места вышел на первое.

Теперь и Прошина и Люскина беспокоила уже мысль о решающем беге на 1500 метров, который должен был состояться на следующий день. У всех в памяти была победа Головченко на эту дистанцию.

— Силен сибиряк,— сказал Прошин, когда Головченко пробежал дистанцию за 2 минуты 25 секунд.

В раздевалке он продумывал каждый поворот, каждый шаг... И вот Прошин уже на дорожке. Размеренно разложив силы, «аптекарски» точно и энергично проходит он все три круга и вновь заканчивает бег со временем лучшим, чем у Головченко.

Был объявлен перерыв для подготовки льда. В раздевалку набилось много народа.

— Володя, пойдем ко мне. Там тихо: ни радио, ни болельщиков,— пригласил Прошина легкоатлет Степанов, живший поблизости.

В маленькой комнате товарища по коллективу, вдали от шума стадиона, Прошин вдруг ощутил, как его нервы сразу расслабились, словно отпущенные струны, и он незаметно заснул.

Разбудил его Люскин:

— Вставай, скоро тебе бежать...

Прошин в тревоге спросил:

— Головченко бежал?

— Бежал, и ты не жалей, что не видел. Нервы еще понадобятся.

— Здорово прошел?

— Здорово! Всю дистанцию он «резался» с Курбатовым и установил личный рекорд.

Прошин был восхищен своим юным соперником. В нем боролись сейчас два чувства: с одной стороны, тревога в связи с осложнившейся обстановкой, а с другой — азарт, рожденный великолепным сопротивлением молодого мастера.

— Ты бежишь в паре с Пискуновым,— сказал Люскин,— он тоже пойдет на выигрыш. Нужно вначале отпустить его метров на двадцать, а с половины дистанции включиться на всю мощность и, если останутся силы, уходить. Сегодня ты убедишься, что мы не зря работали.

В раздевалке Прошин надел коньки, накинул пальто и, шутя, обратился к Геннадию Пискунову:

— Что ж, начинать?

— Начнем, пожалуй, — улыбаясь, ответил ему волжанин.— Имей в виду, что бороться буду по-сормовски.

Со старта они вырвались одновременно. Первый круг прошли очень сильно. Пискунов сразу повел бег. Он хотел с начальных же кругов ошеломить партнера скоростью и, не дав ему отдышаться, уйти от него как можно дальше. Но Прошин отпускал Пискунова не далеко. Он выдерживал свой график. Постепенно растущий просвет играл роль своеобразного буфера, благодаря которому Прошин равномерно включался в этот сильный темп.

Они шли ровно, как автоматы, каждый круг по 42 секунды. И вот уже полпути позади. Прошин был в 15 метрах. Его тактика заинтересовала зрителей. Ему кричат:

В. Прошин обходит Г. Пискунова.

Фото А. Бурдунова

— Держись, Володя!

Почти тут же Люскин крикнул:

— Доставай!

Прошин, преодолевая порывы ветра и собрав все силы, резко рванулся вперед. Через два круга он поровнялся с Пискуновым, а затем сделал рывок, и его партнер оказался сзади.

— Гена, давай!

— Володя, уходи!

— Здорово!

Эти крики зрителей слились в один могучий шквал, хлынувший с трибуны на ледяную дорожку. Пискунов, собрав остаток сил, догнал Прошина, но тот делает новый бросок, и показалось, что не Прошин вырвался вперед, а Пискунов словно «поехал» назад. Просвет вырос до 30 метров.

Несколько голосов кричали Прошину:

— Володя, все в порядке, ты чемпион!

Это вызвало неожиданную реакцию у бегуна. Он вдруг испугался случайного падения, на повороте стал осторожно ставить конек, боясь зацепить «задком» одного конька за носок другого. То, что он только что делал автоматически, теперь заставляло его задумываться.

Финиш. К победителю со всех сторон бежали люди, размахивая руками и рискуя упасть на скользком льду.

— Рекорд, Володя! Семнадцать минут сорок пять секунд ровно.

— Тридцать лет держался московский рекорд, а ты его в такую погоду побил!

Подбежал к нему и обладатель только что побитого рекорда знаменитый Яков Мельников. Это была большая победа, но сумма многоборья все-таки осталась более 200 очков.

Войдя в раздевалку в сопровождении болельщиков, Прошин подошел к Пискунову и крепко пожал ему руку:

— Спасибо, Гена, за помощь! С другим партнером мне бы так не пробежать.

— Поздравляю, Володя! И передаю звание абсолютного чемпиона. Тяжко оно тебе досталось, но заслуженно.

Здесь же был и Головченко. Он также поздравил нового чемпиона. Это была дружная семья, в которой случилась большая радость.

— Жаль, если бы ты не так нервно бежал пятьсот метров, «разменял» бы двести очков и в такую погоду,— сказал Люскин, поздравляя Прошина.

— Ничего, Саша... Важно, что мы ключ к этому замку подобрали, и за это великое тебе спасибо, а отомкнуть — задача более легкая. Постараемся осуществить ее в будущем.

* * *

Недавно Прошин в прекрасном стиле выиграл приз памяти двукратного чемпиона мира П. Струнникова. На всех четырех дистанциях Прошин оказался победителем.

В перерыве

Защитник ЦДКА А. Старовойтов пьет чай.

Нападающий ЦДКА Е. Бабич подправляет коньки

Фото А. Бочинина

Мы в раздевалке хоккеистов ЦДКА. Сегодня им предстоит ответственная игра. До начала матча почти час, но игроки уже заняты своей экипировкой. Это — непростое дело, и отнимает оно у хоккеистов много времени. Нападающие и защитники надевают на себя плотные фетровые наплечники с фибровыми чашечками, предохраняющими от ударов шайбы, щитки-наколенники, шлемы, натягивают шерстяные рейтузы, трусы и свитеры, зашнуровывают ботинки с коньками. Еще больше длится процесс обмундирования у вратаря. Его «доспехи» состоят более чем из десятка предметов и весят без малого 12 килограммов.

Вместе со всеми игроками одевается и заслуженный мастер спорта Анатолий Тарасов. Он тренер и центральный нападающий армейской команды.

За десять минут до начала матча хоккеисты проходят по тоннелю на лед. Короткая разминка; над площадкой ярко вспыхивают большие лампы, и по свистку судьи команды выезжают на середину катка. Матч начинается.

Двадцать минут чистого времени (то есть без учета остановок игры) длится каждый период хоккейного матча. Удар колокола извещает о перерыве. В распоряжении команд всего десять минут. Усевшись в кресла, игроки расшнуровывают ботинки с коньками, чтобы дать отдых ногам. Кое-кто подправляет оселком коньки.

— Товарищи, — обращается к хоккеистам Тарасов. — Несмотря на то что первый период закончился 0 : 0, мы все же уступаем противнику. Нападающие усложняют игру своей защиты, легко пропуская противника через нейтральную зону.

Тарасов никого не «распекает», очень корректен с игроками, даже когда делает им замечания.

Он говорит вратарю Мкртычану:

— В обороне держи защитников на привязи перед воротами...

— Да я уж и так им кричу, кричу — не слушают...

Мкртычану отвечает защитник Меньшиков:

— А ты, Гриша, погромче и, главное, порезче. В игре ведь иной раз так увлекаешься, что даже слух потеряешь.

Все улыбаются.

Звонок из судейской комнаты вызывает команду на лед.

...Кончается второй период. На башне ЦДКА единица. Шайбу вбросил Евгений Бабич.

Едва хоккеисты заходят в раздевалку, как врач подносит каждому стакан, наполненный на треть темнокоричневой жидкостью — глюкозой, которая восстанавливает утраченные силы. Иные игроки отказываются от глюкозы. Они предпочитают ей стакан сладкого горячего чая.

Тарасов немногословен:

— Товарищи, если будем больше держать у себя шайбу, если защита будет помогать в атаках, тогда матч выиграем наверняка. Бабичу оставаться в нейтральной зоне на весь период.

Бабич пробует возражать:

— Не будет ли правильнее и мне оттянуться в защиту? Ведь нам сейчас наверняка придется сдерживать сильный натиск.

— Это ничего. «Дежурством» в нейтральной зоне ты будешь отвлекать защиту противника, сковывать ее игру. И главное, товарищи: наши игроки не должны больше попадать на штрафную скамейку; это слишком дорого обходится команде и не к лицу нашему коллективу.

...Усталые, но довольные возвращались в раздевалку после окончания матча хоккеисты ЦДКА. Победа одержана, взяты важные два очка. Тщательно протирают хоккеисты коньки, укладывают в чемоданчики всю свою боевую амуницию. Хорошо сейчас под горячим душем сбросить усталость, вновь ощутить свежесть и бодрость во всем теле.

А Тарасов уже предупреждает:

— Товарищи, завтра ровно в 14 часов тренировка.

Б. ИЛЬИН

Из прошлого русского спорта

Начало славы русских конькобежцев

В 1889 году Амстердамский клуб конькобежцев взял на себя организацию первого мирового чемпионата по скоростному бегу на коньках. В розыгрыше мирового первенства приняли участие сильнейшие скоростники того времени. Из Соединенных Штатов приехал лучший американский конькобежец Д. Донагю, считавшийся главным претендентом на звание чемпиона мира. Англия выставила Теббита и Левде. Голландия была представлена в чемпионате Падером и другими лучшими своими конькобежцами. Защищать же спортивную честь России в Амстердам прибыл молодой петербургский скоростник А. Н. Паншин.

Имя Паншина было уже хорошо известно и в России и за границей. Впервые выступив на скоростных соревнованиях в Петербурге в 1886 году, А. Паншин одержал победу над значительно более опытными конькобежцами Девятовым и Гусаровым. В следующем, 1887 году на соревнованиях в Финляндии он легко вырвал победу у знаменитого финского скоростника Вальчевского. В том же 1887 году молодой петербуржец выиграл первенство Австрии.

Однако теперь, на розыгрыше мирового первенства в Амстердаме, А. Паншину предстояло встретиться с еще более серьезными противниками.

Соревнования в Амстердаме проходили в течение трех дней. Каждый день разыгрывалась одна дистанция. В первый день состоялся бег на полмили (804½ метра). Старт для всех участников был дан общий. Американец Джо Донагю снисходительно посматривал на русского. Конечно же, он не считал Паншина серьезным соперником!

Прозвучал выстрел—и бегуны рванулись вперед. И тут с американцем приключился конфуз: Донагю упал. Без особого труда опередив остальных, Паншин пришел к финишу первым со временем 2 минуты 24,6 секунды.

На следующий день — бег на 1 милю. Между Паншиным и Донагю завязалась упорная борьба, в которой русский оказался победителем. Паншин пришел к финишу первым, опередив американца на 2 секунды. Проиграл Паншин только третью дистанцию, на 2 мили. Но у Паншина были две победы из трех, и он стал первым чемпионом мира по скоростному бегу.

В том же 1889 году А. Паншин одержал еще две крупных международных победы. Он вторично выиграл соревнование в Австрии и вышел победителем на соревнованиях в Праге. Русский конькобежец достиг подлинного триумфа!

Проходит всего год, и другой русский конькобежец, А. Лебедев, выигрывает мировое первенство по фигурному катанью на коньках, и ему присваивается звание чемпиона мира. Русский фигурист превзошел в мастерстве таких сильных участников первенства, как чемпион Америки Рубенстейн, чемпион Германии Кейзер, чемпион Швеции Сундгрэн, финн Катани, австриец Динстель и другие.

А. Н. Паншин и А. П. Лебедев заложили прочную славу русского конькобежного спорта.

Время, показанное Паншиным в первом мировом чемпионате, конечно, может показаться современным конькобежцам и не особенно хорошим. Но не надо забывать, что 60 лет назад скоростники выступали на обыкновенных, очень тяжелых коньках, которые к тому же прикреплялись к обуви довольно примитивным способом. Вскоре такие коньки перестали удовлетворять и Паншина. Тогда первый чемпион мира сам сконструировал новый стальной беговой конек с удлиненным и узким полозом. Эта конструкция получила название «конька Паншина» и долго пользовалась успехом у русских и иностранных скоростников.

Конькобежный спорт — один из старейших видов спорта в нашей стране. Первый в России клуб конькобежцев был создан в Петербурге в 1864 году, а первый каток открыт много раньше — еще в 1838 году.

ОСНОВНАЯ ПРОФЕССИЯ

Фельетон

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Рисунки И. Семенова

Весть об очередном снятии Ивана Парфеновича Кускова с занимаемой должности распространилась по городу с быстротой молнии. В этот день знакомые хозяйственники, встречаясь на совещаниях, в столовой, в банке, начинали беседы с одного и того же восклицания:

— Слыхали?!

— О Парфеныче? Как же, слышал...

— Не везет бедняге...

— Без работы не будет. Найдут место. Говорят, Серегина из птицетреста в главк забирают.

К вечеру вариантов возможного использования Ивана Парфеновича было уже несколько. Одни пророчили его управляющим областной конторой Главсахара, другие считали самым подходящим для Кускова делом идти заместителем управляющего конторой Главсоли, третьи доказывали, что лучше всего Ивана Парфеновича направить по местпромовской линии, четвертые отстаивали вариант — пустить его по сапожному пути, пятые... Одним словом, проектов и наметок было много. Кусков всюду был необходим. Без него, казалось, в десятке контор, снабов и сбытов могла остановиться жизнь. Становилось страшно, как бы Ивана Парфеновича не разделили на части.

Но каких бы путей и дорог Ивану Парфеновичу ни пророчили, он всегда шел своей проторенной дорожкой — в отделы кадров областных организаций. Долго он там не задерживался. И новая весть с быстротой молнии облетала город.

В банке, в столовой, на совещаниях раздавались возгласы:

— Слыхали?!

— О Парфеныче? Как же, слышал...

— Напрасно он в торг пошел. Тяжело будет.

— Ему или торгу?

Сначала все полагали, что в перемещениях Ивана Парфеновича с одного поста на другой никакой закономерности нет. Но затем какой-то наблюдательный человек высказал предположение, что как океанские приливы и отливы происходят в одно и то же время суток, так и прыжки Кускова из учреждения в учреждение совершаются в одно и то же время года.

Дальнейшее изучение блестяще подтвердило эту гипотезу. Отлив Ивана Парфеновича от занимаемой должности обычно начинался одновременно с подведением хозяйственных итогов за первое полугодие или за весь год. Ко всеобщему удивлению оказывалось, что под руководством Кускова линия выполнения плана на диаграмме никак не поднималась до заветных ста процентов, а стыдливо склонялась куда-то вниз, поближе к среднему уровню. Параллельно с ней, повторяя все ее немудрые изломы, краснела линия, обозначающая качество. Зато стремительно взлетала вверх черная полоска, изображающая накладные расходы и себестоимость.

Пристальный взор мог обнаружить за этой тоненькой полоской толстый ковер и новый гарнитур мебели красного дерева, купленный для кабинета Ивана Парфеновича, сотни литров бензина, израсходованного на доставку его супруги с дачи в город и с рынка домой. Многое еще можно было рассмотреть за тоненькой черной полоской: незаслуженные премии, внештатного секретаря, числящегося слесарем шестого разряда, выезды на охоту, получившие впоследствии псевдоним «служебных командировок», и, самое главное, полную неспособность Ивана Парфеновича руководить порученным ему делом.

Скорее угадывая, чем учитывая складывающуюся несимпатичную ситуацию, Кусков настораживался, как лиса, учуявшая охотника. Разнюхав обстановку, Кусков начинал действовать. Особой изобретательностью он не отличался, и в запасе у него было только два хода.

Один из ходов сам Кусков в минуту откровенности назвал игрой в «казанскую сироту». Игра заключалась в том, что Кусков в преддверии очередного снятия появлялся на совещании хозяйственного актива. Надо заметить, что он никогда не выступал, кроме как по личному вопросу, но все же считался активным.

Так вот, появившись на заседании, Кусков усаживался в первом ряду и, как говорится, ел глазами весь президиум. Как только упоминалась его фамилия, в ту же секунду к председателю летел бумажный комочек. Все догадывались: Иван Парфенович просит слова.

Дождавшись своей очереди, он медленно поднимался на трибуну с таким печальным видом, как будто только что потерял бумажник с солидной суммой. Никаких тезисов ему не требовалось. Он так часто повторял свою исповедь, что знал ее наизусть. Пересказать его покаянную речь нельзя. Лучше всего судить о ней по отдельным выдержкам:

— Тут вот докладчик в числе некоторых других не обошел своим вниманием и мою скромную персону. Справедливо. Ничего не скажешь — справедливо. Конечно, и я в числе других виноват. Да, виноват, конечно, не справился. Не совсем, конечно, но не справился. Мне указывали, да я и сам понимал, так не годится. Причин много, разных и всяких. Я их, конечно, не выдумываю. Возьмите, к примеру, моего соседа — директора тарного завода. Что, думаете, у него лучше? Нет, далеко не лучше. А почему он молчит? С критикой не согласен. Понятно, критика — не невеста, ее не всякий любит. Я вот критику люблю, уважаю. Знаний у меня не хватает. Это справедливо. Но ведь мы на медных грошах воспитывались. Больше своим горбом, так сказать, добивались. Это справедливо. Ну, допустил ошибку. Я же ее и признаю...

Пока Кусков изливал свою душу, зал напоминал трамвай, переполненный бойкими учениками ремесленного училища. Председатель, нервничая, все чаще и чаще брался за звонок. Спокойнее всех был Иван Парфенович.

Вот и весь прием «казанской сироты». Второй ход у Кускова назывался «представляться новичком». От первого он почти не отличался. Вся разница была лишь в том, что в свою исповедь к любимым словам «справедливо» и «признаю» Иван Парфенович добавлял:

— Я в этом деле человек новый. Опыта у меня нет, всего еще не постиг...

Иногда Иван Парфенович, не дожидаясь снятия, сам снимался с насиженного места и устраивался на новую должность, минуя отдел кадров, в порядке личной инициативы.

И в этом случае все происходило строго по заранее намеченному плану. Иван Парфенович шел к кому-нибудь из старых знакомых, занимающих высокий пост, и заводил разговор «на чистоту»:

— Ты, конечно, меня знаешь. Я за всю свою жизнь никого не подводил. Это, брат, не в моей натуре — товарища подводить. Живу я сейчас неплохо. Место у меня тихое, спокойное. Дело налаженное. Но ты же знаешь мою неспокойную душонку...

Затем Кусков кратко, но возвышенно отдавал должное своему не менее беспокойному сердцу и кипящей крови. Это лирическое вступление завершалось откровенным признанием:

— У тебя, я слышал, одна должность освободилась, как раз для меня. Когда работа по сердцу, к лопаткам как будто крылья прирастают, так и порхаешь...

И кто его знает, чем он подкупал: мнимой ли своей откровенностью, показной ли сердечностью, но Кускову везло, как будто он родился не в одной сорочке, а в полном обмундировании и с меховой шапкой в придачу. Он всюду был если не в полной мере желанным, то уж, во всяком случае таким, от чьих услуг редко кто отказывался.

Но как веревочке ни виться, а кончику быть. Пришел конец и безмятежному существованию Ивана Парфеновича. Заметили, что очень он часто и с какой-то особенной не то легкостью, не то лихостью признается в ошибках. Чуть только на него нажмут, как он уже готов — лапки кверху: смотрите, мол, люди добрые, какой я не только дисциплинированный, а прямо-таки покорный.

Решили с ним вплотную побеседовать. Разговор вышел любопытный. Спросили Ивана Парфеновича:

— Вот вы, товарищ Кусков, много лет хозяйствуете. А скажите нам, пожалуйста, что такое дебет?

— Как это, что такое? Всем давно известно.

— Ну, а все-таки?

— Дебет... Дебет... Скажем, должен я вам... или нет, лучше вы мне должны, это и будет... нет, нет, пусть будет так — я вам не должен...

— Иван Парфенович, а что такое баланс? Умеете ли вы его читать?

— Читать? А зачем это мне? Мое дело — подписывать.

Так ничего путного от него и не добились ни по дебету, ни по кредиту, ни в целом по всему балансу.

Стали думать: куда же он годен? Думали, гадали и пришли к выводу: самая основная «профессия» у Кускова — уменье признавать ошибки, и вообще он не работник, а какой-то «ошибкомёт».

Подумали еще и единодушно решили:

— Предложить товарищу Кускову в срочном порядке переменить «профессию».

И еще постановили:

— Довести об этом до всеобщего сведения.

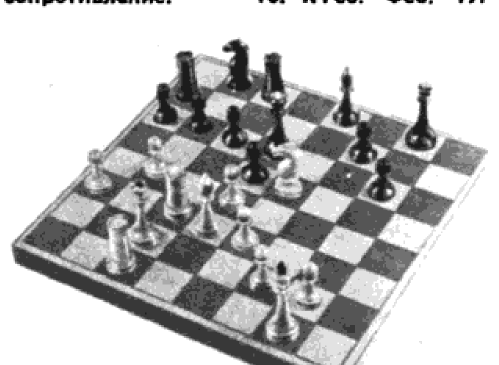
ШАХМАТЫ

Под редакцией чемпиона мира гросмейстера М. М. БОТВИННИКА

ЭПИЗОДЫ ТУРНИРНОЙ БОРЬБЫ

На XVII чемпионате СССР было сыграно немало интересных партий и немало было критических моментов турнирной борьбы.

Красивую комбинацию нашел (в партии с В. Рагозиным) гросмейстер А. Котов. В позиции, изображенной на фото № 1 (белые — А. Котов: Крg1, Фс2, Лс1, с3, Cd3, Ке5, П. а3, b4, d4, е3, f2 и g2; черные — В. Рагозин: Крg8, Фd6, Ла7, с8, Се8, Кb8, П. а6, b6, с6, d5, f7 и g6); у белых ясное позиционное преимущество, ибо ферзевый фланг черных явно слаб. Однако при пассивной защите черные могли бы оказать еще упорное сопротивление.

№ 1

В. Рагозин, тем не менее, решил проявить активность и сыграл:

26. . . . а6 — а5

Здесь белые могли спокойно ответить 27. Фb3, защищая пешку b4 и сохраняя все выгоды своего положения.

А. Котов нашел, впрочем, еще более сильное продолжение!

2. b4 — b5! Ла7 — с7

Увы! Заготовленный черными ответ 27... с5 опровергался путем 28. dc! Ф : е5 (или 28... bc 29. Л : с5 Л : с5 30. Ф : с5, и черные не могут брать коня белых, так как под боем находится ладья а7) 29. cb! Л : с3 30. ba!! Л : с2 31. Л : с2, и белые, ставя нового ферзя, по меньшей мере остаются с лишним качеством.

Весьма неожиданная комбинация!

28. b5 : с6 Крg8 — g7

Нельзя было брать пешку с6 — 28... К : с6 29. Cb5 К : d4 30. Л : с7 К : с2 31. Л : с8.

29. Фс2 — b1, и белые легко выиграли.

* * *

Критическим моментом спортивной борьбы за звание чемпиона СССР была партия А. Котов — Е. Геллер. А. Котов к 16-му туру, когда игралась эта партия, был лидером турнира. Хотя Е. Геллер является большим специалистом по староиндийской защите, в данной партии он попал в трудное положение еще в дебюте (см. фото № 2); белые — А. Котов: Крg1, Фd2, Лd1, f1, Се3, g2, Кс3, d4, П. а2, b3, с4, е4, f3, g3 и h2; черные — Е. Геллер: Крg8, Фd8, Ла8, f8, Сс8, g7, Кс5, е5, П. а5, b7, с6, d6, f7, g6 и h7. У черных весьма слаба пешка d6, и им трудно проявить активность в центре. Чтобы «половить рыбку в мутной воде», черные решили по возможности осложнить игру.

14. . . . а5 — а4

15. Кd4 — е2 . . . .

Переломный момент партии. Изящным маневром 15. f4! (15... Кd7 16. b4 Ка6 17. К : а4 или 15... Кg4 16. К : с6! Фе8! 17. Кd4 ab 18. ab С : d4 19. С : d4 К : b3 20. Фd3 или, наконец, 15... Кеd3 16. К : а4 К : а4 17. bа Кс5 18. К : с6!) белые закрепляли дебютный перевес и получали все шансы на выигрыш.

Теперь же черные оригинальнейшим образом жертвуют фигуру.

15. . . . а4 : b3!

16. Се3 : с5 Ке5 : с4

17. Фd2 — с1 b3 : а2

По мнению Д. Бронштейна, здесь очень сильна была жертва ферзя — 17... b2 18. Фс2 dc 19. Л : d8 Л : d8; Е. Геллер не рискнул пойти на это опасное для обеих сторон продолжение.

18. Кс3 : а2 Фd8 — а5

19. Фс1 : с4 Сс8 — е6

20. Фс4 — с1 d6 : с5

В итоге жертвы фигуры черные получили на ферзевом фланге три связанных проходных пешки. Положение следует признать примерно равным, но позиция с такой быстротой изменилась, что А. Котов не сумел своевременно перестроиться и не оказал в дальнейшем должного сопротивления.

* * *

Наиболее же волнующей партией на турнире была встреча В. Смыслова и Е. Геллера. После пяти часов игры партия осталась незаконченной и была прервана в положении (см. фото № 3; белые — Е. Геллер: Крg2, Лg6, h7, П. а3, с3, d4, f6, g4 и h2; черные — В. Смыслов: Крf8, Ле2, Кс4, d6, П. а5, b6, с6 и d5), где наличие у белых в эндшпиле трех проходных пешек (видимо, Е. Геллер оценил по достоинству силу таких пешек еще в партии с А. Котовым!) ставило перед черными вряд ли разрешимые задачи. Последовало:

43. Крg2 — h3 Ле2 — f2

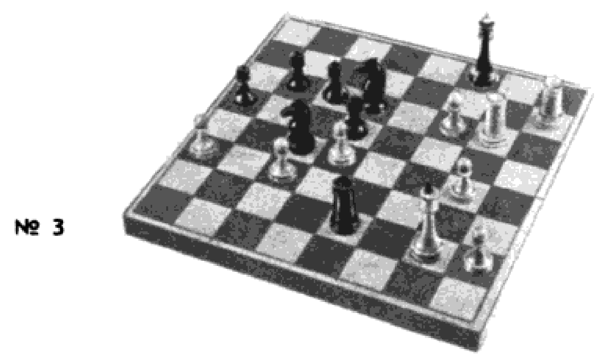
Единственный ход. Нападая на пешку f6, черные отражают страшную угрозу Лgg7 с последующим Лh8X.

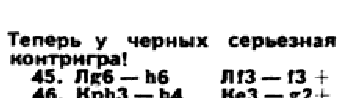
44. Лh7 — а7

Наиболее опасным для черных, как будет показано далее, было продолжение 44. g5, что возобновляло угрозу Лgg7.

В случае же 44. Лd7 (препятствуя ходу 44... Ке3) черные продолжали 44... а4!

44. . . . Кс4 — е3!

№ 3

Теперь у черных серьезная контригра!

45. Лg6 — h6 Лf3 — f3 +

46. Крh3 — h4 Ке3 — g2+

47. Крh4 — h5 Кg2 — f4+

Ничья черным уже сбеспечена (на 48. Крg5 черные могут ответить хотя бы 48... Ке4+ 49. Крf5 Кd6+), но они еще делают попытку выиграть партию.

48. Крh5 — h4 Лf3 — h3+

49. Крh4 — g5 Кd6 — е4+

50. Крg5 : f4 Лh3 : h6

51. g4 — g5 Лh6 : h2

52. Крf4 — f5 Лh2 — h5

Проигрывало как 52. ... Лf2+ 53. Крg6, так и 52. ... Лg2 53. Ла8+ Крf7 54. g6 + Л : g6 55. Ла7 +.

53. Ла7 — а8+ Крf8 — f7

54. Ла — а7+ Крf7 — f8

55. Ла7 — а8 + ничья.

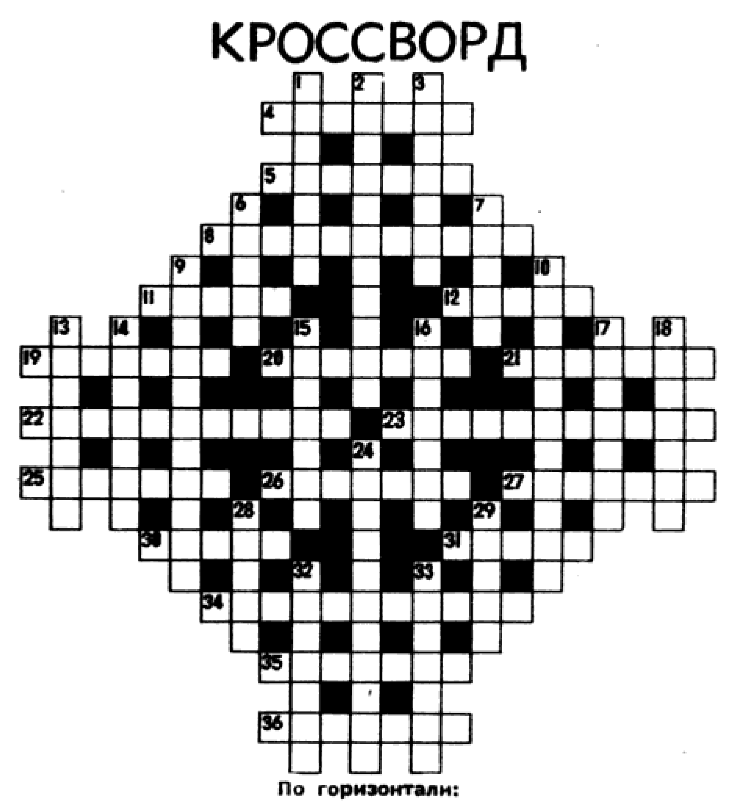
Когда партнеры согласились на ничью, В. Смыслов продемонстрировал хитрый и неотразимый план выигрыша за белых: 44. g5 Кf5 (иначе 45. Лgg7) 45. f7! Ке7 46. Лf6 Л : f6 47. gf Кf5 48. Крg4 Кfd6 49. Крh5 К : f7 50. Крg6 Кcd6 51. Лg7 (теперь грозит h2 — h4 — h5 — h6 — h7 и Лg8X) Кh8 + 52. Крh7 Кhf7 53. Лg8X...

Редкостный вариант!

№ 2

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Знаток искусства ведения войны. 5. Кровеносный сосуд. 8. Оборудование машинами. 11. Войска государства. 12. Отдел юридической науки. 19. Часть города. 20. Участник военной коалиции. 21. Соглашение. 22. Основной закон. 23. Награжденный государством. 25. Труд Карла Маркса. 26. Переустройство. 27. Сильное чувство. 30. Павильон. 31. Наставление. 34. Агитационный листок. 35. Принадлежность фотоаппарата. 36. Законодательное собрание.

По вертикали:

1. Рулевое колесо. 2. Философское учение. 3. Групповые занятия. 6. Высшая творческая способность. 7. Стремительное движение. 9. Общественное объединение. 10. Изображение автором самого себя. 13. Аппарат. 14. Авторитет. 15. Выборный орган. 16. Род картины. 17. Подводник. 18. Чувство нравственной ответственности. 24. Страна. 28. Марксистская газета. 29. Основание. 32. Географический термин. 33. Произведение живописи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 3

По горизонтали:

3. Пятилетка. 10. Блесна. 11. Флейта. 12. Хомут. 13. Батальон. 14. Епиходов. 15. Инжир. 16. Стрела. 17. Аромат. 19. Асеев. 22. «Русалка». 26. Аппарат. 29. Бассейн. 30. Атлас. 31. Радар. 32. Конница. 33. Токката. 35. Рисунок. 37. Ангар. 39. Негина. 42. Урожай. 44. Метро. 46. Лестница. 47. Смоленск. 48. Ворот 49. Каллус. 50. Одежда. 51. Корректор.

По вертикали:

1. «Алмаст». 2. Эстафета. 3. Пальма. 4. Техника. 5. Лимож. 6. Тетерев. 7. Африка. 8. Федотова. 9. Строка. 16. Серпантин. 18. Татарский. 20. Сусанин. 21. Ежевика. 23. Сулак. 24. Ласка. 25. Абака. 26. «Анчар». 27. Парус. 28. «Рудин». 34. Кристалл. 36. Уроженец. 37. Армавир. 38. Реостат. 40. Ереван. 41. Ачинск. 42. Уговор. 43. Апсида. 45. Турне.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ «ДВЕ КИНОСЪЕМКИ» (№ 2)

1) Известно, что фильм демонстрируется со скоростью 24 кадра в секунду, а снимал оператор по одному кадру в минуту. Следовательно, это была так называемая замедленная съемка. Съемка производилась в цветнике, значит, наверное, это была съемка распускающегося цветка. Фильм демонстрировался 12,5 секунды, следовательно, снимался он в течение пяти часов (12×24=300 кадров), за этот период расцветает цветок тюльпана.

2) Любитель ошибочно снимал со скоростью 24 кадра в минуту, а надо было по 24 кадра в секунду, т. е. с той же скоростью, с которой фильм демонстрируется на экране. Вследствие этой ошибки движение на экране (приход и уход оператора) получилось в 60 раз быстрее нормального.

В свободные минуты

ТАИНСТВЕННАЯ ПРОПАЖА

В каком-то романе рассказывается о любопытном случае, приключившемся с одним скрягой-богачом. Этот богач собрал большую коллекцию опалов и жемчуга. Когда ему понадобилось по коммерческим делам надолго уехать, скряга запрятал свои драгоценности в несгораемый шкаф, чтобы никто из родственников не смог пользоваться этими замечательными украшениями. Владелец закрыл шкаф на секретный замок, а ключ увез с собой.

Вернувшись через несколько лет, богач вскрыл сейф и — о, ужас! — вместо великолепных нитей с жемчугом и прекрасных опалов в шкафу оказались лишь... мел и песок.

Полиция установила, что замок сейфа за время отсутствия богача никем не был открыт.

Как же могли исчезнуть драгоценности?

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

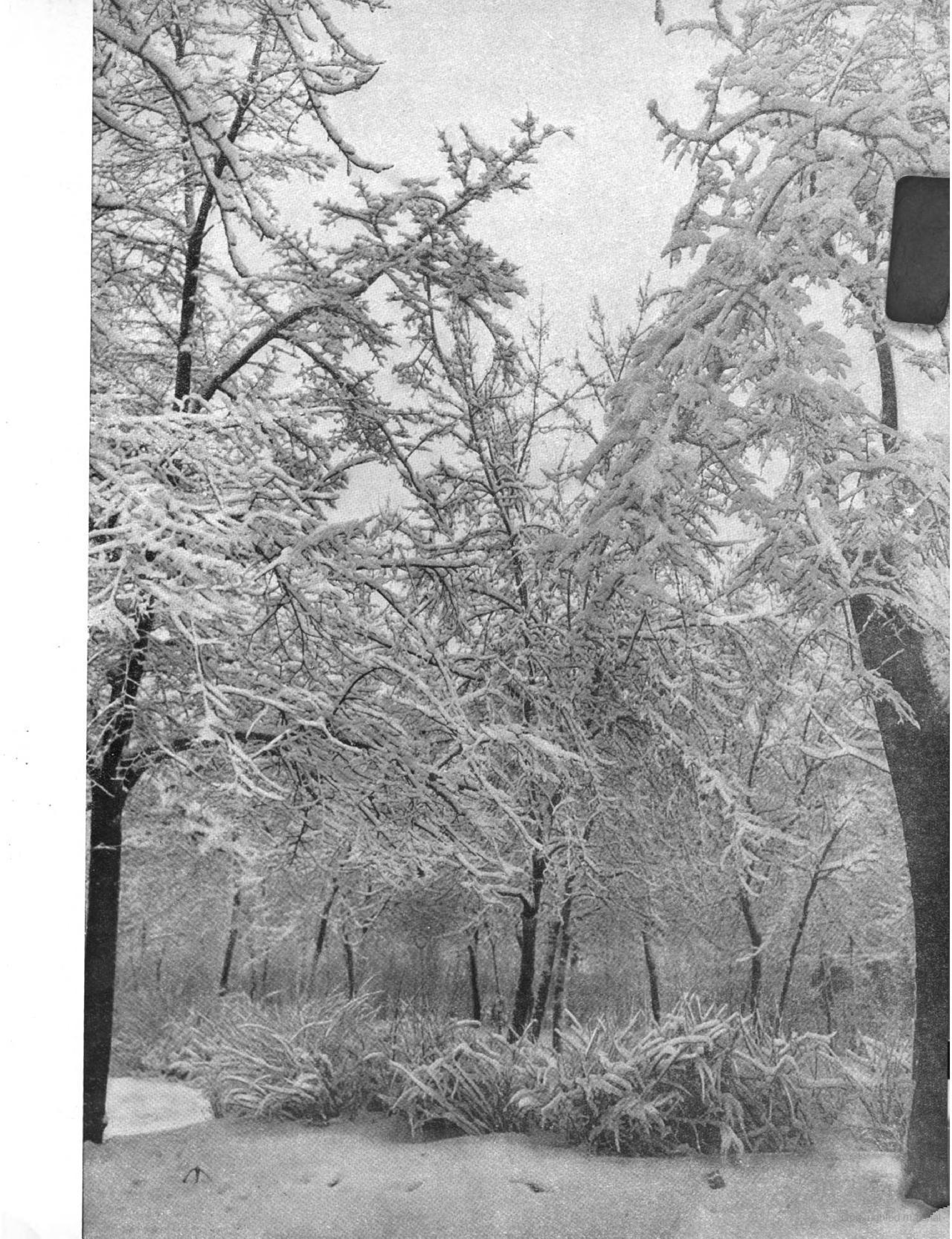
Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

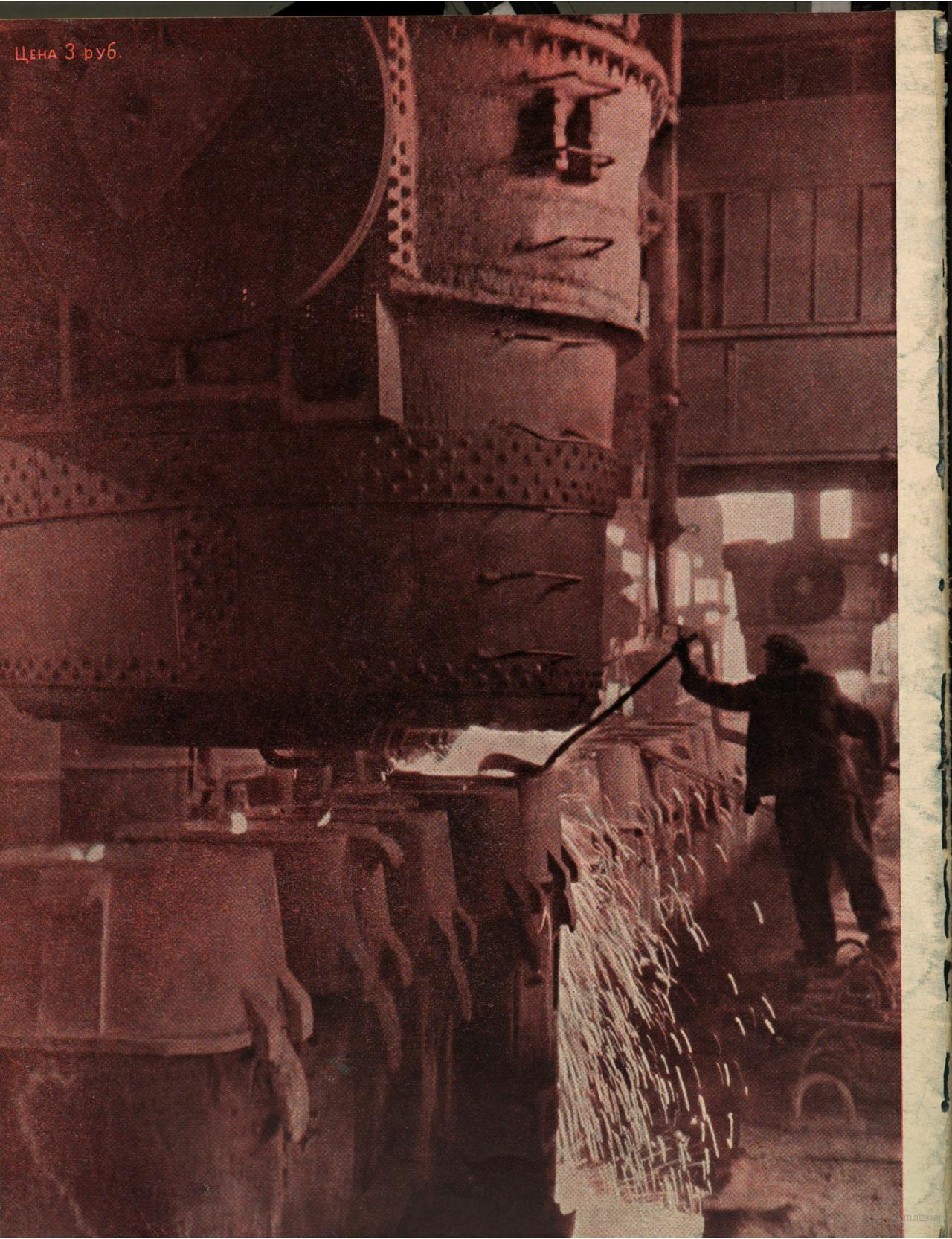
Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А — 00827. Подписано к печати 17/I — 50 г. Изд. № 70. 5½ печ. л. Тираж 381.000. Заказ 3325. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 3 руб.